

IOANNIS CALVINI
COMMENTARIUS IN EPISTOLAM PAULI
AD GALATAS

BRUNSVIGAE,
APUD C. A. SCHWETSCHKE ET FILIUM
(APPELHANS & PFENNINGSTORFF)
1892

ЖАН КАЛЬВИН
ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ПАВЛА
К ГАЛАТАМ

Перевод с латинского И.В. Мамсурова
Редактор: В.М. Лоцманов

2006 г.

В данном издании наряду с текстом Синодального перевода Библии используется также перевод с латинского текста Св. Писания, цитируемого самим автором.

Предисловие

Какую именно часть Азии населяли галаты, и каковы были границы их царства, известно довольно хорошо, но разные авторы по-разному отвечают по вопросу об их происхождении. Все согласны с тем, что они были галлами, откуда и произошло название Галло-греция. Однако не вполне ясно, из какой именно части Галлии они вышли. Страбон, за которым последовало большинство авторов, считал, что тектосаги вышли из Нарбонской Галлии, а остальных галатов он причислял к кельтам. Но поелику Плиний причислил тектосагов к амбианам, то они по общему согласию стали считаться соседями толистобогов, населявших берега Рейна. Мне же кажется вероятным, что они были белгами, жившими в самых низовьях Рейна, близ Британского моря. Ибо толистобогои населяли область, ныне занимаемую жителями Клеве и Брабанта. И отсюда, как мне кажется, возникло заблуждение, что некая ветвь тектосагов вторглась в Нарбонскую Галлию, но сохранила за собой старое название, передав его и той области, которую она захватила. Сие утверждает Авзоний, говоря так: вплоть до тевтосагов, прежде именовавшихся белгами. Здесь он называет белгов по имени и свидетельствует, что те, кто позднее были названы теотосагами, вначале звались тевтосагами. То же, что Цезарь помещает тектосагов в район Герцинского леса, думаю, вызвано их миграцией, что можно вывести и из контекста его слов. Впрочем, о происхождении народа галатов мною сказано вполне достаточно.

Эти галаты, населявшие названную в их честь область Азии и разделенные на три основные народности – тектосагов, толистобогов и трокмов, – имели также, по свидетельству Плиния, три главных города. Некогда они славились своей силой среди окрестных народов и обложили данью большую часть Азии. Затем, оставив отеческую доблесть, они предались удовольствиям и роскоши. Посему Гней Манлий, римский консул, сумел победить и покорить их без значительных усилий. Во времена Павла галаты находились под властью римлян. Когда же Павел настаивал их в чистом и подлинном Евангелии, среди них, после его ухода, появились лжеапостолы, осквернявшие подлинное семя ложными и порочными учениями. Ибо они учили, что соблюдение обрядов необходимо и сейчас.

Это может показаться маловажным вопросом. Но Павел отнесся к нему как к первостепенному артикулу христианской веры, и вполне заслуженно. Ибо далеко не малое зло – затемнять свет Евангелия, набрасывать петлю на человеческую совесть, устранять различие между ветхим и новым заветами. Кроме того, апостол видел, что с этим заблуждением соединено нечестивое и опасное мнение о возможности заслужить праведность. Вот почему он сражался с этим заблуждением с такой яростью и таким упорством. Так же и мы, зная о том, сколь важный и серьезный вопрос обсуждается в этом послании, должны выказывать тем большее внимание в процессе его чтения. Ежели кто будет судить об этом деле из толкований Оригена и Иеронима, то подивится тому, что Павел был так взволнован какими-то внешними обрядами. Но зрящий в самый корень вопроса с готовностью признает: вопрос этот действительно достоин столь острых пререканий. Ведь галаты с большой доверчивостью, даже легкостью и глупостью, позволили увести себя с правильного пути. Потому Павел и попрекает их столь жаростно. Я не согласен с теми, кто думает, что галаты заслуживали более сурового обращения из-за недостатка ума. Ведь искушались также и ефесяне, и колоссяне. Если бы и они столь легко поддались обманщикам, неужели Павел обошелся бы с ними мягче? Итак, основания для упреков дали ему не врожденные качества данного народа, а отвратительность его поведения.

Выяснив, какова была причина для написания сего послания, перейдем теперь к самому порядку изложения. В первых двух главах Павел отстаивает авторитет своего апостольства и приступает к основному вопросу (не считая нескольких попутных отступлений) только к концу второй главы. Вопрос этот касается оправдания человека, которое тщательно исследуется в главе третьей. Хотя кажется, что в первых двух главах обсуждается сразу много вещей, важно лишь то, что Павел доказывает свое равенство с другими апостолами и говорит, что у него есть все необходимое, дабы иметь с ними одинаковую честь. Но для нас немаловажно знать, почему Павел столь сильно озабочен суждением о самом себе. Ибо если ныне царствует Христос, и чистота учения сохраняется неповрежденной, то какая разница больше ли Павел Петра, или меньше, или же они равны друг другу? Если всем надобно унижаться, дабы возвеличился один Христос, то бесполезно сражаться за человеческое достоинство. Потом, можно также спросить, почему Павел сравнивает себя с другими апостолами? Какой у него спор с Петром, Иаковом и Иоанном?

Итак, зачем противопоставлять друг другу тех, кто единокорен и соединен прочными узами? Отвечаю: лжеапостолы, навязавшие себя галатам, чтобы казаться лучше, ссылались на авторитет прочих апостолов, делая вид, что от них посланы. В этом и заключалось их притворство: они утверждали, что представляют самих апостолов и говорят как бы от их лица. И при этом они

отказывали Павлу в звании и правах апостола. Они говорили, что он не входил в число двенадцати, избранных Самим Господом, что он никогда не был признан апостолом этими двенадцатью учениками, что учение его не происходит ни от Христа, ни даже от апостолов. Все это не только сильно уменьшало авторитет Павла, но и делало его обычным членом стада Христова, занимающим положение много ниже апостольского. Если бы речь шла только о личном достоинстве, для Павла не было бы оскорбительно считаться обычным учеником. Но поскольку он понимал, что это повредит авторитету его учения, ему подобало не молчать, но возвысить протестующий голос. В этом и состоит хитрость сатаны: не смея прямо нападать на то или иное учение, он пытается ниспровергнуть его косвенными нападками.

Итак, будем помнить, что в лице Павла подверглась нападкам сама Евангельская истина. Ведь если бы Павел стерпел лишение его апостольской чести, из этого следовало бы, что он до сей поры присваивал себе больше, нежели ему полагалось. А ложная похвальба вызвала бы к нему подозрение и в остальных вещах. От этого зависела бы и оценка его учения, которое принималось бы как провозглашенное не апостолом Христовым, а обычным учеником. Противное же учение подкреплялось бы блеском великих имен. Ибо лжеучителя, хвалясь именами Петра, Иакова и Иоанна, присваивали себе тем самым апостольскую честь. И если бы Павел не противостоял сей дерзости, он уступил бы лжи и в своем лице позволил бы подавить истину. Итак, он настаивает на обоих положениях: и на том, что является поставленным от Господа апостолом, и на том, что ничуть не меньше прочих апостолов, но равен им в правах и достоинстве, имея общее с ними звание. Он мог бы отрицать, что лжеучители посланы Петром и прочими апостолами, что у них имеется от этих апостолов поручение, но выбранный им способ защиты еще лучше: он заявил, что ни в чем не уступает прочим апостолам. Ведь если бы Павел уклонился от такой защиты, подумали бы, что он не верит в собственные полномочия.

Иерусалим тогда был матерью всех церквей, ибо оттуда Евангелие разошлось по всему миру. Посему он был как бы первой кафедрой Христова Царства. Всякий приходящий из него в другие Церкви заслуженно пользовался почетом. Однако многие ложно надмевались от того, что были знакомы с апостолами или, по крайней мере, воспитаны в их школе. Им нравилось только то, что исходило из Иерусалима. Они не только презирали, но и дерзко осуждали любой не практиковавшийся там обычай. Подобная скрупулезность, когда обычай одной церкви мы хотим считать всеобщим законом, является наихудшей из всех бед. Она рождается от порочного рвения, при котором мы так надмеемся славой какого-либо учителя или церкви, что желаем без рассуждения привести всех людей и все церкви к соблюдению их уставов, словно правила эти – всеобщий закон. (Хотя к этому всегда примешана страсть к самовозвышению, более того, чрезмерная скрупулезность непременно связана с амбициями).

Возвращаясь к нашим лжеапостолам, можно сказать так: ежели их желание повсюду внедрить соблюдавшиеся в Иерусалиме обряды происходило из превратного рвения, то уже в этом они немало согрешали. Ибо несправедливо из обычая делать правило. Но еще больше грешили они в другом нечестивом и опасном учении, когда связывали совесть соблюдением обрядов и помещали в этом соблюдении праведность. Теперь мы видим, почему Павел был так яростен в отстаивании своего апостольства, почему он противопоставлял себя остальным апостолам. Об этом он продолжает говорить до конца второй главы, где переходит к рассмотрению главного вопроса: утверждения, что мы оправдываемся перед Богом даром, а не делами закона. Ибо апостол опирается на следующий довод: если обряды не имеют силы оправдывать, значит их соблюдение не обязательно. Хотя говорит он здесь не об одних только обрядах, но и обо всех делах вообще – иначе его довод потерял бы силу. Ежели сказанное кому-то покажется неясным, то, вот, те две вещи, которые рассматривает Павел. Первое: вопрос нельзя разрешить, не исходя из общего принципа: мы оправдываемся только по благодати Божией. А это исключает не только обряды, но и все другие дела. Во-вторых, Павел говорит не столько об обрядах, сколько о нечестивом мнении, что спасение можно обрести делами. Итак, отметим, что Павел не напрасно, как говорят, начинает плясать от печки. Указывать на первый принцип его побуждает необходимость: ведь читатели должны знать, что спор ведется не о тени осла, но о важнейшем из всех вопросов: каким образом мы обретаем спасение.

Итак, заблуждаются те, кто думает, что апостол ограничивается частным вопросом о соблюдении обрядов. Ибо обсуждение сего вопроса само по себе не принесло бы пользы. То же самое видим мы в Деян.15:2. Спор там идет об обрядах: необходимо ли их соблюдать. Но, обсуждая сей вопрос, апостолы одновременно говорят о невыносимом бремени закона, о данном даром отпущении грехов. К чему все это? На первый взгляд, подобный уход от главной темы кажется глупым. Однако это не так. Ведь частное заблуждение нельзя опровергнуть надежно и основа-

тельно, если не исходить из всеобщего принципа. Подобным образом, если мне придется спорить о запрещении употреблять мясо, я буду говорить не только о пище, но и об общем учении. О том, насколько обычаи могут связывать совесть человека. Я скажу и о том, что есть лишь один Законодатель, имеющий власть спасать и губить. Вкратце: Павел доказывает здесь от общего к частному, что является обычным и весьма употребительным способом ведения спора. В своем месте мы увидим, какими свидетельствами он подтверждает положение, что оправдываемся мы по одной лишь благодати Христовой. Павел продолжает эту тему до конца третьей главы.

В начале же четвертой он рассуждает о правильном употреблении обрядов, о том, почему они были установлены, где также доказывает, что ныне все обряды отменены. Ведь надо было ответить на возражение, способное прийти на ум каждому: зачем же было тогда устанавливать обряды? Может, они были бесполезны? Или отцы напрасно старались их исполнять? Павел вкратце затрагивает эти два вопроса и говорит, что в свое время обряды не были излишни, но теперь, с приходом Христа, они полностью упразднились, потому что Сам Христос есть их истина и завершение. Поэтому Павел учит, что теперь нам надобно пребывать во Христе. Там же он кратко говорит о том, чем наше положение отличается от положения отцов. Откуда следует, как превратно и опасно учение лжеапостолов, пытающихся затемнить свет Евангелия ветхими тенями. Затем апостол добавляет некоторые увещания для пробуждения наших чувств. В конце главы он украшает свое рассуждение красивой аллегорией.

В пятой главе он увещевает христиан держаться свободы, приобретенной кровью Христовой, и не предавать свою совесть в угождение людским мнениям. Однако он сразу же указывает на то, каково правильное употребление этой свободы. Одновременно апостол говорит о том, каково истинное христианское подвижничество, дабы люди, напрасно заботясь об обрядах, не упускали из виду самого главного.

Глава 1

1. Павел Апостол, избранный не человеком и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцом, воскресившим Его из мертвых, 2. и все находящиеся со мною братия – церквам Галатийским: 3. благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа нашего Иисуса Христа, 4. Который отдал Себя Самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего злого века, по воле Бога и Отца нашего; 5. Ему слава во веки веков. Аминь.

(1. Павел Апостол, не от человек и не через человека, но через Иисуса Христа и Бога Отца, воскресившего Его из мертвых, 2. и все находящиеся со мною братия – церквам Галатийским: 3. благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа нашего Иисуса Христа, 4. Который отдал Себя Самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего злого века, по воле Бога и Отца нашего; 5. Ему слава во веки веков. Аминь.)

1) *Павел Апостол.* Мы уже говорили в другом месте, что Павел в своих приветствиях имел обыкновение прямо называть себя апостолом, дабы апостольством придать авторитет своему учению. Ибо авторитет апостольского лица зависит не от суждения и разума людей, а от одного лишь призвания Божия. Итак, поелику он апостол, то и требует внимания к словам своим. Будем же всегда помнить про то, что в Церкви следует слушать одного лишь Бога, и поставленного Им учителя, Иисуса Христа. Итак, всякий, желающий присвоить себе учительские полномочия, должен говорить от имени Бога и Христа.

Однако поелику галаты более других сомневались в призвании Павла, он и утверждает его здесь более, чем в других своих посланиях. Ибо не только говорит о том, что призван Богом, но и, наоборот, отрицает, что призван от людей или через людей. Следует отметить, что говорит он не об обычном пасторском служении, а о самом апостольстве. Ведь клеветники не дерзали полностью лишить его служительского звания, отнимая у него лишь имя апостола. Сейчас мы говорим об апостольстве в самом прямом смысле. Ибо слово сие понимается в двух значениях: иногда означает оно любого проповедника Евангелия, но здесь особо относится к первостепенному церковному чину, делая Павла равным Петру и прочим двенадцати ученикам.

Первое из перечисленных им качеств, что он не призван человеками, Павел имеет общим со всеми истинными Христовыми служителями. Ибо как никто не должен присваивать себе честь, так и не во власти человек наделять полномочиями, кого им угодно. Так что одному лишь Богу принадлежит управление Своей Церковью, и посему только то призвание законно, которое происходит от Него. Хотя бы и был кто законно призван в отношении церковных правил, все равно он может приступать к служению по превратной похоти, а не по правой совести. Здесь же

Павел доказывает подлинность своего призвания, к которому не может быть примешана какая-либо корысть. Но кто-нибудь возразит: не часто ли претендуют на то же самое и лжеапостолы? Признаюсь, что да. Более того, они делают это с еще большим вызовом и напыщенностью, чем истинные рабы Господни. Однако у них нет самого призвания, которое мог выставить на всеобщее обозрение Павел.

Второе же качество, то, что он не был призван через человека, особо относится к апостолам. Ибо в обычном пасторе оно не было бы недостатком. Сам Павел вместе с Варнавой поставлял по городам пресвитеров с одобрения верующих. И то же самое приказывает он делать Титу и Тимофею. Таково обычное правило избрания пасторов, ибо не стоит надеяться, что Бог Сам откроет с неба тех, кого избрал. Итак, почему же Павел отвергает то, что не только не является злом, но вполне похвально? Я уже говорил: Павлу было недостаточно доказать, что он – пастор или обычный евангельский служитель, потому что речь шла именно об апостольстве. Апостолов же следовало избирать иным способом, нежели пасторов. Они избирались (как говорят) непосредственно Самим Господом. Так Христос Сам призвал двенадцать учеников, а когда потребовался преемник на место Иуды, Церковь не посмела избрать его обычным голосованием, но прибегла к бросанию жребия. Безусловно, жребий не следует использовать в избрании пасторов. Почему же Матфий был избран именно таким образом? Он был избран так, чтобы быть поставленным от Бога, ведь апостольство надобно отличать от остальных видов служения. Итак, поелику Павел изымает себя из числа обычных служителей, он и претендует на то, что призвание его происходит непосредственно от Бога.

Однако как же он отрицает, что избран через людей, когда Лука говорит, что его и Варнаву призвала Антиохийская Церковь? Одни отвечают на это, что он и раньше служил апостолом, так что данное поставление не было основанием его апостольства. Но можно снова возразить, что именно тогда Павел и был впервые назначен апостолом язычников, в числе которых находились галаты. Посему лучше и вернее ответить так: он хочет здесь не полностью исключить призвание со стороны Церкви, но лишь показать, что его апостольство основывается на более значительном праве. Что несомненно истинно: ведь Антиохийцы возложили на Павла руки не по собственному выбору, а по пророческому повелению. Итак поскольку был он призван божественным образом через особое откровение, а затем Святым Духом назначен и наречен апостолом язычников, отсюда следует, что он не был введен в должность через людей, каким бы торжественным обрядом не сопровождалось его поставление. Если кто-то сочтет, что здесь присутствует косвенное противопоставление с лжеапостолами, я не стану возражать. Ведь они обычно и хвалятся людской честью. Тогда смысл будет следующим: пусть они хвалятся тем, что посланы какими-то великими людьми, тогда я, безусловно, их выше, поскольку послан Самим Богом и Христом.

Но Иисусом Христом и Богом. Павел делает Бога Отца и Христа творцами своего апостольства. Христа именует он прежде, поелику Ему принадлежит право посылать, и ради Него обладаем мы посланничеством. Но ради усиления смысла прибавляет к сему также Отца, как бы говоря: если кому не достаточно величие Христово, пусть знает, что служение возложено на меня Самим Богом Отцом.

Воскресившем Его. Павел не без причины упоминает здесь о воскресении. Ибо оно – начало Царства Христова. Павла попрекали в том, что он не общался с Христом на земле. На это он возражает, что Христос, прославившись через воскресение, воистину являет силу Свою в управлении Церковью. Посему призвание Павла более почетно, чем если бы он был призван Христом, еще находившемся в смертном состоянии. И данное обстоятельство достойно быть особо отмеченным: Павел намекает здесь, что явившаяся в воскресении Христовом чудесная сила Божия злостно поносится его противниками, ибо Тот же Самый Небесный Отец, Который воскресил Христа из мертвых, поставил его, Павла, провозвестником этой Своей силы.

2) *И все находящиеся со мною братия.* Кажется, что здесь Павел пишет от лица многих, чтобы, ежели читатели мало ценят его одного, они, услышав о многих, не посмели презреть всю конгрегацию верующих. Ибо имеет он обыкновение скорее приводить приветы от братьев в конце послания, нежели брать их себе в соавторы в начале. Он называет обычно не более двух человек, и притом самых знаменитых. Здесь же, напротив, одним словом он именует сразу всех. И думаю, что это сделано не без веской причины. Ибо согласие стольких святых должно было что-то значить для галатов и сделать их более смиренными и поддающимися научению.

Церквам. Галатия была обширной областью и, потому, содержала множество разбросанных повсюду церквей. Однако удивительно, что Павел уступает титул Церкви галатам, почти что от-

павшим от Христа. Ибо где Церковь, там и единство веры. Отвечаю: поелику исповедание христианства имеется там, где присутствует призывание единого Бога, употребление таинств и какое-либо служение, у галатов еще сохранились признаки Церкви. Итак, не всегда в церквях присутствует та чистота, которую можно желать. Даже самые чистые из них имеют свои пороки, а другие не только усеяны пятнами, но и почти что изуродованы. Итак, не подобает нам настолько оскорбляться испорченностью учения и нравов, чтобы совершенно лишать имени Церкви то собрание, в котором не все благополучно. Между тем, страдающие пороками собрания следует признавать Христовыми церквями лишь таким образом, чтобы при этом осуждать все, что имеется в них плохого. Ибо не везде, где присутствует какая-либо церковь, имеется полнота всего того, что можно желать от Церкви. Я говорю об этом, поелику паписты, пользуясь этими словами апостола, хотят утверждать все, что им заблагорассудится. Хотя Римской Церкви многого недостает, чтобы состояние ее и устройство было, по крайней мере, таким, каким оно было у галатов. Если бы Павел жил сегодня, то не увидел бы там никакого строения Церкви, но лишь ее развалины и ужасную разруху. Ежели кто хочет более краткой формулировки, то скажу так: Павел, по соименности, называет Церковью то место, где имеется некая часть Церкви, даже если там и не все обстоит гладко.

3) *Благодать вам и мир.* Об этой форме приветствия сказано в толковании на другие послания. Я придерживаюсь мнения, что Павел желает здесь, чтобы Бог был милостив к галатам, и чтобы вследствие этого у них было все благополучно. Подобно тому, как от благоволения Божия к нам текут всяческие блага. Он молит обо всем этом как Бога, так и Христа, поелику вне Христа нет ни благодати, ни какого-либо преуспевания.

4) *Который отдал Себя Самого.* Здесь апостол прежде всего восхваляет благодать Христову, дабы вернуть галатов ко Христу и сохранить их в Нем. Ибо если бы они достойно оценили искупление Христово, то никогда бы не отпали от Него, обратившись к чуждому учению. Ибо кто правильно познал Христа, тот обеими руками хватается и держится за Него, полностью поглощен Им Одним и не желает ничего, кроме Него. Итак, это и есть лучшее средство очистить наши умы от любого рода заблуждений и суеверий, а именно: вспомнить о том, Кем является для нас Христос, и что Он нам дал. Также о многом говорят слова: Который отдал Себя за нас. Ибо Павел хочет уведомить галатов, что отпущение грехов и совершенную праведность надобно искать только во Христе. Поелику Он принес Себя в жертву Отцу, и жертва эта такова, что богохульно прибавлять к ней какие-либо еще удовлетворения. Потом, искупление Христово обладает таким достоинством, что должно вызвать в нас великое и непрестанное восхищение. Впрочем, то, что Павел приписывает здесь Христу, Писание относит в другом месте к Богу Отцу. Причем и то, и другое верно. Ибо Отец постановил в вечном совете совершить для нас данное умилоствление, и одновременно засвидетельствовал о Своей к нам любви, любви столь великой, что не пощадил ради нас даже Своего Единородного Сына, предав Его ради нашего спасения. Христос же Сам принес Себя в жертву, дабы примирить нас с Богом. Откуда следует, что смерть Его есть удовлетворение за грехи.

Чтобы избавить нас. Апостол также объявляет о цели искупления, о том, что Христос Своей смертью приобрел нас в Свое особое достояние. Мы становимся Его достоянием, когда отделяемся от мира, ибо пока мы от мира, мы не принадлежим Христу. Слово «век» употребляется здесь из-за того растления, которое присутствует в окружающем мире. Как и в послании Иоанна (5:19), где говорится, что весь мир лежит во зле, и во многих других местах. Христос же в Евангелии выражается иначе, говоря (Ин.17:15): Не прошу, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. Ибо там под миром Он имеет в виду настоящую земную жизнь. Что же означает в этом месте мир? Людей чуждых Царства Божия и благодати Христовой. Ибо человек, куда живет для себя, всецело осужден. Посему имеются две противоположные друг другу вещи: мир и возрождение. Подобно тому, как противоположны природа и благодать, плоть и дух. Итак те, кто рожден от мира, не имеют ничего, кроме греха и порочности, причем не в силу творения, а в силу грехопадения. Поэтому Христос и умер за наши грехи, чтобы искупить нас из мира или отделить от него.

Лукавого. Апостол добавляет сей эпитет, дабы показать, что говорит о растлении и испорченности, проистекающей от греха, а не о творении Божиим и телесной жизни. Однако одним этим словом он также, подобно удару молнии, низлагает всякую человеческую гордыню. Ибо свидетельствует, что вне происходящего по благодати Христовой возрождения в нас нет ничего, кроме зла и неправедности. Ибо мы от мира, и откуда Христос не исхитит нас от мира, мир будет править в нас, и мы будем жить для него. Итак, как бы не льстили себе люди, они все равно ос-

таются порочными и злобными, как и все, что имеется внутри них. Самим себе они такими не кажутся, однако нам достаточно и того, что Господь возвестил об этом устами Павла.

По воле. Вначале апостол указывает на источник благодати, а именно – изволение Божие. Ибо Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного. Следует отметить, что Павел обычно противопоставляет изволение Божие всем человеческим заслугам и удовлетворениям. Воля означает здесь то, что в народе называют благоволением. Смысл же таков: Христос страдал за нас не потому, что мы были сего достойны, и не потому, что сами сделали нечто, побудившее Его к этому, а потому что таков был совет Божий. **Бога и Отца нашего.** Это означает то же, что «Бога, Который есть наш Отец».

5) *Ему слава.* Здесь апостол внезапно переходит к благодарению, дабы изострить умы галатов к разумению сего бесценного благодеяния Божия, и дабы те, впоследствии, показали себя более поддающимися обучению. Хотя это можно рассматривать и как общее увещание: апостол призывает нас прославлять Бога всякий раз, как только мы вспоминаем о Его милосердии.

6. Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатью Христовою так скоро переходите к иному благовестию, 7. которое впрочем не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово. 8. Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. 9. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема.

(6. Удивляюсь, что вы от Христа, призвавшего вас в благодати, так скоро переходите к иному благовестию, 7. которое не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие извратить благовествование Христово. 8. Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. 9. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема.)

б) *Удивляюсь.* Апостол начинает с упрека, хотя и более мягкого, чем заслуживали галаты. Далее мы увидим, что всю свою ярость Павел хочет обратить на лжеапостолов. Он доказывает, что галаты отступили не только от его учения, но и от Самого Христа. Ибо они могли придерживаться Христа, только признав, что по Его благодеянию мы избавлены от рабства закону. Далее, необходимость соблюдения обрядов, на которой настаивали лжеапостолы, была совершенно противна [Христу]. Так отошли от Христа галаты. Притом не потому, что совершенно отвергли христианство, а потому, что из-за поразившей их порчи у них остался лишь вымышленный Христос. Так и паписты сегодня, желая иметь уполовиненного и разодранного Христа, не имеют Его вовсе. Поэтому и они отошли от Христа. Ибо они исполнены суеверий, прямо противоположных природе Христа. Следует тщательно отметить, что мы отходим от Христа тогда, когда впадаем в нечто противоположное Его служению. Ибо невозможно смешивать свет с тьмою.

По той же самой причине апостол говорит об **ином Евангелии**, то есть инаком по сравнению с тем, которое истинно. Лжеапостолы говорили, что проповедают Евангелие Христово. Однако, поскольку они примешивали к нему собственные домыслы, лишаящие благовестие его главной силы, их евангелие было ложным, извращенным и как бы прелюбодейным. Апостол по народному обычаю употребляет глагол «переходите» в настоящем времени, словно падение их продолжается до сей поры. Он словно говорит: я не сказал, что вы уже перешли, ибо тогда вам было бы труднее вернуться на правильный путь. Теперь же, пока вы еще находитесь на середине пути, не продолжайте идти дальше, а лучше обратитесь вспять. Другие читают так: от Того, Кто призвал вас в благодати Христовой, разумея сие об Отце. Но то чтение, которому следуем мы, много проще. Слова же о том, что они призваны Христом по благодати, направлены на попрёк их неблагодарности. Отойти от Сына Божия само по себе порочно и достойно порицания, но отпасть от Него, когда Он по благодати призывает нас к спасению, еще более гнусно. Ибо в случае нашей неблагодарности благодать Его к нам увеличит тяжесть нашего преступления.

Так скоро. Здесь апостол еще больше подчеркивает мерзость непостоянства галатов. Ни в какое время не подобает отходить от Христа, но галаты тем более достойны порицания, что отпали сразу же по уходу Павла. Итак, как раньше он подчеркивал их неблагодарность, сравнивая ее с благодатным призванием, так и теперь приводит отягчающие их вину обстоятельства.

7) *Которое впрочем не иное.* Некоторые переводят так: поелику нет иного Евангелия. Как если бы это было оговоркой, чтобы кто не подумал, будто имеется множество Евангелий. Я же, что касается толкования сих слов, понимаю проще: Павел презрительно говорит об учении лжеапостолов, которое ведет лишь к смуте и разрушению. Он как бы говорит: что они предлагают?

Какая у них причина нападать на переданное от меня учение? Они смущают вас, извращают Евангелие, и ничего больше. Смысл примерно такой же: я поправляюсь в том, что ранее сказал об ином Евангелии. Итак, апостол отрицает, что это вообще Евангелие, а не простое возбуждение смуты в народе. Хочу лишь обратить внимание: «иное» здесь (по моему мнению) понимается как иная вещь. Подобно тому, как мы говорим: это только от того, что ты хочешь заблуждаться.

Желающие превратить. Апостол говорит еще об одном их преступлении: они причиняют ущерб Христу, желая извратить Его Евангелие. А это весьма тяжкое преступление. Ибо извращение хуже, чем простая порча. И он обвиняет их вполне заслуженно. Ибо Христос и евангельское учение не устоят там, где слава за оправдание человека воздается чему-то другому, а на совесть человека набрасывается петля. Так что всегда надобно знать, что является в Евангелии главным. И всякий, противящийся этому главному, есть разрушитель Евангелия. То же, что апостол приводит имя Христа, можно объяснить двояко. Или так, что Христос является автором Евангелия, или так, что Евангелие ясно показывает нам Самого Христа. Впрочем, не сомневаюсь, что этим эпитетом апостол хотел обозначить истинное и подлинное Евангелие, каковое следует считать единственным в мире.

8) *Но если бы даже мы.* Здесь апостол с большим упованием начинает отстаивать авторитет своего учения. Вначале, он утверждает, что проповеданное им учение и есть то самое единственное, не подлежащее извращению Евангелие. Ибо иначе лжеапостолы могли бы возразить: мы также хотим, чтобы Евангелие пребывало неповрежденным, и чтим его не меньше, чем ты. Подобно сему и паписты претендуют сегодня на то, что имеют священное Евангелие, и окружают само имя «Евангелие» великим почетом. Однако, когда дело доходит до доказательств, они безумно извращают чистое и простое евангельское учение. Итак, Павел, не довольствуясь общим свидетельством, определяет, каково именно это Евангелие, и что оно содержит. При этом, этим истинным Евангелием он провозглашает свое учение, дабы никто не искал его в другом месте. Ибо какая польза употреблять слово «Евангелие» и не знать, что оно означает? Папистам достаточно и того, что имеется какая-то скрытая вера. Однако для христиан, где нет знания, там нет и веры. Итак, дабы галаты в готовности повиноваться Евангелию не колебались туда и сюда, не зная где утвердиться, Павел и приказывает им пребывать в его учении.

Далее, он до такой степени желает доверия к своей проповеди, что возвещает проклятие всем, дерзающим ей противоречить. Апостол даже вполне уместно начал с самого себя. Так он упреждает клевету злых людей, которые могли бы сказать: ты хочешь, чтобы все, сказанное тобою лично, принималось без разговоров только потому, что принадлежит тебе. Итак, дабы показать, что он не имеет здесь ничего личного, апостол лишает права говорить что-либо против сего учения прежде всего самого себя. Он не подчиняет себя другим людям, но, как и подобает, призывает всех соблюдать вместе с ним один и тот же порядок, дабы все были покорны слову Божию. Однако, чтобы еще надежнее ниспровергнуть лжеапостолов, Павел переходит к самим ангелам. Он не просто говорит, что их не следует слушать, ежели они возвещают что-то другое, но объявляет им проклятие. Некоторым может показаться абсурдным, что Павел впутывает ангелов в спор о своем учении. Но тот, кто тщательно все обдумает, поймет, что сделал он это по необходимости. Безусловно, небесные ангелы не могут принести нам ничего, кроме истины Божией, однако, поскольку спор шел о божественно открытом ради спасения людей вероучении, апостол мог полностью избавить его от людского суда, только возвысив над самими ангелами. Посему, возвещая ангелам анафему, если они будут учить чему-то другому, апостол приводит вовсе не лишний довод, хотя этот довод и исходит из невозможного. Ибо данная гипербола немало помогает возвеличить проповедь Павла.

Апостол видел, что и его самого, и учение его пытаются принизить, ссылаясь на громкие людские титулы. На это он отвечает: даже ангелам не позволено принижать его учения. И этим он вовсе не обижает ангелов: ведь они были созданы для проявления славы Божией всеми возможными способами, и даже тот, кто злоупотребляет их именем, но делает это ради божественной славы, на самом деле вовсе не умаляет их достоинства. Отсюда мы не только заключаем о том, каково величие слова Божия, но и укрепляем собственную веру. Ведь, опираясь на слово Божие, мы спокойно можем противоречить самим ангелам и даже воссылать им проклятие. Говоря же «да будет анафема», апостол имел в виду: да будет для вас анафема. О слове «анафема» сказано в 1Кор.12:3. Здесь оно означает проклятие и употребляется вместо еврейского слова ארקה.

9) *Как прежде мы сказали.* Теперь, закончив речь о себе и об ангелах, Павел повторяет то же самое в общих словах: никому из смертных не позволено передавать иное Евангелие, кроме то-

го, которому научились галаты. Отметь здесь слово «приняли». Важно было, чтобы галаты не измышляли в воображении своем какое-то неведомое Евангелие, но твердо придерживались сего определения: то, что было им передано, и есть истинное Евангелие Христово. Поелику веры меньше всего подобают домыслы. Итак, что, если кто-то станет колебаться, не зная, каково подлинное Евангелие? Апостол заповедует считать бесами тех, кто смеет возвещать какое-либо благовестие, отличное от его собственного, называя иным то Евангелие, к которому примешаны чуждые домыслы. Ибо учение лжеапостолов было не полностью противоположно его учению, но испорчено ложными добавлениями. Итак, детской представляется уловка папистов, которые пытаются выхолостить слова Павла. Во-первых, говорят они, его проповедь не известна нам полностью, и нельзя узнать, что именно она содержала, если только не воскреснут из мертвых слышавшие ее галаты. А во-вторых, здесь не запрещается добавлять что-то новое, но лишь осуждается иное Евангелие. Однако то, что принадлежало Павлу, и что было предназначено для нашего знания, можно ясно увидеть из его же сочинений. Так что становится очевидным: все папистское учение есть не что иное, как ужасное извращение истинного Евангелия. Наконец, из контекста явствует, что всякое чуждое учение является иным по отношению к проповеди Павла. Поэтому паписты ничего не выигрывают от своих уловок.

10. У людей ли я ныне ищу благоволения, или у Бога? людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым. 11. Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, 12. ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа. 13. Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее, 14. и преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий.

(10. Ныне же по-человечески ли я убеждаю, или по-божески? людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым. 11. Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, 12. ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа. 13. Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее, 14. и преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи еще более яростным ревнителем отеческих моих преданий.)

Поелику апостол столь уверенно возвышал свою проповедь, теперь он показывает, что делал это по праву, а не по пустому тщеславию. Для доказательства сего он пользуется двумя доводами. Во-первых, касательно душевного настроения он говорит, что не из самомнения, не из-за лести приноравливается к людям. Во-вторых, что еще важнее, Павел говорит, что не является автором своего Евангелия, но добросовестно передает то, что принял из рук Самого Бога.

10) *У людей ли я ныне ищу благоволения.* Это место вследствие двусмысленности греческой фразы истолковывается по-разному. Одни переводят его так: к людям ли обращаюсь я, или к Богу? Другие слова «Бог» и «человек», понимают как «божеское» и «человеческое». Этот смысл вполне подходил бы, если бы не был несколько далек от буквальных слов. Итак, я предпочел следовать тому чтению, которое представляется менее натянутым. Ибо для греков вполне привычно подразумевать в некоторых местах предлог *κατα*. Павел говорит здесь не о доводах своей проповеди, а о настрое своей души, что взирает он более на Бога, нежели на людей. Хотя настрою учащего соответствует и его учение. Ведь подобно тому, как вероуचितельное отступление рождается из самомнения, алчности, или какого-либо превратного вожделения, так и правая совесть заставляет придерживаться чистой истины. Поэтому апостол и претендует на здравость своего учения, ссылаясь на то, что приспособлено оно вовсе не к людским прихотям.

Людям ли угождать стараюсь. Хотя и не сильно, но это все же несколько отличается от предыдущей фразы: ибо стремление завоевать чье-то благоволение и есть причина того, что говорим мы ради угождения людям. Там, где в сердцах наших царствует желание сделать свою речь приятной для людей, мы не в состоянии учить искренне. Итак, Павел свидетельствует, что чист и свободен от сего порока. И дабы еще надежнее очистить себя от клеветы, говорит в вопросительном тоне. Ибо метод вопрошания весьма эффективен в процессе спора, когда говорим мы противникам своим: возражайте, если хотите. Ведь это говорило о внутреннем спокойствии, которое царило в Павле по свидетельству доброй совести. Он наверняка знал, что, хорошо исполнив вверенное ему служение, не заслужил никакого упрека.

Если бы я и поныне угождал людям. Запоминающаяся фраза. Ведь самомнителю, то есть те, кто охотится за людским благоволением, не могут служить Христу. Однако апостол особо говорит,

что добровольно отрекся от угождения людям, дабы предать себя в услужение Христу. Он также сравнивает свою прежнюю жизнь с жизнью настоящей. Раньше он пользовался великим уважением, повсюду принимался с большим восторгом, посему, если бы желал он угождать людям, ему не надо было менять образ жизни. Но отсюда и выводится та общая доктрина, о которой я говорил: всякий, желающий добросовестно служить Христу, должен отважно презирать благоволение людей. Слово «люди» несет с собой некую коннотацию, ибо служители не должны стараться и разонравиться людям. Однако люди весьма различны. Тем, кому нравится Христос, постараемся и мы понравиться во Христе, но тем, кто предпочитает истинному учению свои похоти, никак не следует потакать. Действительно, благочестивым и целомудренным пасторам всегда предстоит проходить через подобную брань: презирать оскорбления тех, кто желает, чтобы им всегда угождали. Ибо в Церкви всегда будут притворцы и негодники, предпочитающие свою похоть слову Божию.

Но и добрые люди искушаются дьяволом и часто обижаются на пастора, даже если тот правильно их порицает. Делают они это либо по утомлению, либо по немощи. Итак, нам подобает не бояться никаких оскорблений, лишь бы не отталкивали мы от Христа немощных братьев. Многие истолковывают это место так, как если бы здесь имелась уступка. Они думают, что смысл таков: если бы я угождал людям, то не был бы рабом Христовым. Но кто упрекнет меня в этом? Кто не видит, что не ищу я благоволения людей? Однако мне больше нравится прежний смысл: Павел напоминает о том, какого людского благоволения лишил он себя, стараясь угодить Христу.

11) *Возвещаю вам.* Вот надежный довод, точка опоры, на которой все стоит: не от людей принял он Евангелие, оно было открыто ему божественно. Поелику же в этом можно было усомниться, апостол приводит экзегетическое подтверждение, то есть то, которое основывается на самом факте. Но дабы возвещение его имело больше веса, он объявляет, что говорит не о чем-то темном и неясном, но о том, в чем готов уверить всех. Ибо таковым и подобает быть серьезному притязанию. Он отрицает человеческое происхождение того, что не мыслит ни о чем человеческом и не измышлено никаким человеком. А чтобы доказать сие, сразу же добавляет, что не был научен никаким земным учителем.

12) *Не от человека.* И что же? Если бы кто был научен человеком, и сам стал бы затем учителем, разве из-за этого уменьшился бы его авторитет? Однако всегда надобно помнить, какими уловками старались подцепить его лжеапостолы: они говорили, что он принял ущербное и подложное Евангелие от какого-то далеко не лучшего, или, по крайней мере, незнатного учителя. А теперь пытается дурно передать его смысл. Сами же себя они выставляли учениками верховных апостолов, знающими о самих сокровенных их мыслях. Итак, Павлу было необходимо противопоставить учение свое всему миру, противопоставить, опираясь на то, что оно было открыто ему божественно, а не передано в какой-либо из людских школ. Иначе не смог бы он ответить на клевету лжеапостолов. Если кто возразит, что научил его Анания, то ответ готов. Ведь ничто не мешает, чтобы Бог и Сам непосредственно научил его Своим словесам, и ради почтения к евангельскому служению использовал для этой цели человеческий труд. Подобно тому, как мы уже говорили: Павел одновременно был и призван божественным повелением, и поставлен на служение свое торжественным голосованием людей. Эти две вещи никак не противоречат друг другу.

13) *Вы слышали о моем прежнем образе жизни.* Весь этот рассказ приведен здесь в качестве доказательства. Апостол напоминает: он всю жизнь ненавидел Евангелие, был его яростным недругом и повсюду истреблял христиан. При этом он призывает галатов в свидетели своих слов как чего-то вполне достоверного, так что сказанное им никак нельзя оспорить. **Сверстниками** называет он тех, кто был с ним приблизительно одного возраста, ибо в отношении старших его сравнение было бы мало подходящим. Под **отеческими преданиями** он понимает не отдельные добавления, коими был искажен закон Божий, а сам божественный закон, в котором был воспитан с младенчества, и который принял из рук отцов и дедов. Итак, Павла, чрезмерно приверженного отеческим обрядам, нелегко было отвратить от его взглядов, если бы Сам Господь не привлек его чудесным образом.

15. Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил 16. открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, – я не стал тогда же советовать с плотью и кровью, 17. и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск. 18. Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. 19. Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня. 20. А в том, что пишу

вам, пред Богом, не лгу. 21. После сего отошел я в страны Сирии и Киликии. 22. Церквам Христовым в Иудее лично я не был известен, 23. а только слышали они, что гнавший их некогда ныне благовестует веру, которую прежде истреблял, – 24. и прославляли за меня Бога.

(15. Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил 16. открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, – я не стал тогда же советовать с плотью и кровью, 17. и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск. 18. Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. 19. Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня. 20. А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу. 21. После сего отошел я в страны Сирии и Киликии. 22. Церквам Христовым в Иудее лично я не был известен, 23. а только слышали они, что гнавший их некогда ныне благовестует веру, которую прежде истреблял, – 24. и прославляли за меня Бога.)

15) *Когда же Бог.* Вторая часть рассказа посвящена его чудесному обращению. Здесь необходимо провести исследование того, почему он был призван благодатью Божией к проповеди среди язычников, и почему тогда же, не став советовать с другими апостолами и полностью полагаясь на совет Божий, без каких-либо колебаний посвятил себя вверенному ему делу. В отношении порядка слов Эразм разногласит с общепринятым чтением. Он соединяет слова так: когда Богу стало угодно, чтобы я проповедовал Христа среди язычников, Богу, Который призвал меня к этому, дабы явить через меня Христа. Однако по моему мнению больше подходит древний перевод. Ибо вначале ему было сделано откровение о Христе, а затем вверена и проповедь. Если же кому-то захочется следовать переводу Эразма, и слова *εἰς* передать как «через меня», то, вот, для выражения способа откровения добавлена еще фраза, «чтобы я проповедовал». Впрочем, на первый взгляд доводы Павла не кажутся очень убедительными. Ведь если кто из обращенных в христианство сразу же, не посоветовавшись с апостолами, примет на себя проповедническое служение, из этого еще не следует, что он поставлен на это через прямое полученное от Христа откровение. Однако апостол опирается здесь на множество доводов, и если все их свести воедино, они вполне достаточны для доказательства. Во-первых, он говорит, что был призван благодатью Божией, затем, что его служение было одобрено другими апостолами, затем то, о чем идет речь дальше. Посему пусть читатели помнят, что весь его рассказ надо брать целиком, и делать выводы из всего сказанного, а не из отдельных частей.

Избравший меня. Это избрание было советом Божиим, коим Павел был предназначен к апостольскому служению еще прежде своего рождения. Затем в свое время последовало призвание, когда Господь явил в отношении него Свою волю и поручил ему приняться за предназначенное дело. Впрочем, нет сомнений, что Бог прежде создания мира постановил все, что сделает с каждым из нас, и тайным судом Своим каждому предназначил свою долю.

Однако Писание обычно говорит о следующих трех ступенях: вечном Божиим предопределении, избрании от утробы матери и призвании, которое есть следствие и завершение того и другого. У Иеремии (1 глава 5 стих) Господь изрекает другие слова, имеющие однако тот же смысл: прежде чем создать тебя во чреве, Я познал тебя; прежде чем вышел ты из чрева, Я освятил тебя; сделал тебя пророком для народов. Ибо Бог освятил еще не рожденного Павла для апостольского служения, подобно тому, как освятит Иеремию для служения пророческого. О Боге также говорится, что Он избрал нас от чрева. Ведь Он производит нас в мир именно с той целью, чтобы исполнить в нас все Им же самим предопределенное. Призвание же отличается от избрания внешними обстоятельствами: через него Бог поставляет нас на то служение, которое Сам же для нас предназначил.

Итак, слова Павла можно истолковать таким образом: когда Богу было угодно открыть через меня Своего Сына, Богу, Который призвал меня так же, как прежде избрал от чрева. Ибо апостол хотел указать на то, что призвание его зависит от тайного избрания Божия. Не потому поставлен он был апостолом, что по собственному старанию подготовил себя к сему служению, не потому, что Бог счел его пригодным для сей непростой ноши; но потому, что еще до рождения Бог предназначил его к этому Своим тайным советом. Ибо апостол по обыкновению своему возводит причину своего призвания к незаслуженному благоволению Божию, что следует особо отметить. Ибо отсюда мы научаемся, что благодати Божией надо приписывать не только то, что мы были избраны и усыновлены для вечной жизни, но и то, что Бог соизволил воспользоваться нашими трудами, трудами тех, кто сам по себе совершенно бесполезен, что Он дал нам законное призвание, на поприще которого мы трудимся. Ибо что имел Павел, еще не родившись, что имел он такого, что удостоило бы его такой чести? Итак, следует думать, что божественному дару, а не нашему усердию, принадлежит наше призвание управлять Церковью.

Далее, некоторые утонченно философствуют о слове «избрал», часто не по делу и необдуманно. Ибо о Боге говорится, что Он нас избрал, не потому, что внедряет Он в нас некую предрасположенность, коей мы отличаемся от других, но потому, что Он выделяет нас в Своем совете. Апостол уже достаточно приписал свое призвание благодати Божией, сказав, что начало сего призвания – это добровольное избрание от материнского чрева. Однако затем он прямо указывает на благодать, отчасти чтобы похвала благодати устранила всякое превозношение, отчасти чтобы засвидетельствовать о своей благодарности Богу. Ибо он охотно делает это, даже когда не спорит с лжеапостолами.

16) *Открыть во мне Своего Сына.* Ежели прочесть: открыть через меня, эти слова будут означать цель его апостольства – возвещать откровение об Иисусе Христе. Каким же образом? Проповедуя Его среди язычников. Это как раз то самое, в чем его обвиняли лжеапостолы. Однако, поскольку по-гречески фраза звучит $\epsilon\upsilon \epsilon\omicron\iota$, думаю, что здесь стоит еврейское словосочетание: в отношении меня. Ибо у евреев предлог «в» часто опускается в тексте, о чем хорошо знают знатоки сего языка. Итак, смысл следующий: Христос был открыт Павлу не для того, чтобы он один наслаждался этим откровением и молча удерживал его в сердце, но для того, чтобы, познав Христа сам, он затем проповедовал Его язычникам.

Не стал тогда же. Советоваться с плотью и кровью означает призывать в советчики плоть и кровь. Образы же плоти и крови нужны для того, чтобы исключить всякий человеческий совет. Ибо апостол имеет здесь в виду вообще всех смертных, всю их мудрость и благоразумие, как скоро будет явствовать из самого контекста. Более того, он включает туда и самих апостолов, делая это для того, чтобы еще яснее воссияло его прямое божественное призвание. Итак, опираясь лишь на божественный авторитет, и довольствуясь им одним, апостол и посвятил себя проповедническому служению.

И не пошел в Иерусалим. Это – толкование предыдущего предложения и усиление его смысла. Павел как бы говорит: я не желал основываться на авторитете кого-либо из смертных, даже на авторитете самих апостолов. Итак, заблуждаются те, кто отрицает, что и апостолы включены в понятие плоти и крови, по той лишь причине, что Павел упоминает о них отдельно. Ибо в этом месте он не добавляет чего-то нового, но просто излагает то, о чем прежде говорил менее ясно. Причем он не оскорбляет апостолов таким высказыванием. Павлу, действительно, нужно было противопоставить апостолов Богу, но лишь для демонстрации того, что он не был движим человеческим внушением, и для устранения ложных притязаний своих противников. Ведь там, где с Богом сравнивается Его творение, мы не причиним этому творению несправедливости, как бы его ни принижали.

17) *А пошел в Аравию.* Лука в своих Деяниях пропускает этот трехлетний период. Подобно тому, как пропускает и многое другое. Посему необоснованна клевета тех, кто ищет здесь какого-то противоречия. Впрочем, пусть благочестивые читатели размышлят о том, сколь тяжкую борьбу с искушениями пришлось с самого начала вести Павлу. Тот, кто еще недавно был с почестями и пышным эскортом послан в Дамаск, ныне вынужден беженцем странствовать по чужой земле. Однако апостол не пал духом.

18) *Потом, спустя три года.* Только на третий год своего апостольства Павел вернулся в Иерусалим. Итак, он не был призван к апостольству какими-либо людьми. Однако, дабы не показалось, что дело его отлично от дела прочих апостолов, и поэтому он их избегает, Павел говорит, что целью его прихода было увидеть Петра. Итак, хотя он и не пытался в своем служении опереться на их авторитет, однако же и не заступил на место апостола против их воли, но, наоборот, сделал это с их согласия и одобрения. Именно это Павел и хочет сказать: он никогда не был чужд другим апостолам, и даже теперь хорошо с ними общается. Упоминает же о краткости прошедшего времени, дабы показать, что пришел не для научения, но для установления общения. С этой же целью он добавляет: «другого же из Апостолов я не видел никого», поелику, путешествуя по другим местам, он приходил туда всего один раз.

19) *Кроме Иакова.* Кто был этот Иаков, надо исследовать отдельно. Древние согласны между собой в том, что это был один ученик из рода Облии и Юста, председательствовавший тогда над Иерусалимской Церковью. Хотя другие считают, что это был сын Иосифа от другой жены. Третьи думают (что больше похоже на правду), что это был двоюродный брат Христа, сын сестры его матери. Однако, поелику он назван в числе апостолов, я не могу принять данное мнение. И не правомочно объяснение Иеронима, что имя апостола иногда переносилось на кого-то еще, кроме двенадцати учеников. Ведь в этом месте Павел говорит о высшем апостольском достоинстве. А немного спустя мы слышим, что Иаков числился среди главных столпов Церкви. Итак,

мне кажется более вероятным, что он сын Алфея. Остальные же апостолы, вероятно, были рассеяны по разным местам. Ибо они не сидели празднично в одном городе. Хотя Лука и говорит, что Варнава привел Павла к апостолам, однако здесь надо разуметь не всех двенадцать учеников, но лишь тех двух, которые оставались тогда в Иерусалиме.

20) *А в том, что пишу вам.* Данная фраза относится ко всему рассказу. Это показывает, сколь серьезно отстаивает Павел свои прерогативы. Он даже приносит клятву, к которой не следовало прибегать, кроме как в весьма важных и ответственных делах. И не удивительно, что он с таким рвением отстаивает свое дело, ведь мы уже видели, какие козни строили мошенники, пытаясь лишить его звания и чести апостола. Впрочем, следует отметить, какова форма той клятвы, к которой обычно прибегают святые, дабы мы осознали, что клятвою делаем не что иное, как выставляем на суд Божий достоверность и истины наших слов и поступков. А это действие необходимо для того, чтобы повсюду правило благочестия и страх Божий.

22) *Лично я не был известен.* Мне кажется, что данная фраза добавлена, чтобы еще больше подчеркнуть злонравие и низость хулителей Павла. Ведь, ежели церкви иудейские руководствовались одним только слухом, воздав хвалу Богу за великое дело Его, совершенное в Павле, то сколь позорно не сделать то же самое тем, кому была воочию явлена чудотворная сила апостола? Ежели одни довольствовались только молвою, то почему другим не было достаточно созерцания самих дел? Говорится же «истребляя веру» не потому, что вера сама по себе способна быть истребленной, но потому, что Павел истреблял ее в немощных людях. Кроме того, здесь больше имеется в виду сама попытка, а не ее успех.

24) *Прославили за меня.* Красноречивым знамением было то, что служение Павла одобрили все иудейские церкви, и одобрили до такой степени, что с восхищением и хвалой признали в нем великую силу Божию. Так апостол косвенно обуздывает злоумышленников. Он говорит, что те клеветой своею добиваются именно того, чтобы затмить славу Божию, ту славу, которая по признанию самих апостолов сияла в Павловом служении. Попутно апостол предписывает нам правило, каким образом должны мы принимать святых Божиих людей. Ибо в нас живет такая превратность, неблагодарность и склонность к суеверию, что, видя людей, наделенных дарами Божиими, мы почитаем их как богов, забывая о том, от Кого они получили эти дары. Посему нас увещивают прежде всего взирать на Творца сих даров, приписывая Ему то, что Ему же и принадлежит. Одновременно мы узнаем, что превращение Павла из врага Евангелия в его служителя дает повод нам для восхваления Бога.

Глава 2

1. Потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим с Варнавою, взяв с собой и Тита. 2. Ходил же по откровению, и предложил там, и особо знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвигаюсь или подвизался. 3. Но они и Тита, бывшего со мною, хотя и Еллина, не принуждали обрезать, 4. а вкравшимся лжебратиям, скрытно приходившим подсмотреть за нашею свободою, которую мы имеем во Христе Иисусе, чтобы поработить нас, 5. мы ни на час не уступили и не покорились, дабы истина благовествования сохранилась у вас.

(1. Потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим с Варнавою, взяв с собой и Тита. 2. Ходил же по откровению, и поведал им благовествование, проповедуемое мною язычникам. Отдельно же тем, кто был в особом почете, не напрасно ли я подвигаюсь или подвизался. 3. Но даже и Тит, бывший со мною, хотя и Еллин, не был принужден обрезать, 4. ради вкравшихся лжебратий, скрытно пришедших подсмотреть за нашею свободою, которую мы имеем во Христе Иисусе, чтобы поработить нас. 5. Мы им ни на час не уступили и не покорились, дабы истина благовествования сохранилась у вас.)

1) *Потом, спустя четырнадцать лет.* Едва ли можно с определенностью утверждать, что Павел понимает тот приход, о котором пишет Лука в Деян.15:2. Более того, исторический контекст скорее заставляет нас думать обратное. Ибо сказано, что Павел приходил в Иерусалим четыре раза. О первом приходе уже было сказано. Второй раз он пришел, когда принес с Варнавою пожертвования, собранные в греческих и асийских церквях. Об этом сказано в конце двенадцатой главы. Многие причины заставляют меня думать, что здесь имеется в виду именно этот приход. Ведь иначе выходило бы, что и Лука, и Павел говорят неправду. Но еще более убедителен следующий довод: Петр получил упрек, будучи в Антиохии в то время, когда там находился Павел. Это произошло еще до того, как Павел был послан в Иерусалим другими церквями, чтобы разрешить возникший спор об обрядах. Ведь глупо полагать, что Петр прибегнул бы к подобному лицемерию, если бы спор был уже разрешен, и апостольское постановление – обнародовано.

Здесь же Павел пишет, что пришел в Иерусалим, а потом добавляет, что обличил Петра в лицемерии. Но Петр не повел бы себя так, если бы речь не шла о сомнительном деле. Кроме того, едва ли Павел стал бы говорить о том, что уже было решено с общего согласия верных, не упомянув при этом о самом факте этого согласия, и о приведшем к нему событии. Также не достаточно ясно, когда именно было написано Послание к Галатам. Греки думают, что оно было написано из Рима, латиняне – из Эфеса. Я же думаю, что оно было написано не только до того, как Павел прибыл в Рим, но и прежде, чем произошло то достопамятное совещание, на котором апостолы решили вопрос об употреблении обрядов. Ибо противники Павла ложно прикрывались именем апостолов и, опираясь на него, изо всех сил старались очернить Павлово служение. Как же можно было Павлу проявить такую небрежность и не сказать о постановлении, которым его противники поражались в самое сердце? Конечно же, их уста заградило бы даже одно слово об этом постановлении: вы возражаете мне, ссылаясь на апостолов, но ведь все знают, о чем они постановили, посему я обвиняю вас в бесстыдном обмане. Вы обязываете язычников соблюдать закон как бы по их поручению, но ведь имеется их рескрипт, освобождающий совесть этих язычников.

Надо также учесть, что апостол с самого начала упрекает галатов в скором отступлении от переданного им Евангелия. Отсюда легко заключить, что после принятия ими Евангелия и до того, как возник спор об обрядах, прошло некоторое время. Далее, четырнадцать лет я разумею не как прошедшие от первого прихода до второго, а как все время, протекшее с момента обращения Павла. Таким образом, между двумя его приходами прошло одиннадцать лет.

2) *Ходил же по откровению.* Здесь апостол подкрепляет свое служение и учение не только делами, но и божественным словом. Ибо Бог непременно благословит путешествие, цель которого утвердить Его же учение. Так что предпринято оно не только по поручению людей, но и властью самого Бога. А это более, чем достаточно для преодоления упорства тех, кто обвинял Павла, прикрываясь именами апостолов. Ведь, если до этого и был какой-то повод для разногласий, то теперь, когда Бог сказал Свое слово, все споры должны прекратиться.

Предложил (поведал) там. Во-первых, следует отметить само слово «поведал». Ибо апостолы не предписали Павлу, чему он должен учить. Он поведал им о своем учении для того, чтобы, подписавшись под ним, они добавили к нему также и свой авторитет. Поелику же противники могли сочинить клевету, что Павел хитростью и притворством снискал апостольское благоволение, он конкретно говорит о том, что рассказал о своем Евангелии, о том Евангелии, которое проповедовал среди язычников. Он сделал это, дабы отвратить всякое подозрение в обмане и притворстве. Увидим же, что последовало за этим. Апостолы не только не упрекнули Павла в том, что он принял за дело по собственной инициативе, но без всякого спора и без каких-либо условий одобрили то, чему он учил. Они сделали это по внушению Того же Духа, под водительством Которого пришел к ним Павел. Итак, они не поставили его апостолом, но лишь признали в таковом качестве. Однако об этом потом.

Не напрасно ли я. Что же? Разве пала бы истина Божия, если бы не подкрепились человеческим свидетельством? Ведь если бы даже весь мир оказался неверен, истина Божия осталась бы твердой и неповрежденной, и не напрасно трудятся те, кто по заповеди Божией проповедует Евангелие, пусть даже от трудов их и не возникает никакого плода. Посему не это имеет в виду Павел. Но поелику для сомневающейся совести бесполезно служение слова, выражение «напрасно» употребляется по отношению к людям и означает «бесполезно трудиться». В том смысле, что за этим не следует должное назидание. Далее, острым жалом, ранящим совесть немощных, служила ложь самозванцев о том, что учение, проповедуемое Павлом, противоречит доктрине апостолов. Так что многие начинали колебаться.

Конечно же убежденность веры не зависит от людского согласия. Посему нам прежде всего надлежит полагаться на простую истину Божию, чтобы ни люди, ни ангелы не смогли нас с нее сдвинуть. Однако для необразованных и тех, кто едва только вкусил здравого учения, кто еще не впитал его в свою плоть и кровь, для таковых почти нестерпимое искушение слышать, как разногласят между собой знаменитые учителя. Больше того, сатана иногда улавливает сей хитростью даже крепких в вере людей. Он делает это, выставляя не показ распри тех, кому более остальных подобает быть единомысленными. Едва ли можно точно сказать, сколь многих он таким образом отвратил от Евангелия, вера скольких людей была поколеблена от подобных несчастных раздоров в теле Христовом. Ведь они видели, как авторитетнейшие мужи яростно враждуют по поводу главного вероучительного вопроса. Наоборот, согласие всех учителей далеко не последнее средство для укрепления веры. Итак, поелику сатана подобной хитростью пытался воспрепятствовать ходу Евангелия, Павел восхотел вступить с ним в открытый бой.

Когда же стало ясно, сколь совершенно согласие его с прочими апостолами, затруднение было полностью устранено. И душа немощных более не терзались вопросом, за кем им надлежит следовать. Итак, он говорит по существу следующее: дабы не погибли мои прежние старания, и не лишиться мне плода, я устраняю терзающее многих сомнение. Мне ли или Петру должно оказывать доверие? Но ведь и он, и я единодушны в том, чему я всегда учил. Посему, ежели многие пекутся сегодня о назидании других так же, как Павел, пусть они больше заботятся о взаимном между собой согласии.

3) *Но они и Тита* Апостол использует и другой аргумент, доказывая, что он ни в чем не разногласит с прочими апостолами. Он привел к ним необрезанного человека, но они не усомнились признать его за брата. Апостол объясняет, почему Тит не был обрезан: ведь обрезание, будучи нейтральным делом, должно употребляться или не употребляться в зависимости от того, приносит ли оно назидание. Ибо всегда следует придерживаться правила: если все нам позволено, будем придерживаться полезного. Поэтому Павел и обрезал Тимофея. Он не хотел, чтобы обрезание его соблазнило немощных. Ведь тогда он говорил с немощными, коих подобало щадить. Он с готовностью сделал бы то же самое и с Титом, поелику никогда не уставал в своем терпении к немощным. Однако здесь была иная ситуация. Появились отдельные лжебратия, клеветующие на его учение. Они сразу бы сказали: смотрите, сей яростный защитник свободы, придя к апостолам, тут же отложил в сторону свою прыть, которой отличался среди неопытных. Подобно тому, как не подобало искушать немощных, надобно было и противостоять злым, ставшимся поработить нашу свободу. Ибо обязанности любви не должны вредить вере. Итак, в употреблении безразличных вещей любовь является лучшей советчицей, но только тогда, когда на первом месте ставится вера.

4) *А вкрадшимся лжебратиям.* Здесь может быть двоякий смысл: что Тит не был обрезан, но лжебратия неподобающе попрекали его за это и хотели принудить обрезаться; или что Павел приложил усилия, чтобы его не обрезывать, поелику знал, что даст этим повод к клевете. Ибо, пользуясь сим обстоятельством, лжебратия хотели уличить Павла в одном из двух. Если бы он добровольно презрел отеческие обряды, они возбудили бы у иудеев ненависть к нему, а если бы отошел от принципа свободы, то стали бы клеветать на него язычникам. Словно он, устыдившись, отказался от своего учения. Здесь мне больше нравится второй смысл: Павел не захотел обрезывать Тита, имея в виду козни лжебратьев. Ведь он говорит, что не был принуждаем, дабы читатели поняли: Павел не осуждает обрезание само по себе, как будто оно несет зло. Однако он отрицает необходимость его соблюдения. Он как бы говорит: я был бы готов обрезать Тита, если бы речь не шла о чем-то более важном. Ибо лжебратия хотели возложить на нас ярмо закона, и их принуждению не подобало уступать.

5) *Мы ни на час не уступили.* Постоянство было отличительным качеством Павлова учения. Ведь когда возникли лжебратия, желавшие возвести на него напраслину, а он без трепета им противостоял, то тем самым устранил повод для всяких дальнейших сомнений. Уже нельзя было клеветать, что он обманул апостолов. Итак, Павел отрицает, что даже на миг уступил своим противникам, то есть покорился им. Ведь такой поступок служил бы свидетельством оставления им евангельской свободы. В других же случаях он терпеливо и кротко готов был уступать всем до конца своей жизни.

Дабы истина благовествования. Опасность была не в том, что Павел сам лишился бы свободы, покорившись лжебратиям, но в том, что другие потерпели бы ущерб. Итак, он благоразумно рассудил о том, что было полезно в данной ситуации. Из этого мы видим и то, как следует избегать соблазнов, и то, к чему следует стремиться в употреблении безразличных вещей, именно к назиданию других. Итог таков: мы рабы для наших братьев, но рабы с той целью, чтобы вместе служить Господу, и чтобы совесть всех пользовалась должной свободой. Эти же лжебратия хотели вернуть благочестивых в рабство, посему им не следовало уступать. Истина Евангелия должна считаться его подлинной чистотой, или, что то же самое, его чистым и неповрежденным учением. Ведь лжеапостолы не упразднили Евангелие совершенно, они лишь исказили его своими измышлениями, так что Евангелие становилось у них вымышленным и половинчатым. И так будет происходить всегда, когда мы хоть на самую малость отходим от простоты Христовой.

Итак, сколь бесстыдно паписты хвалятся тем, что имеют чистое Евангелие, Евангелие более чем искаженное не только многочисленными домыслами, но и совершенно нечестивыми догматами. Будем же помнить, что не достаточно прикрываться именем Евангелия, если не сохраняется невредимой его чистота. Где же те, кто желает примирить нас с папистами ложной умеренностью и кротостью? Как будто из учения веры можно что-то выбрасывать, как отказываются от

части денег или военной добычи. Мы видим, как далек от подобного соглашательства Павел, отрицающий, что поврежденное Евангелие может быть истинным.

6. И в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного: Бог не взирает на лице человека. И знаменитые не возложили на меня ничего более. 7. Напротив того, увидев, что мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных, – 8 ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников, – 9. и, узнавши о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным, 10. только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности.

(6. И в знаменитых чем-либо, (какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного: Бог не взирает на лице человека) – ибо знаменитые не возложили на меня ничего более. 7. Напротив того, увидев, что мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных 8. (ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников), 9. и, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным, 10. только чтобы мы помнили нищих. Что и старался я исполнять в точности.)

6) *И в знаменитых чем-либо.* Павел не успокоится до тех пор, пока галаты не поймут: Петр и прочие апостолы ничему большему его не учили. Отсюда Порфирий и Юлиан обвиняли сего святого мужа в гордыне, говоря, что он был настолько мнителен, что не терпел учиться у других. Ведь он претендует на то, что никто из людей не сделал его учителем, и упорно избегает показаться ниже прочих. Однако всякий, видящий, насколько необходимой была тогда эта «гордыня», поймет, какой наивысшей похвалы она достойна. Ибо ежели Павел уступил бы противникам, и сказал, что учился у апостолов, он дал бы им повод для двойной клеветы. Они бы тут же сказали: теперь ты научился как следует, чтобы исправить то, в чем раньше ошибался, и не стремился более забегать вперед. Таким образом, все его предыдущее учение подпало бы под подозрение, и все предыдущее назидание оказалось бы бесплодным. Кроме того, авторитет его также оказался бы подорванным, ведь его стали бы считать обычным учеником.

Итак, мы видим, что не столько из-за себя, сколько по необходимости утверждать истинное учение апостол прибегает к сему святому самовосхвалению. Здесь нет борьбы амбиций, поелику речь идет не об отдельных людях. Но Павел не хочет, чтобы его апостольство затмевалось величием каких-либо людей. Апостольство, с которым связан авторитет евангельского учения. Ежели сказанного и не достаточно для усмирения этих псов, то, по крайней мере, вполне опровергает их твяканье.

Какими бы они ни были когда-либо. Данную фразу надо читать отдельно. Апостол вставил ее, чтобы противники знали: его не заботит слава других людей. Впрочем, это место толкуется по-разному. Амвросий думает, что апостол попутно обуздывает глупость тех, кто, чтобы принизить Павла, ставил ему на вид прочих апостолов. Он как бы говорит: как будто мне нельзя возразить, и сказать в ответ, что некоторые из апостолов – необразованные люди, только и умеющие, что ловить рыбу, в то время как я сызмальства обучался у ног Гамалиила. Однако я так не скажу, поелику знаю, что Бог не взирает на лица.

Златоуст и Иероним понимают сие место жестче: будто Павел косвенно угрожал здесь даже первоверховным апостолам. Смысл таков: какими бы они ни были, они не смогут избежать суда Божия, ежели уклонятся от служения своего. Не избавит их ни достоинство их чина, ни похвала людей. Данное толкование кажется мне проще и более согласным с мыслью Павла. Он соглашается с тем, что верховные апостолы предшествуют ему в отношении времени своего призвания. Однако отрицает, что это мешает ему иметь одинаковый с ними авторитет. Он не говорит, что его не заботит, каковы они в настоящем, но упоминает лишь о прошедшем времени, когда они уже были апостолами, а он еще чуждым Христовой веры. Вкратце, Павел не хочет, чтобы люди оценивались по своему прошлому поведению. Он не считает справедливой поговорку: кто первенствует во времени, имеет больше прав.

Лице человека. Кроме уже приведенных мною толкований, некоторый вес имеет и третье мнение, состоящее в том, что в мирских делах взирать на лица вполне уместно, но в духовном царствии Христовом от сего следует отказаться. Это похоже на истину. Ведь о мирских делах говорил Господь, когда сказал (Втор.1:17): Не будь лицеприятен в суде. Но я не хочу спорить по этому поводу, потому что сие никак не относится к настоящему месту. Ведь Павел просто имеет в виду, что та честь, которую получили апостолы, заступив на свое служение, не мешает и ему быть призванным от Господа и во всем оказаться равным этим людям. Какой бы великой ни

была разница между ними, для Бога она ничего не значит, ведь Он не взирает на лица, и Его призвание не знает предпочтений.

Однако даже в этом случае может показаться, что Павел говорит сие без должных оснований. Ведь, хотя и истинно, что в делах Господних нет лицемерия (что, конечно же, надобно старательно подчеркивать), какое отношение имеет это к Петру и другим апостолам, пользующимся уважением не из-за достоинства своего лица, а по своей святости и духовным дарованиям? Ибо лицемерие противопоставляется страху Божию и доброй совести в Деян.10:34,35 и 1Пет.1:17. Таково обычное учение Писания. Но апостолам придают честь и достоинство их благочестие, правое рвение, набожность и другие подобные дары. Поэтому кажется, что Павел отзывается об апостолах презрительно, словно в них не было ничего, кроме внешней личины. Отвечаю: Павел оценивает здесь апостолов не такими, каковы они есть на самом деле, а исходя из пустых притязаний своих противников. Ибо, пытаясь протолкнуть свои измышления, они во весь голос славили Петра, Иакова и Иоанна. И уважение, с которым к ним относилась Церковь, обращали в повод для презрения к Павлу.

Итак, Павел говорит не о том, каковы апостолы по сути, не то, что он думает о них безотносительно к данному спору, а срывает с них ту личину, в которую наряжали этих мужей лжебратия. Подобно тому, как впоследствии он рассуждает об обрезании, исходя не из собственного его смысла, а из ложного о нем мнения, так и теперь говорит он об апостолах, что для Бога ничего не значит та личина, которой они славились в мире. Это явствует из его же слов. Ведь почему другие предпочитали их Павлу? Потому что они предшествовали ему во времени. Это было как бы их внешней личиной. Иначе он без всяких сомнений от всего сердца признал бы их достоинство и почтил бы в них особые дары Божии, ибо в другом месте Павел называет себя наименьшим из апостолов, и даже недостойным сего великого служения.

Не возложили на меня ничего более. Это можно прочесть и так: ничего мне не сообщили. Это тот же самый глагол, который уже дважды употреблялся Павлом. Однако смысл вполне ясен: апостолы, услышав Евангелие Павла, не противопоставили ему свое Евангелие (как обычно бывает, когда имеется нечто лучшее и более совершенное), но, довольствовавшись его проповедью, просто и без каких-либо колебаний приняли его учение. Таким образом, поелику речь шла о несомненной истине, между ними не было сказано ни одного слова. Однако Павел не присвоил себе первенство в учении, подобно тем, кто диктует правила остальным, но лишь изложил свою веру, о которой тогда ходили недобрые слухи. Они же одобрили ее своим согласием.

7) *Напротив.* Апостолы несомненно протянули ему руку общения. Этим они засвидетельствовали об истинности его учения. Притом безоговорочно, поелику ничего не сказали против, как обычно бывает в спорных вопросах. Они возвестили, что имеют общее с ним Евангелие, удостоив тем самым Павла титула и чести их соратника. Кроме того, установление общения сопровождалось разделением между ними отдельных областей для проповеди. Так что они оказались полностью равны, и Павел ни в чем им не подчинился. Дать руку общения означает здесь заключить соглашение о взаимном общении.

Увидев, что мне вверено. Павел отрицает, что апостолы облагодетельствовали его, что он стал апостолом по их изволению и согласию. Он говорит лишь о том, что они признали его апостольское достоинство, не отказывая ему в том, что дал Сам Бог. Павел всегда настаивает на том, что является апостолом по дару и установлению Божию, но добавляет здесь, что и другие апостолы признали его таковым. Откуда следует: его болтливые противники дерзают делать то, на что не решились и сами апостолы, дабы не противоречить божественному избранию. Здесь Павел начинает отстаивать то, что отличало его от остальных: свое апостольство для необрезанных. Ибо в том и отличались Павел и Варнава от прочих, что были они апостолами, предназначенными для проповеди язычникам. Это совершилось по слову Божию: и прочие апостолы не только стерпели сие, но и охотно с этим согласились. Ведь не повиноваться Богу было бы нечестием.

Итак, мы видим, как они, руководствуясь божественным речением, распределили между собой служения. Павел и Варнава должны были стать апостолами язычников, а прочие – апостолами иудеев. Однако кажется, что здесь они воспротивились Христовой заповеди, повелевшей двенадцати ученикам идти и проповедовать всему миру. Отвечаю: заповедь эта относилась не к отдельным апостолам, а указывала на общую цель их служения. На то, что спасение должно быть возведено всем народам через евангельское учение. Ибо очевидно, что апостолы не сумели обойти весь мир. Более того, не похоже, чтобы кто-нибудь из двенадцати когда-либо ходил в Европу. То же, что говорят о Петре, если и не сказка, то, по крайней мере, весьма недостоверно.

Ежели кто возразит, что согласно заповеди служение каждого в отдельности должно адресоваться как иудеям, так и язычникам, я соглашусь: да, это так, но постольку, поскольку предоставится возможность.

Признаю, что каждый апостол нес служение по распространению Евангелия как среди язычников, так и среди иудеев. Апостолы не были настолько разделены между собой, чтобы проводить четкие границы, которые не подобало переходить. Подобно тем границам, которые имеются между царствами, герцогствами и префектурами. Мы видим, как Павел, где бы ни появился, прежде всего пытался обратить свое служение к иудеям. И подобно тому, как Павлу, находясь среди язычников, было позволено служить учителем иудеев, так же и прочие апостолы имели право приводить ко Христу всех язычников, которых только могли привлечь. Этим правом и воспользовался Петр в случае с Корнилием, а также другими обращенными им язычниками. Однако, поелику остальные апостолы служили в тех областях, в которых почти все были иудеями, Павел же обходил Асию, Грецию и другие отдаленные страны – по этой самой причине он и был особым образом назначен апостолом язычников. Более того, когда Господь с самого начала повелел отделить Павла от прочих, Он восхотел, чтобы тот, оставив Антиохию и Сирию, отправился за море и пошел в дальние страны для проповеди языческим народам. Итак, по отношению к язычникам его апостольство было ординарным, а по отношению к иудеям экстраординарным. Напротив, другие апостолы взяли на себя попечение над иудеями, но с условием, когда представится случай, обратиться к язычникам. Однако же это последнее было для них как бы экстраординарным.

Впрочем, ежели апостольство Петра особо относилось к иудеям, то пусть скажут приверженцы Рима, по какому праву переходит к ним преемство в его первенстве. Ведь если папа римский потому присваивает себе первенство, что является преемником Петра, то ему надобно держать первенство над иудеями. Главным же апостолом язычников здесь называется Павел, о котором они не говорят, что он был Римским епископом. Итак, чтобы пользоваться каким-либо первенством, пусть папа создает церкви из иудеев. Ибо нам подобает признавать апостолом того, чье имя возвещается нам постановлением Духа Святого и согласием всей коллегии апостолов. Тот же, кто передает это право одному Петру, путает между собой человеческое и божественное поставление. Кроме того, вполне ясно, что слова «обрезание» и «необрезание» метонимически означают иудеев и язычников, поэтому я не буду на этом останавливаться.

8) *Содействовавший Петру.* Апостол говорит, что вверенная ему часть служения, принадлежит ему по праву. Поелику в служении его проявляется сила Господня. Как мы уже видели ранее, такое проявление божественной силы является как бы печатью, удостоверяющей надежность учения и право на учительство. Но непонятно, связывает ли Павел действенность Божию с успехом своего служения, или с определенными видами благодати Святого Духа, дававшимися тогда верным. Я понимаю так, что место сие говорит не об одном только успехе апостола, но и о той духовной силе, о которой он упоминал в других своих посланиях (1Кор.2:4). Итог таков: соглашение, заключенное между апостолами, было не пустым сговором, но божественно утвержденным судебным вердиктом.

9) *И, узнав о благодати.* Апостол показывает всю гнусность гордыни лжебратий, которые ни во что ставили благодать Божию, заставившую восхититься и благоговеть перед собой даже первоверховных апостолов. Ибо никак нельзя принять их извинение, что они якобы не видели того, что апостолы узрели с самого начала. Здесь мы научаемся отдавать должное благодати Божией везде, где ее видим. Если только не хотим мы вести войну со Святым Духом, не желающим, чтобы дары Его оставались бездейственными. Итак, благодать, которую апостолы увидели в Варнаве и Павле, побудила их признать оных своими сослужителями.

Иаков и Кифа. Я уже говорил раньше, что под Иаковом здесь имеется в виду сын Алфея, но не брат апостола Иоанна, которого немного спустя убил Ирод. То же, что этот Иаков будто бы был одним из обычных учеников, занимающим при этом столь высокое положение среди апостолов, кажется мне совершенно абсурдным. О том, что Иаков числился среди первоверховных апостолов, сказано у Луки, который в Деян.15:13 говорит, что его речь оказала решающее влияние на постановления апостольского собора, а в Деян.21:18 рассказывает, что все старейшины Иерусалимской Церкви приходили к нему за советом. Слова же «почитаемые столпами» сказаны не с издевкой, а в соответствии с общепринятым мнением. Ибо отсюда следует, что их действия нельзя было бездумно отвергать. Поелику же речь здесь идет о достоинстве, удивительно, что Иакова Павел предпоставляет Петру. Возможно это было вызвано тем, что он председательствовал над Иерусалимской Церковью. Что же касается титула «столпы», то, как мы знаем, природа вещей требует, чтобы люди, выделяющиеся талантами, благоразумием и иными дарова-

ниями, также обладали и высшим авторитетом. В Церкви Божией дело обстоит так, что всякому надлежит оказывать тем большую честь, чем большей благодатью он обладает. Ведь не почитать Дух Божий там, где различимы Его дары, было бы неблагодарностью, и даже нечестьем. Потом, как не может народ быть лишенным пастыря, так же и отдельные группы пастырей нуждаются в некоем управителе. Однако пусть всегда соблюдается принцип: тот, кто первенствует над остальными, да будет им слугою.

10) *Только чтобы мы помнили нищих.* Было очевидно, что живущие в Иудее братья, находились в крайней нищете. Иначе они бы не утруждали другие Церкви попечением о себе. Это отчасти могло быть вызвано бедствиями всего иудейского народа, а отчасти жестокостью местных сборщиков податей, ежедневно отбиравших у них средства к существованию. Так что для язычников было справедливым помогать от своего достатка тем, кому они должны за несравненно большее благо – святое Евангелие. Павел же говорит, что добросовестно исполнил то, о чем его просили апостолы. Итак, он лишает противников повода для обвинений в собственный адрес.

11. Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию. 12. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устранился от них, опасаясь обрезанных. 13. Вместе с ним лицемерили и прочие Иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием. 14. Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски? 15. Мы по природе Иудеи, а не из язычников грешники; 16. однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдывается никакая плоть.

(11. Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостоял ему, потому что он был достоин нарекания. 12. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками. Когда же те пришли, отошел и устранился от них, опасаясь обрезанных. 13. Вместе с ним лицемерили и прочие Иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием. 14. Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски? 15. Мы по природе Иудеи, а не из язычников грешники; 16. однако же, узнав, что человек не оправдывается делами закона, кроме как верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдывается никакая плоть.)

11) *Когда же Петр пришел.* Всякий, кто с умом взвесит все обстоятельства дела, согласится (надеюсь) со мной, что событие сие произошло еще до того, как апостолы постановили не отягощать язычников обрядами закона. Иначе Петр не опасался бы оскорбить Иакова и его посланцев, зная, что сам же Иаков выступил за принятие подобного решения. Но Павел идет еще дальше, противопоставляя свое Евангелие лицемерию Петра. Вначале он сказал, что истина его Евангелия никак не зависит от Петра и прочих апостолов, чтобы стоять или падать в зависимости от их суждения. Потом он сказал, что оно было одобрено всеми апостолами без каких-либо оговорок и условий, и прежде всего теми, которые по общему согласию почитались столпами. Теперь (как я уже сказал) Павел поднимается еще выше, заявляя, что попрекнул самого Петра, поелику тот уклонился от истины.

Пользуясь этим случаем, апостол приступает к рассмотрению главного вопроса. Отсюда явствует, сколь твердым и непоколебимым было его учение, ведь он не только добился одобрения его другими апостолами, но и мужественно поставил его на вид самому Петру, победив последнего в споре. Итак, какое еще может оставаться сомнение в том, что учение его должно считаться незыблемой и окончательной истиной. Одновременно Павел опровергает и ту клевету, что он якобы был обычным учеником, которому было далеко до апостольского сана. Ибо его упрек означал равенство с Петром. Признаюсь, что низшие могут по праву попрекать высших. Поэтому отсюда не следует, что попрекающий кого-то, равен тому, кого он попрекает. Ведь это право в отношении высших дается низшим от Самого Бога. Однако здесь стоит отметить манеру упрека. Ибо Павел не просто попрекает Петра, как христианин христианина, но делает это, как говорят, по должности. То есть по праву того апостольства, коим он обладал.

Этим вторым ударом полностью ниспровергается римское папство. Особенно изобличается то бесстыдство, с которым римский антихрист претендует на то, что может не давать никому отчета, исключая себя из суда вселенской Церкви. Здесь же какой-то человек не бездумно, не по не-

дозволенной дерзости, но согласно данной ему от Бога власти попрекает Петра перед всей Церковью, а Петр послушно покоряется его обличению. Более того, весь этот спор, записанный в первых двух главах Послания, есть не что иное, как прямое опровержение того тиранического первенства, о котором сторонники Рима болтают, что оно дано по божественному праву. Ведь если они хотят производить это первенство от Самого Бога, им надо составить другое Писание. Или же, если не желают они открыто Ему противиться, им нужно изгладить из Писания эти две главы.

Подвергался нареканию. Причастие, употребленное в греческом тексте, означает здесь того, кто подвергается нареканию. Однако у меня нет сомнений, что оно поставлено вместо существительного, означая того, кто заслужил справедливый упрек. Мне кажется натянутым то, как сие место толкует Златоуст: якобы другие еще прежде Павла стали жаловаться и обвинять Петра. Ведь у греков есть обыкновение ставить причастия вместо существительных, и всякий увидит, что этот случай как раз и подходит к данному месту. Отсюда можно легко заключить, сколь неуместно толкование Иеронима и Златоуста, считавших, что апостолы по взаимному уговору разыграли перед народом сей спектакль. И не поможет здесь фраза *κατα προσωπον*, означающая, что Петр смолчал (как говорят), не в силах ответить на сделанное порицание. Совершенно неубедительно то, что думает по этому поводу Златоуст: якобы апостолы ради устранения соблазна поговорили друг с другом частным образом, дабы выяснить, имеются ли между ним разногласия. Ибо всеми другими опасностями надо было пренебречь по сравнению с этим главным и опаснейшим соблазном, разделявшим Церковь, уничтожавшим христианскую свободу и устранившим Христову благодать. Итак, надлежало открыто и при всех обличить сей опаснейший грех.

Основной же довод, на который опирается Иероним, представляется довольно глупым. Для чего, говорит он, Павлу осуждать в другом то, что себе он ставил в похвалу? Ибо в другом месте он хвалится, что для иудеев сделался иудеем. Отвечаю. Петр сделал нечто совершенно другое. Ведь Павел приспособлял себя к иудеям не иначе, как сохраняя при этом евангельскую свободу. Он даже не захотел обрезать Тита, дабы истина Евангелия оставалась неповрежденной. Петр же настолько увлекся своим иудейством, что пытался поработить ему и язычников, отвергая этим предубеждением учение Павла. Итак, он не удержал себя в должных рамках, поелику больше заботился о том, чтобы понравиться, нежели о том, чтобы принести назидание. Больше думал о том, чтобы понравиться иудеям, чем о том, что полезно для всего тела Церкви. Посему более правильно мнение Августина, отрицавшего, что апостолы сделали что-то по сговору, и заявившего, что Павел по искреннему рвению противостоял превратному и опасному лицемерию Петра, осознав, сколь вредно оно для Церкви.

12) *Ибо, до прихода некоторых.* Здесь описываются обстоятельства дела, и говорится, что Петр устранился от язычников ради угождения иудеям. Таким образом, он как бы отлучал язычников от общения Церкви, ежели они, оставив евангельскую свободу, не покорятся ярму закона. Если бы Павел здесь смолчал, пало бы все его учение, исчезло бы все проистекавшее из его служения назидание. Итак, он посчитал необходимым яростно противостоять сему и сражаться за истину. Здесь мы видим, сколь осторожно надо ограничивать наше угождение людям, дабы по неумеренному рвению к ласкательству других, или из-за превратного страха их оскорбить, мы не свратились с правильного пути. Если все это могло произойти с Петром, то сколь вероятнее случится с нами, ежели не будем тщательно сего остерегаться.

14) *Но когда я увидел, что они не прямо поступают.* Некоторые толкуют это место, как говорящее о язычниках, которые стали колебаться, смутившись действиями Петра. Однако лучше понимать его по отношению к Петру и Варнаве, а также их последователям. Правильный же путь евангельской истины состоял в том, чтобы объединить язычников с иудеями при сохранении истинного учения. Но отягощать совет благочестивых, ссылаясь на необходимость соблюдения закона, и умалчивать об учении евангельской свободы – непомерная плата за единство. Под **истиной же Евангелия** Павел разумеет здесь то же, что разумел и раньше: он противопоставляет ей тот обман, коим Петр и другие исказили благовестие. Поелику же это так, то борьба Павла с Петром несомненно была искренней. Оба они хорошо рассуждали об учении, но поскольку Петр без должного уважения к сему учению рабски угождал иудеям, его непоследовательность вызвала справедливые нарекания.

Некоторые толкователи оправдывают Петра по-другому: он, якобы, должен был прежде всего заботиться о спасении иудеев, будучи апостолом обрезанных. Одновременно они допускают и правоту Павла, принявшего сторону язычников. Но глупо защищать то, что Святой Дух осудил

устаи Павла. Также не идет здесь речь и о поведении отдельных людей. Спор шел именно о чистоте Евангелия, о том, что его не должна портить иудейская закваска.

При всех. Сей пример учит нас тому, что публично согрешающих надобно и обличать открыто, поскольку дело это касается всей Церкви. Цель состоит в том, чтобы подобные проступки, оставаясь безнаказанными, не вредили своим примером. И Павел в другом месте конкретно учит пресвитеров остерегаться подобной опасности (1Тим.5:20), поскольку они из-за важности их сана легче других могут развратить людей своим недостойным поведением. Кроме того, правое дело, касающееся блага всех, весьма полезно защищать перед лицом всего народа, и Павел еще яснее засвидетельствовал этим, что не пытается избежать публичного обсуждения своих деяний.

Если ты, будучи Иудеем. Речь Павла к Петру состоит из двух частей. В первой он убеждает его, что несправедливо принуждать язычников к исполнению того закона, от которого он сам хотел быть свободным. Ведь помимо того, что всякий предписывающий другим закон должен и сам его соблюдать; Петр согрешил еще и тем, что, принуждая язычников к иудаизму, сам, будучи иудеем, допускал для себя свободу. Ибо закон был дан не язычникам, а иудеям. Итак, апостол пользуется доказательством от большего к меньшему. Кроме того, то, что Петр отказывал язычникам в общении, если они не возложат на себя ярмо закона, было довольно жестоким принуждением и, одновременно, несправедливым условием общения. Так что в слове «иудей» состояла вся сила порицания Павла, на что ни Златоуст, ни Иероним не обратили должного внимания. Ибо употребление обрядов с целью назидания было вполне дозволенным, лишь бы верные не лишались своей свободы, и не возлагалась на них та необходимость, от которой их освободило Евангелие.

15) *Мы по природе Иудеи.* Я знаю, что некоторые усматривают здесь замену лица говорящего, словно Павел заранее высказывает то, что могла возразить противоположная сторона. А именно, что иудеи находятся в привилегированном (как говорят) положении. Смысл не в том, что они претендовали на право не соблюдать закон. Ибо было бы более, чем абсурдно, если бы на это претендовали те, кому закон как раз и был дан. Но они должны были отличаться от язычников каким-то внешними различиями. Итак, я не отбрасываю данное мнение полностью, но, одновременно, как будут вскоре видно, и не принимаю его целиком. Другие думают, что сказано сие от лица Павла, но в следующем смысле: ежели ты возлагал бы ярмо закона на иудеев, это больше соответствовало бы разуму, ибо закон является их наследием. Однако и такое толкование не подходит.

Итак, речь скорее идет о второй части обращения Павла, начинающейся с данной уступки. Ведь поскольку между иудеями и язычниками существовало различие, притом первые были мирскими и нечистыми, а вторые – освященными, поскольку Бог принял иудеев в Свой народ, они могли законно претендовать на преимущество. Однако Павел, благоразумно сделав им эту уступку, обратил ее против них. Ибо поскольку сами иудеи со всем своим достоинством были вынуждены прибегнуть к вере во Христа, насколько больше подобало это сделать язычникам? Итак, мысль Павла состояла в следующем: мы, которые кажемся превосходящими других, которые по милости завета всегда были близки к Богу, однако же не находим никакого иного средства достичь спасения, кроме веры во Христа. Почему же язычникам мы хотим предписать нечто иное? Ибо если закон был бы необходим или способствовал бы спасению своих блюстителей, он прежде всего был бы полезен нам, кому и был дан вначале. Если же мы, оставив закон, прибегаем ко Христу, то тем меньше должны принуждаться к соблюдению его язычники.

Слово же «грешник» здесь, как и во многих других местах, означает человека мирского или такого, кто потерян и отчужден от Бога. Таковыми и были язычники, не имевшие с Богом никакого общения. Иудеи же по усыновлению были чадами Божиими, и потому отделенными для освящения. Говоря же «по природе», апостол не имел в виду, что иудеи по природе свободны от всеобщей испорченности человечества, ибо Давид, происходивший из потомства Авраама, исповедуется, что рожден от нечистого семени (Пс.51:7). Однако ту природную порочность, которой были подвержены иудеи, исцеляла благодать, коей они освящались. Поскольку же обетование делало данное благословение наследственным, благо сие и называлось как бы данным от природы. Так и в Послании к Римлянам (11:16) апостол говорит, что иудеи рождаются из освященного корня.

Итак, говоря: мы по природе иудеи, он имеет в виду следующее: мы рождаемся святыми, но не по собственной заслуге, а поскольку избраны Богом к усыновлению. Что же сделали мы, иудеи по природе? Уверовали во Христа. С какой целью? Чтобы оправдаться верою. По какой же причине? Потому что мы убеждены в том, что человек не может получить праведности от дел зако-

на. Так от природы и последствий веры апостол доказывает, что иудеи никак не оправдываются законом. Подобно тому, как, пытаясь утвердить праведность по собственным делам, они не покоряются праведности Божией, так же и наоборот: уверовав во Христа, они признают себя грешниками и отрицают праведность по делам.

Здесь апостол переходит к главному вопросу, больше того, в одном этом положении и заключена суть происходящего спора. Посему здесь нам подобает тщательнее вникнуть в его слова. Вначале следует отметить, что мы обретаем праведность верою во Христа, поелику не можем оправдаться делами. Теперь спрашивается, что разумел апостол под **делами закона**. Паписты, введенные в заблуждение Оригеном и Иеронимом, считают, что спор здесь ведется лишь о тех законах. Больше того, они в этом вполне уверены. Посему дела закона они всегда истолковывают как обряды, словно Павел говорит не о той незаслуженной праведности, которую дарует нам Христос. Они не считают абсурдным одновременно утверждать, что никто не оправдывается делами закона, и что мы считаемся праведными перед Богом заслугою собственных дел. В итоге, они полагают, что здесь нигде не имеются в виду нравственные поступки. Однако контекст ясно показывает: слова апостола заключают в себе и нравственный закон. Ибо все, добавляемое затем Павлом, больше относится к нравственному, чем к обрядовому закону.

Далее, апостол постоянно противопоставляет праведности закона то незаслуженное принятие, коим нас удостаивает Бог. Но противники возражают: если Павел не имел в виду какие-то конкретные дела, он должен был говорить о делах вообще, не добавляя к ним слово «закон». Отвечаю: для такого способа выражения существовала веская причина. Ведь, даже если кто-нибудь превзойдет в святости самих ангелов, ему не будет полагаться награда, кроме той, которая следует из божественного обетования. Итак, то, что исполнение закона есть праведность, за которой закреплена награда вечной жизни, должно проистекать от Бога, возвестившего, что исполнившие закон будут жить. Об этом подробнее мы поговорим в другом месте. Кроме того, спор о законе происходил с иудеями. Поэтому Павел предпочел, так сказать, воевать с ними на их собственном поприще, а не прибегать к уловкам путем длинных рассуждений, словно бы не верил в собственное дело. Он твердо настаивает на том, что спор идет именно о законе.

Во-вторых, наши противники возражают и говорят, что вопрос в то время был поставлен лишь о соблюдении обрядов. С чем соглашаемся и мы. Почему же, спрашивают они, Павел перешел от частного вопроса к общему? Это было единственным основанием для заблуждений Оригена и Иеронима. Ибо они полагали, что, поскольку лжеапостолы спорили лишь о соблюдении обрядов, Павлу не подобало говорить о чем-то большем. Однако они не учли, что причина, почему Павел столь яростно сражался с ними, как раз и состояла в том, что последствия сего учения были значительно большими, чем казалось на первый взгляд. Ибо Павел был удручен не столько необходимостью соблюдать обряды, сколько перспективой отдать упование и хвалу за спасение делам закона. Подобным образом, когда речь идет о запрете употреблять мясо в определенные дни, мы думаем не столько о том, как тяжело не есть мясо, сколько о той петле, которая при этом набрасывается на совесть.

Итак, Павел здесь не тратит времени попусту и начинает рассуждать о всем законе, хотя лжеапостолы сражались лишь за соблюдение обрядов. Ибо потому они и настаивали на обрядах, чтобы люди искали спасение в соблюдении закона, воображая себе, что богопочитание несет с собой заслугу. Поэтому Павел противопоставляет лжеапостолам не нравственный закон, а одну лишь благодать Христову. Однако не все послание занято решением этого общего вопроса, в конце Павел отдельно говорит и об обрядах. Но поелику основной вопрос состоял в том, приходит ли к нам праведность от дел закона или от веры, прежде всего надлежало рассмотреть именно его. Поелику же паписты весьма болезненно относятся к тому, чтобы признать оправдание человека одною верою, на чем настаиваем мы, они также никак не хотят признать и то, что под делами закона имеются в виду нравственные поступки. Многие из них считают, что, приведя толкование Иеронима, полностью исполнили свой долг, однако контекст говорит о том, что речь идет также и о нравственном законе.

16) *Только верою (кроме как верою)*. Апостол не имеет в виду, что одни лишь обряды или любые другие дела не достаточны, если на помощь им не придет вера. Он отрицательно утверждает противопоставляет утверждение исключаящее. Как бы говорит: не делами, а только верою во Христа. Иначе его слова были бы неуместны и не относились бы к делу. Ибо лжеапостолы не отрицали ни Христа, ни веры в Него, но требовали помимо этого соблюдать и обряды. Если бы Павел согласился увязать вместе эти две вещи, между ним и лжеапостолами было бы полное согласие. В таком случае Павел напрасно смущал бы Церковь столь яростным спором. Значит, остается согласиться со следующим: данное предложение является исключаящим: мы

оправдываемся не иначе как верою. Или же не оправдываемся, если это не происходит по вере, что равносильно тому, что оправдываемся мы только верою. Откуда явствует, сколь по-детски пустословят сегодня паписты, сражаясь с нами по поводу слова «только», как будто бы оно наше собственное. Но Павлу было неизвестно богословие папистов, которые, заявляя, что человек оправдывается верою, часть праведности отдают при этом делам. Павел не знал ничего о такой половинчатой праведности. Ибо, уча, что мы оправдываемся верою, потому что не в силах оправдаться делами, он считает несомненным следующую истину: мы не иначе принимаем праведность Христову, кроме как обнищав собственной праведностью. Итак, вере или делам надо приписывать либо все, либо ничего. О термине же «оправдание», и о том, каким образом вера является его причиной, мы поговорим после.

Не оправдается никакая плоть. Вначале апостол призвал в свидетели совесть Петра и других людей. Теперь же он еще больше подтверждает свое положение, говоря, что так и есть: никто из смертных не достигнет праведности делами закона. Ведь основа незаслуженного оправдания как раз и состоит в том, что мы лишаемся собственной праведности. Далее, отрицая, что какой-либо смертный может так оправдаться, апостол хочет исключить всех смертных из праведности закона, и даже возможность того, что кто-то сможет ее достичь.

17. Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть служитель греха? Никак. 18. Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником. 19. Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, 20. и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня. 21. Не отвергаю благодати Божией; а если законом оправдание, то Христос напрасно умер.

(17. Если же, ища оправдания во Христе, также и сами мы оказались грешниками, то неужели Христос есть служитель греха? Никак. 18. Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником. 19. Ибо через закон я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, 20. и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня. 21. Не отвергаю благодати Божией. Ибо если праведность через закон, то Христос напрасно умер.)

17) *Если же, ища.* Теперь апостол непосредственно обращается к галатам, дабы кто, связав нынешнее предложение с предыдущим, не подумал, что это часть речи, обращенной к Петру. Ибо как все сказанное могло относиться к Петру? Или никак, или самым малым образом. Посему, пусть всякий изберет одно из двух, что ему больше нравится. Далее, некоторые, в том числе и Златоуст, читают этот текст в утвердительном смысле. Смысл получается у них таким: если, ища оправдания во Христе, мы еще не полностью праведны, но до сих пор нечисты, и Христос не достаточен нам для праведности, то отсюда следует, что Христос – служитель учения, оставляющего людей в грехах. Как будто Павел тем самым обвиняет в богохульстве тех, кто приписывает часть праведности закону. Но поскольку тут же следует презрительное «никак», – ответ, который Павел мог адресовать лишь вопрошающим, – я думаю, что фраза сия направлена на устранение абсурда, который, казалось, следовал из предыдущих утверждений.

Итак, апостол по своему обыкновению сам задает вопрос, и тем самым как бы принимает сторону противников: если, говорит он, праведность по вере приводит к тому, что даже мы, иудеи, будучи освященными от утробы матери, считаемся виновными и оскверненными, то скажем ли, что Христос – творец греха, сделавший так, что грех процветает даже в Его собственных людях? Откуда и следует то сомнение, о котором он уже говорил, а именно, что иудеи, уверовав во Христа, отказываются тем самым от праведности по закону. Ибо без Христа иудеи, отделенные от скверны прочих народов, кажутся каким-то образом изъятыми из числа грешников. Благодать же Христова как бы уравнивает их с язычниками, и врачевство, общее для тех и других, показывает также и общую болезнь. В этом и состоит смысл слова «также». «Также и сами мы», – говорит апостол, и говорит не о ком-нибудь, а о самых выдающихся, каковыми и были иудеи.

Никак. Павел справедливо отвергает подобное предположение. Ибо Христос, открыв скрывавшийся до этого грех, вовсе не является тем самым служителем греха, как будто, устранив праведность, Он открывает дверь греху и как бы утверждает его царство. В этом и заблуждались иудеи, приписывавшие себе вне Христа ту святость, которой на самом деле не было вовсе. Откуда и происходит жалоба: так значит Христос пришел для того, чтобы лишить нас праведности закона? Чтобы из святых сделать оскверненными? Чтобы покорить нас греху и вине за грех? Павел отрицает все это, с негодованием отвергая подобное богохульство. Ибо Христос не принес грех, а открыл грех; не устранил праведность, а сорвал с иудеев ложную маску.

18) *Ибо если я снова созидаю.* Ответ Павла как бы двойствен. Вначале он отвечает косвенно, убеждая, что изложенный выше абсурд противоречит всему его учению. Он проповедовал Христа так, что одновременно соединял с этим упразднение и оставление греха. Ибо, как учит Иоанн (1Ин.3:8), Христос пришел не для созидания, а для упразднения царства греха. Так и Павел свидетельствует здесь, что, проповедуя Евангелие, восстанавливает истинную праведность, разрушающую грех. Итак, никак не вяжется, что один и тот же человек и устраняет грех, и одновременно его созидает. Указав на эту нелепость, апостол опровергает возводимую клевету.

19) *Законом я умер.* За тем следует прямой ответ: Христу не надо приписывать то, что свойственно закону. Христу не нужно лишать закон силы. Ведь и сам закон с успехом убивает своих учеников. Апостол как бы говорит: вы обманываете несчастных людей выдумкой о том, что они якобы должны жить от исполнения закона, и под этим предлогом удерживаете их в его узах. Одновременно вы ненавидите Евангелие, словно это оно ни во что обращает ту праведность, которую мы получаем от закона. Но ведь это сам закон заставляет нас умереть для него. Ибо, угрожая нам смертью, он не оставляет нам ничего, кроме отчаяния, и таким образом отваживает нас от упования на себя.

Чтобы лучше понять данное место, неплохо прочесть седьмую главу Послания к Римлянам. Там Павел с большим красноречием пишет о том, что никто не живет перед лицом закона, – никто, кроме тех, для кого закон умер. То есть тех, для кого он является праздным и бездейственным. Ибо как только закон начинает в нас жить, он тут же наносит нам смертельную рану, вдыхая жизнь в до этого мертвый грех. Итак, те, кто хочет жить в силу закона, еще не осознали того, к чему ведет нас закон. Он как бы силой принуждает нас умереть для себя. Отсюда и происходит грех, отсюда, а не от Христа. Умереть же для закона значит отречься от него и освободиться от его власти. Так что и мы не уповаем на него, и он не держит нас пленниками в своем рабстве¹.

Чтобы жить для Бога. Павел показывает, сколь желателен для нас тот вид смерти, который так ненавидели лжеапостолы. Он хочет сказать, что мы умираем для закона не для того, чтобы жить для греха. Напротив, мы делаем это, чтобы жить для Бога. Жить же для Бога означает сообразовывать нашу жизнь с Его волей и все свое время стремиться лишь к тому, чтобы Ему угождать. Однако здесь, дабы части антитезиса отвечали друг другу, надо разуместь, так сказать, не жизнь для Бога, а жизнь перед Богом. Ибо по какой причине сказано, что мы умерли для закона, по той же самой говорится, что мы живы для Бога. В итоге, Павел увещевает нас, что смерть, о которой идет речь, вовсе не смертельна, наоборот, она – начало лучшей жизни. Ибо по упразднению закона нас принимает Бог, и Его благодать утверждает нас в другой, лучшей жизни. Я опускаю здесь прочие толкования. Мне кажется, что все сказанное как раз и есть то, что имел в виду Павел.

Сказав же, что он распят со Христом, апостол показывает, каким именно образом мы, умерев для закона, продолжаем жить для Бога. Таким, что привитые к Христовой смерти, черпаем из нее скрытую силу, подобно тому, как ручей проистекает из своего источника. Далее, Христос пригвоздил к древу креста рукописание закона, бывшее против нас. Посему, распявшись вместе с Ним, мы освобождаемся от всякой вины и проклятия закона. Тот, кто пытается сделать недействительным сие избавление, уничтожает крест Христов. Но будем помнить, что мы не иначе избавляемся от ига закона, как распявшись вместе со Христом. Подобно тому, как ручей черпает влагу от источника, соединившись с ним в одной природе.

20) *Живу же.* Слово «смерть» всегда ненавистно человеческому слуху. Посему апостол, научив, что мы сораспялись Христу, добавляет про живодательность этого поступка. Одновременно он объясняет, что имел в виду ранее, сказав, что живет для Бога. Смысл в том, что он уже не живет собственной жизнью, но так оживотворяется тайною силою Христа, что, можно сказать, сам Христос живет и действует в его личности. Ибо как душа животворит тело, так и Христос вдыхает жизнь в Свои члены. Замечательная мысль, говорящая, что верные живут вне самих себя, то есть во Христе. А этого не может быть, если не иметь с Ним истинное и сущностное обще-

---

¹ Кальвин добавляет на полях данной рукописи: Или же, приговорив всех нас к гибели, он не открывает в себе никакой жизни. И этот последний смысл подходит больше. Ибо апостол отрицает, что Христос является творцом этого зла. Зла, состоящего в том, что закон более вредит, чем помогает. Он говорит, что сам закон содержит в себе проклятие, убивающее нас. Откуда следует, что смерть, приносимая нам законом, воистину смертельна. Ей противостоит другой вид смерти, смерти оживляющей, смерти в общении с крестом Христовым. Итак, Павел говорит, что распят со Христом, чтобы начать жить. Обычно расставляемые здесь знаки препинания только затемняют смысл. Многие читают так: законом я умер для закона, чтобы жить для Христа. Но больше подходит другая конструкция: законом я умер для закона. А потом отдельно: чтобы жить для Бога, я сораспялся Христу.

ние. Далее, Христос живет в нас двойственным образом. С одной стороны Он управляет нами Своим Духом и направляет все наши поступки. С другой – одаривает нас участием в Собственной праведности, дабы мы, будучи не в силах сами угодить Богу, стали угодны Ему во Христе. Первое относится к возрождению, а второе к незаслуженному получению праведности, которая, как думаю, и имеется здесь в виду². Хотя, если кто захочет понимать данное место в обоих смыслах, я не стану возражать³.

А что ныне живу во плоти. В этом отрывке нет ни одного предложения, которое не искажалось бы различными толкованиями. Например, некоторые понимают плоть как извращенность порочной природы. Павел же разумеет под этим просто телесную жизнь. Ведь иначе можно было бы возразить: ты живешь, но лишь телесной жизнью. Там же, где живет сие тленное тело, где мы поддерживаем жизнь пищей и питьем, нет небесной Христовой жизни. Посему чрезвычайно нелепо и противно разуму, что ты, открыто живя обычным человеческим образом, отрицаешь за собой собственную жизнь. На это Павел отвечает, что жизнь его состоит в вере. Этим он намекает: все сокрытое таится от человеческих чувств. Посему жизнь, которую мы получаем через веру, не видима для человеческих глаз, но внутренне постигается нашей совестью через действительность Святого Духа. Поэтому наша телесная жизнь не мешает нам через веру владеть жизнью небесной. Еф.1:20. Он поместил нас на небесах, и т.д. А также: вы уже сограждане святым и свои Богу (Еф.2:19). Также в Послании к Филиппийцам 3:20: Жительство наше на небесах. У Павла можно найти много подобных свидетельств. В них он утверждает: мы живем в этом мире таким образом, что одновременно находимся на небесах. И не только потому, что там восседает наш Глава, но и потому, что по праву нашего с Ним единства мы имеем с Ним общую жизнь. Как сказано у Ин.14:1.

Возлюбившего меня. Это добавлено для выражения силы нашей веры. Ибо кому-нибудь могла прийти в голову мысль: откуда у веры столь великая сила, чтобы вдыхать в нас Христову жизнь? Посему основанием, на которое опирается вера, апостол объявляет любовь Христову и Его смерть. Ибо отсюда и надо оценивать воздействие веры. Итак, почему же мы живем верою во Христа? Потому что Он возлюбил нас и предал Себя за нас. Любовь, коей возлюбил нас Христос, соединила Его с нами. Это Он исполнил Своей смертью, ибо, предавая Себя за нас, Он пострадал не отдельно от нас, а именно в нашем лице. Посему вера делает нас причастниками всего, что только откроет в распятом Христе. Упомянув о любви, апостол хочет сказать то же, чему учил Иоанн (1Ин.4:19): Не потому что мы прежде возлюбили Его, ибо Он Сам предварил нас Своей любовью. Ведь ежели Христос искупил бы нас, подвигнувшись какими-то нашими заслугами, это было бы причиной Его любви. Ныне же Павел все приписывает любви Христовой. Поэтому она должна быть незаслуженной. Ибо надлежит отметить упоминаемый здесь порядок: возлюбил нас и предал Себя за нас. Смысл такой же, как если бы апостол сказал: у Него не было иной причины умирать, кроме той, что Он возлюбил нас. Причем тогда, когда мы были еще врагами, как он учит в Рим.5:10.

Предавшего Себя. Никакими словами нельзя достаточно выразить величие сей жертвы. Ибо кто может высказать словами, каково величие Сына Божия? Он же ценою нашего искупления назначил Самого Себя. В слове «предавшего» заключен весь тот обильный плод, который получили мы от Христовой смерти, – смерти, бывшей для нас жертвою умилоствления, очищения и удовлетворения. И не меньше ударение делается на словах «за меня». Поелику Христу было не достаточно умереть за спасение мира, если бы каждый [из тех, за кого Он умер] не вошел во владение и пользование этой благодатью.

21) *Не отвергаю.* На это слово падает значительное ударение. Ибо какой великой и ужасной неблагодарностью будет презреть столь бесценную божественную благодать, приобретенную столь дорогой ценою? В этом святотатстве Павел обвиняет лжеапостолов, которые, не довольствуясь одним Христом, искали также другие средства для спасения. Ведь благодать Божия совершенно отвергается, ежели, отвергнув все прочее, мы не полагаемся на одного лишь Христа. Но что еще остается человеку, который, отвергнув благодать Божию, сделал себя ее недостойным?

А если законом. **Напрасно** здесь понимается как впустую. То есть, в смерти Христовой не было бы никакой пользы. Или Христос умер бы ни за что. Ведь то, что Он, принеся умилоствление за грехи наши, примирил нас с Отцом, было наградою за Его смерть. Отсюда следует, что оп-

² Можно здесь разумать.

³ Охотно это приму.

равдываемся мы по Его благодати, и, следовательно, не по делам. Паписты относят это к обрядовому закону. Но кто не усмотрит, что здесь имеется в виду весь закон? Павел как бы говорит: ежели мы сами заслуживаем праведность, значит Христос напрасно умер. Ибо Он умер для того, чтобы обрести для нас праведность. Зачем же было извне приобретать для нас то, что мы можем дать себе сами? Конечно, ежели смерть Христова – наше искупление, значит ранее мы были пленниками. Ежели она удовлетворение, значит ранее мы были должниками. Ежели умилоствление, значит мы были виновными. Ежели очищение – значит мы были нечистыми. Так же и наоборот: кто приписывает делам очищение, прощение, умилоствление, праведность, избавление, тот делает напрасной смерть Христову.

Здесь, возможно, кто-то возразит: этот довод не действует против тех, кто соединяет вместе дела и благодать Христову. Но нет сомнений, что именно это и делали лжеапостолы. Ибо у них одновременно имелись два положения: праведность происходит от закона, и мы искуплены Христовой смертью. Признаюсь, что, ежели отдать часть праведности делам, другая часть будет происходить от благодати. Однако Павлу было неизвестным такое богословие, и увидеть это весьма легко. Ведь доводы апостола были либо уместными и правильными, либо глупыми и ложными. Ежели какой богохульник дерзнет клеветать на апостола, то, вот, готова его защита: пред Богом праведностью считается не то, что воображаем мы, люди, а то, в чем нет никакого изъяна.

Впрочем, в намерения мои сейчас не входит защищать Павла от богохульников, дерзающих лаять на Святой Дух. Разговор мы ведем с папистами. Они высмеивают нас, рассуждающих вслед за Павлом: ежели праведность от дел, то Христос напрасно умер. Сами же о себе думают, что отвечают весьма умело, когда, вторя своим софистам, говорят так: Христос заслужил для нас первичную благодать, то есть возможность иметь заслугу; так что заслуга Его смерти присоединяется к удовлетворению делами, и вместе они приводят к ежедневному отпущению грехов. Итак, насмехаясь над нами, они насмежаются над самим Павлом, словами которого мы и проповедуем. Ведь прежде чем опровергать нас, им следует опровергнуть его. Мы знаем, что апостол спорил с людьми, не исключавшими полностью благодать Христову, с теми, которые лишь половину спасения приписывали человеческим делам. В споре с ними он приводит следующий аргумент: ежели праведность от закона, то Христос напрасно умер. Поступая так, он, конечно же, не оставляет делам даже капли праведности. Но паписты ничем не отличаются от тех противников Павла. Значит и нам для их опровержения можно использовать этот апостольский аргумент.

Глава 3

1. О, несмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый? 2. Сие только хочу знать от вас: через дела ли закона вы получили Духа, или через наставление в вере? 3. Так ли вы несмысленны, что, начав духом, теперь оканчиваете плотью? 4. Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы! 5. Подающий вам Духа и совершающий между вами чудеса через дела ли закона сие производит, или через наставление в вере?

(1. О, несмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, среди вас распятый? 2. Сие только хочу знать от вас: через дела ли закона вы получили Духа, или через проповедь веры? 3. Так ли вы несмысленны, что, начав духом, теперь оканчиваете плотью? 4. Столь многое потерпели вы неужели без пользы, если бы только без пользы! 5. Подающий вам Духа и совершающий между вами чудеса: через дела ли закона сие производит, или через проповедь веры?)

1) *О, несмысленные Галаты.* Апостол добавляет к поучению упрек, или, скорее, вставляет упрек в свое поучение. Ежели кто удивится, почему апостол не отложил его до конца своей речи, отвечу так: его подвигли к этому приведенные им важные утверждения. Неужели, слыша, как отвергается Сын Божий со всеми Своими благословениями, как сводится на нет цель Его смерти, всякая благочестивая душа не придет в негодование? Он объявляет галатов *ανοητοι*, то есть чуждыми разума, поскольку они позволили себе увлечься подобным богохульством. Он вменяет им не только то, что они дали себя обмануть, но и нечто более страшное: они оказались как бы околдованными чарами врага. Апостол хочет сказать, что впасть в безумие хуже, чем впасть в глупость.

Некоторые думают, что подобное суровое обращение с выходцами из варваров вызвано иудейским происхождением Павла. Однако я предпочитаю относить его суровость к существу рас-

смастриваемого дела. Весьма красноречивый поступок: при столь ясном свете Евангелия давать место сатанинским наветам. Ведь апостол говорит, что галаты прельщены и лишились разума, не только потому, что они оказались непослушны истине, но и потому, что отпали от нее, будучи твердо, открыто и действительно в ней наставлены. Эразм предпочитает вместо слова «истина» использовать слово «вера». Я не отвергаю такого перевода, но моя версия больше согласуется с контекстом. Ибо Павел обвиняет их не в том, что они с самого начала отвергли Евангелие, а в том, что не устояли в послушании ему.

У которых перед глазами. Данная фраза направлена на отягчение их вины, о чем я уже говорил. Ибо чем более известен нам Христос, тем тяжелее грех отпадения от Него. Итак, апостол заявляет: учение его было столь ясным, что являлось не столько голой доктриной, сколько живым и ярким портретом Спасителя. Посему знание галатов можно сравнить с прямым видением. Толкование же Августина довольно натянуто и далеко от смысла апостольских слов. Он считает, что Христос был не «предначертан», а «перечеркнут», как бы лишен Своего удела. Другие читают «предписан». Это также подойдет, если слово «предписать» понимать как «открыто обнаруживать». Посему таблицы, в которых записана облагаемая налогом собственность, греки называют *проураццата*, как нечто начертанное перед глазами всех. Однако причастие «предначертан» содержит меньше двусмысленности и, по моему мнению, подходит больше. Ибо Павел, чтобы показать, сколько действительности было в его проповеди, сравнивает ее с картиной, изображавшей перед ними как бы живого Христа. А потом, не довольствуясь этим сравнением, добавляет, что Христос как бы **был между ними распят**. Этим он хочет сказать, что в его проповедь надо вникать не меньше, чем в самый вид распятия Христова.

Некоторые понимают это так: галаты заново распяли Господа и подвергли Его осмеянию, отступив от чистого Евангелия. Или же так: галаты внимали и поверили самозванцам, распинавшим Христа заново. Но такое толкование кажется мне натянутым. Итак, давайте удержим первый смысл: из учения Павла галаты узнали о Христе так много, как если бы Он был нарисован перед ними или между ними распят. Подобное живое представление нельзя вызвать никаким красноречием, никакой цветистостью речи, если не будет действовать Сам Дух, о чем Павел и писал в обоих посланиях к Коринфянам. Посему, пусть желающие правильно исполнять евангельское служение научатся не просто говорить и декламировать, но и проникать в самую совесть слушателей. Дабы они ощущали в себе распятого Христа и чувствовали капли Его крови.

Там, где Церковь имеет таких живописцев, она не нуждается в дереве и камне, то есть в мертвых идолах; там ей не нужны никакие рукотворные рисунки. Действительно, двери храмов лишь тогда распахнулись впервые перед идолами и изображениями, когда пастыри отчасти сами онемели и стали похожи на идолов, а отчасти стали проповедовать столь холодно и формально, что совершенно лишили служение силы и действительности.

2) *Сие только хочу.* Теперь апостол подкрепляет сказанное доводами. Первый довод исходит из опыта самих галатов. Павел напоминает им, как Евангелие начинало среди них свой путь, как они, услышав Евангелие, приняли Святого Духа. Посему не к закону, а к вере должны относиться они принятию столь великого блага. Тем же самым аргументов пользуется и Петр, объясняя братьям, почему он крестил необрезанных. К такому же доводу прибегли Павел и Варнава во время обсуждения этого вопроса на Иерусалимском соборе. Отсюда явствует, сколь неблагодарны те, кто не довольствуется одной лишь проповедью веры, из-за которой и был принят Святой Дух. То же, что апостол вообще удостоивает их ответом, говорит не о сомнении, а о еще большей уверенности. Ибо они, убеждаемые собственным опытом, вынуждены были согласиться с истинностью апостольских слов.

Верю апостол метонимически называет здесь Евангелие, как и в другом месте (Рим.3:7) называет его учением веры. Поелику в Евангелии нам предлагается во Христе чистая божественная благодать без какой-либо заслуги дел. **Дух** же, думаю, означает здесь благодать возрождения, общую для всех верующих. Хотя если кто предпочитает понимать под Духом отдельные Его дары, коими Господь сопровождал тогда проповедь Евангелия, я не стану возражать. Если кто скажет, что Дух дан таким образом не всем верующим, отвечаю: для Павла достаточно и того, что известно галатам, а именно: вместе с его учением в церкви явилась сила Святого Духа, и верующие ради общего назидания были наделены различными дарами этого Духа. Ежели снова возражат, что эти виды благодати не были знаками несомненного усыновления, а потому и не относятся к делу, отвечаю: достаточно и того, что Господь подтвердил учение Павла видимыми дарами Своего Духа. Но еще проще тот довод, что галаты были запечатлены общим усыновлением еще до того, как самозванцы стали навязывать им свои добавления. Так апостол и говорит в Еф.1:13: Услышав о благовестии Божиим вы были запечатлены Духом, и т.д.

3) *Так ли вы несмысленны.* Здесь также возникает вопрос, что апостол понимает под **Духом**, и что под **плотью**. Толкователи разнятся между собой. Мне кажется Павел намекал на то, что уже сказал о Духе: поелику учение благовестия ниспослало вам от Духа, значит начало ваше было духовным. Теперь же вы уклонились к худшему. Словно те, кто от Духа переходит к плоти. Итак, плоть означает здесь либо внешние и тленные вещи, каковыми были обряды, отделяющие людей от Христа, либо мертвое и тленное учение. Ибо глупо, если, хорошо начав, люди не успевают в начатом.

4) *Столь многое потерпели вы.* Вторым аргументом состоит в следующем: вы потерпели столь многое ради Евангелия, так неужели все это погибнет в один миг? Более того, апостол в виде упрека спрашивает их, хотят ли они потерять плод столь великой брани, выдержанной ими за веру. Ведь если бы Павел не передал им правой веры, было бы неразумным столько из-за нее страдать. Но галаты твердо знали: Бог был с ними во всех выпавших на их долю гонениях. Какая же зависть отягощала лжеапостолов, пытавшихся лишить галатов столь драгоценного украшения. Впрочем, ради смягчения суровости тут же следует оговорка: «если только без пользы». Этим апостол ободряет галатов, дабы они, возымев благую надежду, пришли к раскаянию. Ибо цель всех попреков состоит не в том, чтобы внушить людям отчаяние, а в том, чтобы воодушевить их к лучшему.

5) *Подающий вам.* Здесь апостол говорит уже не о благодати возрождения, а о других дарах Духа. То, что этот довод отличается от предыдущего, показывает сам порядок рассуждения. Апостол напоминает галатам: все отличавшие их дары Святого Духа являются плодами Евангелия, того самого, которое он проповедал им собственными устами. Поэтому они лишили себя этих даров, когда, оставив благовестие, перешли к иному учению. Наоборот, ежели они ценят эти дары, то должны из всех сил вцепиться в благовестие. К этим дарам апостол добавляет также и чудеса.

6. Так Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в праведность. 7. Познайте же, что верующие суть сыны Авраама. 8. И Писание, провидя, что Бог верою оправдает язычников, предвозвестило Аврааму: в тебе благословятся все народы. 9. Итак верующие благословляются с верным Авраамом.

(6. Так Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в праведность. 7. Познайте же, что те, кто от веры, суть сыны Авраама. 8. И Писание, провидя, что Бог верою оправдает язычников, предвозвестило Аврааму: в тебе благословятся все народы. 9. Итак те, кто от веры, благословляются с верным Авраамом.)

Обличив галатов самым ходом дела и личным опытом, апостол переходит теперь к свидетельствам Писания. Вначале он приводит пример Авраама. Хотя доводы, почерпнутые из примеров, не всегда убедительны, данный довод воистину убедительнее всех прочих. Ибо не существует нескольких путей праведности. И Авраам зовется отцом всех верных как раз потому, что является общим для всех них примером. Более того, в его лице нам предписано всеобщее правило достижения праведности.

б) *Так Авраам.* Здесь надо подразумевать противопоставление: «не скорее ли». Ибо, вопрошая, апостол хотел устранить даже малейший повод для сомнения. Или же слово «так» относится к предыдущему предложению. Смысл таков: галаты, услышав проповедь веры, возымели проявления Духа и разные чудеса. Апостол как бы говорит: в данной галатам благодати ярко сияет их сходство с Авраамом.

Поверил Богу. Этим свидетельством как здесь, так и в четвертой главе Послания к Римлянам, апостол доказывает, что люди оправдываются верою. Поелику вера вменена была Аврааму в праведность. Во-первых, следует установить, что для Павла означает здесь слово «вера». Во-вторых, что значит для него праведность. В-третьих, почему вера считается причиной оправдания. Вера не означает здесь то или иное убеждение, которым люди уверяются в истине Божией. Ведь, хотя бы Каин стократно таким образом уверовал в Бога, грозившего ему наказанием, это не помогло бы ему обрести праведность. Авраам же потому оправдался верою, что, получив от Бога обетование отеческого благоволения, принял его с полной уверенностью. Итак, вера так относится к слову Божию, что дает людям возможность обрести в нем покой.

Что же касается слова «праведность», то следует отметить изречение Моисея. Ибо, говоря: Аврааму вменилось в праведность то, что он уверовал, – Моисей понимает праведным того, кто считается таковым в глазах Божиих. Ибо люди, не обладая праведностью в самих себе, получают ее через вменение. Так что Бог принимает их веру в качестве праведности. Итак, о людях

говорится, что они оправдываются верою, не в том смысле, что вера внедряет в них какое-либо расположение или качество, но в том, что Бог начинает их принимать [как праведных].

Почему же подобная честь приписывается именно вере, и именно она зовется причиной нашего оправдания? Во-первых, следует знать, что вера лишь инструментальная причина. Ибо, в собственном смысле, наша праведность есть не что иное, как незаслуженное принятие со стороны Бога, на котором и основано наше спасение. Однако, поскольку Господь, свидетельствуя нам в Евангелии о Своей любви и благодати, одновременно сообщает и вышеназванную праведность, мы и принимаем ее верою. Итак, приписывая вере оправдание человека, мы ведем речь не о главной причине, но лишь отмечаем способ, коим достигают люди истинной праведности. Ибо праведность – это только дар Божий. Она не какое-либо качество, присущее людям, но принимается лишь верою. Причем не по заслуге веры, словно положенная за нее награда, а в том смысле, что верою мы принимаем даруемое Богом. Посему истинны все речения такого рода: мы оправдываемся по благодати Божией, Христос – наша праведность, милосердие Божие – причина нашей праведности, праведность обретена для нас смертью и воскресением Христовым, праведность даруется нам через благовестие, мы обретаем праведность верою.

Откуда явствует, сколь по-детски заблуждаются желающие примирить друг с другом два утверждения: мы оправдываемся по вере, и мы оправдываемся по делам. Ибо кто праведен по вере, тот лишен собственной праведности, и, будучи пустым в себе, полагается лишь на благодать Божию. Вот почему Павел в Послании к Римлянам (4:2) делает вывод: Аврааму нечем было хвалиться перед Богом, поскольку праведность он обрел верою. И говорится, что вера вменилась ему не как часть праведности, но просто в праведность. Итак, вера надежно заменила ему праведность перед Богом.

Далее, вера взирает только на милосердие Божие, а также на смерть и воскресение Христово. Значит, никакая заслуга дел не может быть причиной оправдания. Ведь причина эта целиком приписывается вере. Ибо вера, заключая в себе незаслуженное благоволение Божие, Христа со всеми Его благами, даваемое в благовестии свидетельство усыновления, – полностью противоположна закону, заслуге дел и человеческому достоинству. Утверждение же софистов о том, что вера противоположна лишь обрядам, никак не вяжется к контекстом. Итак, будем твердо помнить: оправданные по вере становятся праведными вне самих себя, а именно – во Христе. Этим опровергается нелепый домысел насмехающихся над Павлом толкователей. Моисей де зовет праведностью испытанность, и поэтому имеет в виду лишь то, что Авраам, поверив Богу, стал считаться испытанным мужем. Таких вот духовных ловкачей восставляет сегодня сатана, пытаясь обрушить библейскую уверенность своими хитрыми уловками. Павел же, зная, что Моисей не учил здесь грамоте детей, а говорил о суде Божием, обоснованно понимает слово «праведность» в богословском смысле. Не потому, что люди считают нас испытанными, мы считаемся праведными перед Богом, а потому, что выказываем совершенное послушание Его закону. Ведь праведность противоположна даже малейшему нарушению закона. И эту праведность, которой мы лишены сами, Бог дарует нам без всяких заслуг.

Но иудеи обвиняют Павла в том, что тот неподобающе искажил слова Моисея, придав им угодный ему смысл. Ведь Моисей говорил здесь не о Христе, и не о вечной жизни, а лишь о земном обетовании. От иудеев не сильно отличаются паписты. Они, не дерзая прямо обвинять Павла, полностью извращают смысл его слов. Отвечаю: Павел считает за данное то, что для христиан есть безусловная аксиома. Какие бы обетования ни давал Господь Аврааму, все они начинались со слов: Я Бог твой, награда твоя весьма велика, и в семени твоём благословятся все народы. Посему, когда Авраам услышал: и будет семя твое как песок морской, он не остановился на этих словах, но включил их в благодать усыновления, как часть в целое. Более того, какое бы обетование ему ни давалось, он принимал его не иначе, как свидетельство отеческой благодати Божией, черпая из него уверенность в спасении. Ибо дети Божии отличаются от неверных тем, что последние совместно с ними пользуются благодеяниями Божиими, но поглощают и заглатывают их подобно скотам, невзирая на горнее. Дети же Божии, зная, что все благодеяния освящены для них обетованиями, признают в них отцовство Бога. Они всегда возвышаются к надежде на вечную жизнь, поелику начинают с ее основания, то есть с веры в собственное усыновление. Итак, Авраам был оправдан не потому, что уверовал в многочисленность своего семени, но потому, что принял благодать Божию, радуясь обещанному Посреднику, в Котором все обетования Божии – «Да» и «Аминь», чему Павел и учит в другом месте (2Кор.2:17).

7) *Познайте же*. Или «вы знаете». Ибо греческую фразу можно понимать и так, и так. Однако, поскольку смысл один и тот же, выбор того или иного варианта не имеет особого значения. Разве только древний перевод, которому я здесь следовал, несет в себе большую выразительность.

Людьми «от веры» апостол называет тех, кто, отрекшись от упования на дела, успокаивается в одном лишь божественном обетовании. А если спросят, кто дал нам право так истолковывать, отвечаю: тот же самый автор. Ибо в Послании к Римлянам он написал так: Делающему дают не по благодати, но возвращают по долгу. Тому же, у кого нет никаких дел, поелику нет и заслуг, вменяется в праведность его вера. Итак, быть «от веры» означает основывать свою праведность и надежду на спасение на милосердии Божиим. То же, что сыны Авраама именно таковы, апостол выводит из предыдущего предложения. Ведь, если Авраам был оправдан верою, всякий, желающий быть его сыном, должен так же опираться на свою веру. При этом апостол умалчивает о том, что легко выводится из его слов: в Церкви нет места никому, кроме сынов Авраама.

8) *И Писание, провидя.* Теперь Павел конкретно применяет к язычникам сказанные им прежде общие слова. Ибо их призвание было чем-то новым и необычным. Посему образ и способ их призвания вызывал серьезные сомнения. Казалось, что от них требовалось обрезание и соблюдение закона. Иначе они были бы исключены из участия в завете. Павел показывает, что это не так. Верою язычники обретают благословение, и верою прививаются к семье Авраама. Как же он это доказывает? Используя слова: **В тебе благословятся**, и т.д. Слова эти без сомнения означают, что по примеру Авраама благословятся все. Ибо он общий пример и правило для всех. Авраам обрел благословение верою, значит и другие могут так же его обрести. Ударение падает здесь на слово «верующий». Апостол как бы говорит: благословение принадлежит не обрезанному вместе в Авраамом, не исполнившему дела закона, не еврею, не уповающему на собственное достоинство, – но тому, кто живет одной лишь верой. Ибо здесь учитывается не достоинство лица, а одна только вера. Слово же «благословение» имеет разные значения в Писании, но здесь употребляется вместо усыновления, обретения наследия вечной жизни.

10. А все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою. Ибо написано: проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона. 11. А что законом никто не оправдывается пред Богом, это ясно, потому что праведный верою жив будет. 12. А закон не по вере; но кто исполняет его, тот жив будет им. 13. Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою (ибо написано: проклят всяк, висящий на древе), 14. дабы благословение Авраамово через Христа Иисуса распространилось на язычников, чтобы нам получить обещанного Духа верою.

(10. Ибо все, кто от дел закона, находятся под клятвою. Ибо написано: проклят всяк, кто не пребывает во всем, написанном в книге закона, чтобы творить сие. 11. А что законом никто не оправдывается пред Богом, это ясно, потому что праведный верою жив будет. 12. А закон не по вере; но кто исполняет сие, тот жив будет в этом. 13. Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою (ибо написано: проклят всяк, висящий на древе), 14. дабы благословение Авраамово через Христа Иисуса распространилось на язычников, чтобы нам получить обетование Духа верою.)

10) *Все, утверждающиеся на делах.* Аргумент апостола исходит из сравнения противоположностей. Ибо один и тот же источник не источает холод и тепло. Закон заключает всех смертных под проклятием. Итак, напрасным будет пытаться извлечь из него благословение. «Кто от дел закона» – апостол называет так людей, основывающих спасительное упование на делах закона. Ибо манеру речи апостола всегда следует соотносить с обсуждаемым вопросом. Мы знаем, что здесь идет речь о причине оправдания. Итак, всех, желающих оправдаться делами закона, Павел объявляет находящимися под проклятием. Но как он это доказывает? Изречением, взятым из самого закона: все, преступившие какую-либо его часть, прокляты. Теперь мы видим, может ли какой смертный удовлетворить требованиям закона. Очевидно, что до сих пор никто из таких не нашелся. Да таких и невозможно найти. Итак, все до единого осуждаются законом.

Однако здесь не достает меньшей посылки и заключения. Ведь полный силлогизм звучал бы так: Всякий, преступивший какую-либо часть закона, проклят. Но все повинны в таком преступлении. Следовательно, все прокляты. Далее, аргумент Павла не имел бы силы, если бы у нас была возможность исполнять закон. Ибо тогда отменялась бы меньшая посылка. Таким образом, или Павел рассуждал глупо, или людям невозможно исполнить закон. Ибо противник мог бы возразить: я признаю, что все преступники прокляты. Но и что из этого? Пусть отыщут тех, кто исполнил закон. Ведь люди могут свободно выбирать между добром и злом. Однако Павел считает за данное догмат, столь ненавистный сегодня папистам: все люди лишены сил соблюдать закон. Посему он уверенно заключает: прокляты все. Ведь всем было заповедано твердо блюсти закон. Однако из-за испорченности природы силы у всех иссякли. Отсюда мы заключаем: то, что закон проклинает, для него привходяще (*esse accidentis*), но для нас постоянно и неизбежно.

Ибо порочность нашей природы не дает нам обрести благословение, предлагаемое законом. Поэтому остается одно лишь проклятие.

11) *А что законом никто не оправдывается.* Апостол опять аргументирует из сравнения противоположностей. Если мы оправданы верою, значит мы не оправданы законом. Но мы оправданы верою. Следовательно – не законом. Меньшую посылку апостол доказывает отрывком из Аввакума, процитированном в семнадцатом стихе первой главы Послания к Римлянам. Большую же – разницей между двумя способами оправдания. Ибо закон оправдывает лишь того, кто исполнит все им заповедуемое. Вера же оправдывает тех, кто без всяких собственных заслуг уповает на одного Христа. Эти две вещи никак не совместимы: оправдаться собственной заслугой и оправдаться заслугой другого. Поэтому одно отрицает другое. Таков общий смысл. Теперь же подробнее поговорим о некоторых частностях.

Праведный верою жив будет. Поскольку данное место мы истолковали в Послании к Римлянам, здесь нет смысла повторять все к нему относящееся. Пророк несомненно противопоставляет плотскую гордыню истинной вере. Он объявляет, что праведные будут жить этой верою. То есть хочет сказать, что они живут не только временно, готовые пасть от всякого нагрянувшего несчастья. Нет, они пребывают вечно и, даже умерев, не перестанут жить. Поэтому клеветники ничего не достигают своими уловками. Они говорили, что пророк якобы использовал слово «вера» в широком смысле. Более широком, чем это делает Павел. Однако пророк называет верою твердую уверенность совести, уповающей на одного лишь Бога. Поэтому Павел вполне уместно воспользовался этим свидетельством.

12) *А закон не по вере.* Не подлежит сомнению, что закон не воюет против веры. Иначе Бог противоречил бы самому себе. Однако всегда следует помнить, что Павел говорит здесь так, как требуют обстоятельства защищаемого им дела. Итак, противоречие между верою и законом имеет место лишь тогда, когда речь идет о причине оправдания. Ведь легче воду соединить с огнем, чем примирить между собой эти два принципа: человек оправдывается верою, и человек оправдывается законом. Поэтому закон не по вере. То есть, он оправдывает человека совсем на иных принципах, нежели вера.

Но кто исполняет его. Различие заключается в том, что человек, исполняя закон, считается праведным праведностью по закону. Это доказывается словами Моисея. А что такое праведность по вере? Ее апостол определяет в Послании к Римлянам 10:9: *Ежели веруем, что Христос умер за наши грехи, и далее по тексту.* Однако отсюда не следует, что, либо вера является напрасной, либо верующие свободны от делания добрых дел. Ибо здесь не спрашивается: должны ли верующие соблюдать закон по мере своих сил (что не подлежит сомнению), но спрашивается: обретают ли они праведность делами, что совершенно невозможно. Далее, кто-то возразит: ежели Сам Бог обещает жизнь исполнителям закона, то почему же Павел отрицает, что они праведны? Ответ готов: никто не праведен делами закона, потому что нет никого, кто бы его исполнил. Ибо если бы существовали подлинные исполнители закона, мы допускаем, что они были бы праведны. Однако, поскольку заключенное здесь соглашение является обусловленным (conditionale), все оказываются лишенными жизни. Поелику никто не выказывает той праведности, которую должен выказать. Но следует помнить то, о чем я говорил раньше: закон исполняет не тот, кто повинуется ему лишь отчасти, а тот, кто полностью отвечает требованиям праведности. А от подобного совершенства далеки все.

13) *Христос искупил нас.* Апостол заявляет, что все находящиеся под законом подвержены проклятию. Отсюда возникает немалая трудность. Ведь даже иудеи не могут оградить себя от клятвы закона. Но апостол, дав свой ответ, разрешает данное затруднение. Он учит, что мы избавлены через Христа. Этим он еще больше подтверждает свое первоначальное намерение. Ибо если мы потому спасены, что избавлены от проклятия закона, значит праведность исходит не от закона. Затем апостол говорит о способе нашего избавления.

Написано: проклят всяк, висящий на древе. На древе был повешен Христос. Следовательно, проклятие пало именно на Него. Несомненно, что не ради Себя Самого подвергся Он таковой казни. Отсюда же следует, что либо Он был распят напрасно, либо на Него было возложено наше проклятие, дабы сами мы от него освободились. Апостол не говорит, что Христос был проклят. Он сказал, что Он Сам сделался клятвою. А это много больше. Ибо Павел хочет сказать, что на Христа пало проклятие всех. Если кому-то это покажется нелепым, значит он стыдится креста Христова. Того креста, исповеданием которого хвалимся мы. Ибо Бог не был в неведении о том, какой смертью собирался умереть Его Сын. Он, безусловно, знал об этом, когда объявлял: проклят всяк, висящий на древе.

Но кто-нибудь возразит, почему же Отец проклял столь возлюбленного Им Сына? Отвечаю: надо иметь в виду две вещи, относящиеся не только к личности Христа, но и к Его человечеству. С одной стороны, Он был непорочным агнцем Божиим, полным благодати и истины. С другой – Он занял наше место (*personam nostram susceperat*), и поэтому стал грешником и подверженным проклятию. Причем не столько в Самом Себе, сколько в нас. Так, что был вынужден умереть от нашего имени. Посему Христос и не мог лишиться благодати Божией, и, одновременно, принял на Себя Его гнев. Ибо как Он мог примирить с нами Отца, если Сам был для Него ненавистен? Значит, он всегда исполнял отчую волю. Наоборот, как Он мог избавить нас от гнева Божия, если Сам не принял его вместо нас? Значит Он поражен был за грехи наши, имея дело с Богом как с гневным судьей. Вот в чем состоит юродство креста, дивное даже для ангелов. Юродство, не только превосходящее, но и совершенно изничтожающее всякую мирскую мудрость.

14) *Дабы благословение.* Здесь апостол применяет к своей цели то, о чем говорил раньше: мы избавлены Христом от проклятия закона. Он говорит, что на этом основано обещанное Аврааму благословение, и что таким образом оно перешло на язычников. Ибо если даже иудеев надлежало избавить от закона, дабы стали они Авраамовыми наследниками, то что мешает язычникам участвовать в том же благе? Поскольку благословение это заключено в одном Христе, одна лишь вера во Христа может сделать нас его участниками.

Чтобы получить обещанного Духа (обетование Духа). Обетование Духа я, исходя из правил еврейского языка, понимаю как обетование духовное. Ведь, хотя обетование: Изолью от Духа Моего на всякую плоть, и относится к новому завету, Павел имеет здесь в виду нечто другое. Ибо Дух, как мне кажется, противостоит здесь всем внешним вещам. И не только обрядам, но и плотскому рождению, что исключает любое лицепрятие. Поэтому апостол из природы самого обетования показывает: иудеи ничем не отличаются от язычников, поскольку, ежели существует [оправдание], то оно принимается одною верою.

15. *Братия! говорю по рассуждению человеческому: даже человеком утвержденного завещания никто не отменяет и не прибавляет к нему. 16. Но Аврааму даны были обетования и семени его. Не сказано: и потомкам, как бы о многих, но как об одном: и семени твоему, которое есть Христос. 17. Я говорю то, что завета о Христе, прежде Богом утвержденного, закон, явившийся спустя четыреста тридцать лет, не отменяет так, чтобы обетование потеряло силу. 18. Ибо если по закону наследство, то уже не по обетованию; но Аврааму Бог даровал оно по обетованию.*

(15. *Братия! (рассуждаю по человеческому): даже человеческого завещания, если только оно утверждено, никто не отменяет и не прибавляет к нему. 16. Но Аврааму даны были обетования и семени его. Не говорит: и потомкам, как бы о многих, но как об одном: и семени твоему, которое есть Христос. 17. Я говорю то, что завета о Христе, прежде Богом утвержденного, закон, явившийся спустя четыреста тридцать лет, не отменяет так, чтобы упразднить обетование. 18. Ибо если по закону наследство, то уже не по обетованию; но Аврааму Бог даровал по обетованию.*)

15) *По рассуждению человеческому.* Этой фразой апостол пристыжает галатов. Ибо весьма позорно, если Бог пользуется у нас меньшим авторитетом, чем смертный человек. Итак, увещывая галатов не придавать священному завету Божию меньшего авторитета, чем обычно приписывается договорам между людьми, апостол не уравнивает Бога с человеком. Он попутно дает им поразмыслить о том, сколь большая разница между людьми и Всевышним.

Даже человеком утвержденного завещания. Аргумент апостола исходит от меньшего к большему. Человеческие завещания без всяких споров считаются действительными. Насколько же больше должно сие относиться к утвержденному Богом? Далее, там, где латиняне читают «завет», у Павла на греческом стоит διαθήκη. Этим словом греки обычно обозначают завещание, а иногда и любой другой договор. Хотя во втором смысле более употребительно множественное число. Что касается настоящего места, то неважно, толковать ли данное слово как завещание или как договор. По-другому обстоит дело в Послании к Евреям (7:22), где апостол без сомнения говорит о завещании. Здесь же я предпочитаю просто отнести это слово к заключенному Богом завету. Ибо то, на чем настаивает здесь апостол, больше подходит завету, чем завещанию. Итак, будем придерживаться следующего: апостол переходит в своем рассуждении от человеческих соглашений к тому торжественному завету, который Бог заключил с Авраамом. Ибо если первые должны пребывать незыблемыми, и к ним ничего нельзя добавлять, то насколько больше должен оставаться неизменным этот последний.

16) *Аврааму даны были.* Прежде, чем рассуждать далее, апостол добавляет кое-что о природе данного завета. А именно: он основан на одном лишь Христе. А если Христос – основа сего завета, отсюда следует, что последний является незаслуженным. Это же апостол хочет сказать, используя слово «обетование». Ибо подобно тому, как закон взирает на людей и их дела, обетование взирает на благодать Божию и веру.

Не сказано: и потомкам. Чтобы доказать, что Бог говорил в этом месте о Христе, апостол обращает внимание на единственное число, означающее какое-то конкретное семя. Я удивляюсь тому, что христиане, видя, с каким ожесточением нападают на это место иудеи, не пытаются им должным образом ответить. Ибо все быстро пробегают его, как совершенно очевидное. Однако возражение иудеев вполне весомо. Ведь *זרע* или «семя» является собирательным существительным. Поэтому кажется, что Павел поступает нелепо, доказывая, что под этим словом разумеется один человек. Ведь в только что процитированном месте под ним имелось в виду все потомство Авраама. И будет семя твое как песок морской и как звезды небесные. Посему иудеи надменно попрекают нас, как бы уличая во лжи.

Тем более удивляюсь я тому, что представители нашего лагеря при этом молчат, хотя на их клевету имеется вполне основательный ответ. Ибо между самими сынами Авраама уже произошло разделение. Один из этих сыновей был изгнан из семьи. В Исааке наречется семя тебе. Поэтому Исмаил не считается за семя. Теперь пойдем дальше. Согласны ли иудеи с тем, что потомство Исава является благословенным семенем? Нет, они считают, что отец этого потомства был отвергнут, несмотря на свое первородство. А сколько вообще произошло от Авраама людей, не удостоившихся сего призвания? Двенадцать патриархов представляли собой двенадцать глав, но не потому, что произошли от потомства Авраама, а потому, что были предназначены к этому по особому божественному избранию. Ибо с того времени, как были угнаны в плен десять колен, многие тысячи из них выродились так, что даже по названию перестали быть семенем Авраама. Наконец, даже колено Иуды подверглось опасности, и благословение продолжало пребывать лишь в незначительной горстке людей. Это и было предсказано Исаией (10:21): Только остаток спасется.

До сих пор я не сказал ничего, с чем бы не согласились иудеи. Итак, пусть они ответят мне, почему тринадцать колен, произошедших от двенадцати патриархов, являются семенем Авраама, а исмаилиты и идумеи – нет? Почему одни иудеи хвалятся сегодня этим именем, отвергая прочих как незаконнорожденных? Они претендуют на то, что достигли сего своей заслугой. Однако Писание, наоборот, считает, что все зависит от призвания Божия. Ибо всегда надобно возвращаться к пророчеству: В Исааке наречется семя тебе. И это преимущество должно было передаваться по очереди поколений вплоть до Христа. Ведь Господь данное Аврааму обетование позднее перенес на Давида как на промежуточное звено. Итак, Павел ссылается на единственное число вовсе не для того, чтобы доказать, что речь идет об одном человеке. Он лишь хочет показать, что имя семени переносится на кого-либо не только в силу плотского рождения от Авраама, но и в силу особого призвания к сей чести со стороны Бога. Если же иудеи этим оскорбятся, то сделают себя достойными осмеяния.

Впрочем, поелику Павел выводит из этих же слов, что завет заключен был во Христе и ради Христа, порассуждаем теперь о том, что означает фраза: в семени твоём благословятся все народы. Иудеи утверждают, что она означает сравнение: [семенем твоим]. Словно семя Авраама в будущем станет образом несчастливых знамений и безответных молитв. Как и наоборот, проклинать Содомом и Израилем означает употреблять в проклятии имя Sodoma и Израиля. Я признаю, что иногда такой смысл подходит, но отрицаю, что он подходит всегда. Ибо благословлять себя в Боге означает нечто иное, с чем согласятся даже иудеи. Итак, поелику выражение сие двусмысленно, иногда означая причину, а иногда – сравнение, его следует толковать, исходя из контекста. Далее, очевидно, что по природе все мы прокляты. В лице же Авраама благословение было обещано всем народам. Но все ли народы достигли этого благословения? Во все нет. Но лишь те, кто пришел к Мессии. Ибо тогда они становятся одним телом и одним народом под водительством Мессии, собираясь вместе под Его началом. Итак, всякий, кто, отложив спор, будет искать истину, легко признает, что здесь имеется в виду причина, а не голое сравнение. Откуда следует, что Павел вполне заслуженно говорит, что завет заключен во Христе или касательно Христа.

17) *Закон, явившийся спустя четыреста тридцать лет.* Если послушать Оригена, Иеронима и папистов, этот довод можно без труда опровергнуть. Ведь Павел рассуждает так: обетование было дано Аврааму за четыреста тридцать лет до закона. Следовательно, закон, явившись впо-

следствии, не может отменить данное обетование. Отсюда Павел выводит, что обряды вовсе не являются необходимыми. Но вдруг кто-нибудь возразит: таинства даны для поддержания веры. Почему же Павел отрывает их от обетования? Причем до такой степени, что пускается в жаркий спор. Однако апостол говорит о более возвышенном употреблении обрядов. А именно, о силе оправдывать, которую им приписывали лжеапостолы, и о том, что они могут связывать совесть. Более того, воспользовавшись этим поводом, апостол начал рассуждать о вере и делах вообще. Ведь если бы речь не шла об обретении праведности, о заслуге дел, об уловлении совести, то обряды вполне сочетались бы с обетованием.

Что же означает упразднение обетования, против которого выступает апостол? Самозванцы отрицали, что спасение обетовано людям даром, и что оно обретается верою. Как мы вскоре увидим, они настаивали на том, что для достижения спасения необходимы обряды. Но я возвращаюсь к словам Павла. Он говорит, что закон воспоследовал обетованию. Значит он его не упраздняет. Ибо однажды заключенный договор должен пребывать незыблемым. Повторяю снова: если не считать обетование данным даром, утверждение апостола совершенно излишне. Ведь закон и обетование не противоречат друг другу, если только речь не идет о причине оправдания. В этом отношении закон оправдывает человека заслугой его дел, а обетование дарует праведность даром. И Павел вполне истолковывает сам себя, заявляя, что завет основан на Христе.

Однако как раз здесь и восстают паписты. Ведь у них имеется способ обойти этот довод. Мы, говорят они, больше не требуем соблюдения древних обрядов. Последние совершенно утратили силу. Тем не менее, человек оправдывается соблюдением нравственного закона. Ибо нравственный закон предшествовал завету Бога с Авраамом, будучи сотворенным одновременно с человеком. Таким образом, либо аргументация Павла нелепа, либо она направлена на одни лишь обряды. Отвечаю: Павел имел в виду следующее. Дела не полагаются никакая награда, кроме как по божественному завету. Поэтому, даже если признать за законом силу оправдывать, люди до закона все равно не могли заслужить спасение делами, поелику еще не было никакого завета. При этом я не утверждаю ничего, с чем бы не согласились богословы-схоласты. Ибо они учат, что дела заслуживают спасение не по своему внутреннему достоинству, а в силу принятия со стороны Бога и установленного Им завета. Значит там, где нет завета, нет и никакого свидетельства о принятии дел. Поэтому никакие дела не будут достаточны для спасения.

Таким образом, аргументация Павла вполне уместна. Он говорит, что между Богом и людьми был заключен двойственный договор. Вначале он был утвержден через Авраама, затем – через Моисея. И этот договор был основан на Христе, а потому являлся не заслуженным. Значит закон, явившись впоследствии, не мог сделать так, чтобы люди возымели спасение вне благодати. Ибо тогда обетование стало бы недействительным. Что именно это и имел в виду Павел, показывают тут же следующие слова.

18) *Если по закону наследство.* Дабы противники не сказали в ответ, что не учат отмене и упразднению завета Божия, апостол упреждает все их уловки и говорит о противоположности двух принципов: спасение происходит от закона, и спасение происходит от обетования. Кто же дерзнет относить это к одним обрядам, имея в виду, что Павел охватывает здесь все, противоречащее незаслуженному обетованию? Так он говорит и в Послании к Римлянам 4:14: Если по закону наследство, то упразднена вера, отменено обетование. Почему так? Потому что спасение будет тогда зависеть от исполнения тобою закона. Посему апостол тут же заключает, что обетование, дабы быть твердым, должно опираться на веру. Итак, давайте досконально разберемся в том, почему, сравнивая обетование с законом, мы, утверждая одно, непременно упраздняем другое. Потому что обетование адресовано вере, закон же взирает на дела. Вера принимает то, что дается даром, делам же воздается положенная награда. Об этом и говорит Павел, когда тут же добавляет: Бог даровал Аврааму обетование, не требуя от него какой-либо платы, но добровольно пообещав ему нечто. Ибо если подразумевать здесь условие, слово «даровал» никак не подходит.

19. *Для чего же закон? Он дан после по причине преступлений, до времени пришествия семени, к которому относится обетование, и преподан через Ангелов, рукою посредника.* 20. *Но посредник при одном не бывает, а Бог один.* 21. *Итак закон противен обетованиям Божиим? Никак! Ибо если бы дан был закон, могущий животворить, то подлинно праведность была бы от закона;* 22. *но Писание всех заключило под грехом, дабы обетование верующим дано было по вере в Иисуса Христа.*

(19. Что же закон? Он добавлен после по причине преступлений, до времени пришествия семени, к которому относится обетование, и преподан через Ангелов, рукою посредника. 20. *Но*

посредник при одном не бывает, а Бог один. 21. Итак закон противен обетованиям Божиим? Никак! Ибо если бы дан был закон, могущий животворить, то подлинно праведность была бы от закона; 22. но Писание всех заключило под грехом, дабы обетование верующим дано было по вере в Иисуса Христа.)

Как только мы слышим, что закон не способен принести праведность, сразу же возникают разные мысли, что закон либо бесполезен, либо противен завету Божию, или что-то в этом роде. Более того, может прийти на ум следующее: Почему не сказать о законе то же, что Иеремия говорит о новом завете (31:31), что он дан после для исправления немощи предыдущего учения? Так что Павлу, желавшему удовлетворить галатов, предстояло ответить на все подобные возражения. Во-первых, он спрашивает: каково употребление закона. Ведь, поскольку закон восследовал обетованию, кажется, он должен был восполнить то, что недоставало последнему. Так что возникало сомнение: не оказалось бы обетование бездейственным без помощи закона. Однако следует отметить, что Павел говорит не только о законе, но и обо всем Моисеевом служении, присущем Моисею как таковому. Оно состояло в следующем: я предпишу им правило жизни и некоторые обряды, коими они будут упражняться в богопоклонении, а затем добавлю к этому обетования и угрозы. Тот же факт, что сюда были включены многочисленные обетования о незаслуженном милосердии Божиим и о Христе, обетования, явно относящиеся к вере, – являлся как бы привходящим и был вызван тем, что закон сравнивался с учением о благодати. Итак, будем помнить, что вопрос по существу сводится к следующему: зачем уже после того, как дано было обетование, пришел Моисей со своим заветом, гласившим: кто исполнит сие, жить будет этим, проклят же всякий, не исполнивший всего. Принес ли тогда Моисей нечто лучшее и более совершенное?

19) *По причине преступлений.* Употребление закона многообразно. Однако Павел говорит здесь только о том его употреблении, которое может помочь в защите его дела. Ибо в его намерения не входило рассуждать о том, сколькими способами закон может принести пользу людям. Читателям следует непременно иметь это в виду. Ведь я вижу, как многие бредят и не признают за законом какой-либо другой пользы, кроме той, которая здесь отмечена. Но и сам Павел в другом месте (2Тим.3:16) приспособливает заповеди закона к учению и увещаниям. Итак, здесь не приводится исчерпывающий перечень употреблений закона. И негоже поступают те, кто не признает в законе ничего другого.

Что же означает фраза «по причине преступлений»? Так выражаются и философы, говоря, что закон установлен для сдерживания злых поступков. Однако Павел имеет в виду нечто более возвышенное, чем кажется из его слов. Он намекает на то, что закон был установлен с целью выявления людских преступлений, и тем самым вынуждает людей признать свою вину. Ибо совесть людей спит, с естественной легкостью прощая себе все, в чем ее не уличает закон. Отсюда и слова Павла: И до закона грех был в мире, однако он не вменялся (Рим.5:13). Итак, закон пришел для того, чтобы пробудить спящих. В этом и состоит должное приготовление ко Христу. Через закон, говорит апостол в Послании к Римлянам 3:20, происходит познание греха. Для чего? Чтобы сделать грех еще более греховным. Так утверждает апостол в 7:13 того же послания. Закон был установлен по причине преступлений для их выявления, или (как сказано в Послании к Римлянам 5:20), чтобы умножилось преступление.

Ориген пытался извратить данное место, но напрасно. Разве абсурдно, если Бог призывает совесть к Своему суду, смиряя ее осознанием своей вины, совесть, которая в ином случае потакала бы себе в своих преступлениях? Если Он снимает оцепенение, заглушавшее всякое ощущение Его суда? Если выводит на свет грех, скрывавшийся подобно вору в пещерах лицемерия? Кто-нибудь возразит: ежели закон есть правило благочестивой и правильной жизни, то почему говорится, что он дан по причине преступлений, а не по причине послушания? Отвечаю: какую бы праведность ни являл закон людям, в нашей испорченной природе его учение способно лишь умножать преступления. Умножать до тех пор, покуда не придет Дух возрождения и не начертает эту праведность на людских сердцах. Но последнее дается не законом, а верою. Итак, пусть читатели помнят, что данные слова Павла несут не философский и не политический смысл. Они указывают на ту цель закона, о которой мир никогда не смог бы сам догадаться.

До времени пришествия семени. Если закон имеет отношение к семени, на Котором основано благословение, значит он ничего не отнимает от обетований. Ибо слова «до времени» означают то же, как если бы было сказано: в то время, когда ожидалось семя. Откуда следует, что закон должен служить, а не первенствовать. Ведь он был установлен именно для того, чтобы пробудить в людях желание Спасителя. Но спрашивается, разве не должен был он длиться лишь до пришествия Христова? Если так, значит теперь он уже отменен. Отвечаю: все служение закона

было временным, поелику дан он был для того, чтобы удерживать древний народ в Христовой вере. Однако я не согласен с тем, что с приходом Христа отменяется весь закон. И не это хотел сказать апостол. Но во Христе, исполнении всех обетований, должен был окончиться лишь установленный на время способ правления, о чем вскоре будет сказано подробнее.

Преподав через Ангелов. Эта фраза об ангелах вставлена к похвале закона. То же самое утверждает и Стефан, Деян.7:53. Ибо мнение некоторых, понимающих под ангелами Моисея и Аарона, скорее утонченно, нежели доказательно. Кроме того, не удивительно, что свидетельство о законе было поручено именно ангелам, через которых Бог ниспосылает нам многие даже не столь значимые благословения.

Рукою посредника. Вполне привычно под рукою разуметь служение. Однако, поскольку служителями, распространявшими закон, были ангелы, под рукою посредника я разумею первенство в данном служении. Ведь здесь присутствовал какой-то главный законодатель. Ангелы же были его товарищами и помощниками. Некоторые считают, что это сказано о Моисее с целью сравнения Моисея и Христа. Я же скорее согласен с древними, относящими эту фразу ко Христу. Ведь сразу бросается в глаза, что этот смысл больше соответствует контексту. Хотя, с другой стороны, я не согласен с древними в отношении смысла слова «посредник». Ибо здесь посредник не означает, как они думали, примирителя, в каком смысле он назван так в Первом Послании к Тимофею (2:5). Он означает вестника, распространяющего закон. Следует понимать так, что от начала мира Бог общался с людьми только посредством Своей вечной премудрости или Своего Сына. Посему и Петр говорит, что святые пророки говорили Духом Христовым (Деян.4:26), и Павел называет Христа вождем народа в пустыне (1Кор.10:4). Действительно, явившийся Моисею ангел не мог быть ни кем иным, поскольку присваивал себе имя Божие, присущее и полагающееся лишь Богу. И имя это никогда не переносится на творения. Поэтому, как Христос есть Посредник нашего примирения, посредством которого мы принимаемся Богом, как Он является Посредником в ходатайстве, коим дается нам возможность призывать Отчее имя, так Он был некогда и Посредником в преподавании учения. Поелику именно через Него Бог всегда являл Себя людям. Апостол особо подчеркнул эту мысль, чтобы галаты осознали: Тот, Кто является ныне основой завета благодати, первенствовал и в распространении закона.

20) *Но посредник при одном не бывает.* Хотя некоторые начинают здесь философствовать о двойственной природе Христа, как будто Павел во фразе «при одном» имел в виду одну сущность, никто из здравомыслящих не усомнится в том, что апостол говорит здесь о заключающих соглашениях сторонах. Обычно толкуют это место так: посредник нужен только там, где одна сторона заключает сделку с другой. Однако, зачем конкретно апостол вставил здесь это предложение, они оставляют без ответа, хотя место сие достойно особо пристального внимания. Здесь может содержаться некое упреждение, коим Павел предваряет нечестивую мысль о перемене божественного совета. Ибо кто-то мог бы сказать про себя: значит Бог поступает подобно людям, отменяющим заключенные между ними соглашения, если в них раскаиваются.

Если следовать этому смыслу, то Павел в первой части предложения говорит, что люди, будучи непостоянными и переменчивыми, заключая между собой соглашения, приходят к единству, но Бог и так остается одним, то есть тождественным Самому Себе, и не меняется из-за людского непостоянства. Впрочем, приняв во внимание все сопутствующее, я скорее думаю, что здесь сказано о различии между иудеями и язычниками. Христос не Посредник при одном, поскольку положение тех, с кем Бог заключает через Него соглашения, также различно в отношении внешних обстоятельств. Однако Павел отрицает, что завет Божий следует оценивать с этих позиций, словно тот внутренне противоречив и различен для людей разного положения. Тогда слова его становятся совершенно ясными. Подобно тому, как Христос некогда примирил с Богом иудеев посредством заключения завета, так и теперь Он служит Посредником для язычников. Большая разница пролегает между иудеями и язычниками. Препяду составляют обрезание и обряды закона. Иудеи были близки к Богу, а язычники далеки от Него. Однако Бог не перестал быть из-за этого единым. Это проявилось в том, что Христос, приведя к Богу ранее разобщенных людей, сделал из них единое тело. Итак, Бог един, поелику всегда остается подобным Самому Себе, и постановленное Им однажды всегда считает имеющим силу.

21) *Итак закон.* Хотя, узнав о постоянстве божественного намерения, тут же следовало заключить о непротиворечивости того, что из него вытекает; этот узел предстояло развязать отдельно из-за кажущегося противоречия между законом и заветом благодати. Кроме того, здесь может содержаться восклицание, коим Павел, устранив подозрения в противоречии, провозглашает несомненный факт: кто дерзнет говорить теперь о разногласии между законом и обетованием? Вопросительная форма не противоречит тому, что Павел отвечает здесь на возможные возраже-

ния. Ведь прежде чем ответить на вопрос, он по своему обыкновению отвергает его как нелепый, дабы научить благочестивых удерживать свой слух от всего оскорбляющего Бога. Однако здесь имеется также некий полемический прием, достойный пристального внимания. Апостол обвиняет своих противников в том, что они делают Бога противоречащим Самому Себе. Ибо очевидно, что и закон, и обетование происходят именно от Него. Поэтому всякий видящий между ними противоречие богохульствует. Однако противоречие действительно возникнет, ежели закон будет оправдывать. Так Павел обращает на своих противников то же самое обвинение, которое они клеветнически возводили на него самого.

Ибо если бы дан был закон. Это, как говорится, не прямой ответ на вопрос. Он еще не говорит ясно о согласии между законом и обетованием, но содержит в себе все, необходимое для устранения кажущихся противоречий. На первый взгляд данное предложение отходит от общего контекста и не способно никак разрешить вопрос. Но это не так. Ибо закон будет лишь тогда противоречить обетованиям, когда возымеет силу оправдывать. Ведь тогда существовало бы два взаимоисключающих основания для оправдания человека, и было бы два различных пути достижения праведности. Павел же отрицает за законом эту силу. Поэтому всякое противоречие устраняется. Я, говорит он, согласился бы признать, что законом достигается праведность, если бы в нем обреталось спасение. Но что дальше?

22) *Но Писание всех заключило.* Под Писанием апостол скорее всего понимает сам закон. Он заключает всех смертных под ощущением вины. Поэтому скорее лишает их праведности, нежели дарует ее. Весьма уместный довод. Ты ищешь праведности в законе? Но ведь сам закон, наряду с прочим Писанием, не оставляет человеку ничего, кроме осуждения. Он осуждает в неправедности всех людей вместе со всеми их делами. Итак, кто же сможет жить через закон? Апостол намекает на изречение: исполнивший сие, жить будет этим. Так вот, мы напрасно ищем в законе спасение, будучи отторгнутыми от жизни по своей вине. Говоря же, «всех» в среднем роде (*omnia*), апостол более выразителен, чем если бы поставил это слово в мужском роде (*omnes*). Ибо здесь имеются в виду не только люди, но и все, что они имеют и приносят Богу.

Дабы обетование. Итак, не остается иного средства, кроме того, чтобы, отрекшись от праведности по делам, мы прибегли к вере во Христа. Ведь неоспорим вывод: если наши дела придут на суд, все мы окажемся осужденными. Поэтому незаслуженную праведность мы обретаем только верою во Христа. Кроме того, эта фраза наполнена великим утешением. Апостол увещевает нас, чтобы мы всякий раз, как читаем в Писании о своем осуждении, вспоминали о готовой во Христе помощи. Лишь бы мы постарались придти к Нему. Но мы были бы погибшими и в том случае, если бы Бог об этом умолчал. Почему же Он столько раз говорит о нашей гибели? Чтобы мы не погибли навечно, но, пораженные столь ужасным приговором, верою взыскали Иисуса Христа, через Которого переходим от смерти в жизнь. В слове «обетование» кроется метонимия, ибо содержащее обозначает здесь содержимое.

23. *А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере.* 24. *Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою;* 25. *по пришествии же веры мы уже не под руководством детоводителя.* 26. *Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса;* 27. *все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись.* 28. *Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе.* 29. *Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники.*

(23. *А до того, как пришла вера, мы стереглись законом, заключенные под стражей веры, которой надлежало открыться.* 24. *Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою;* 25. *по пришествии же веры мы уже не под руководством детоводителя.* 26. *Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса;* 27. *все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись.* 28. *Нет уже Иудея, ни Еллина; нет раба, ни свободного; нет мужчины, ни женщины: ибо все вы одно во Христе Иисусе.* 29. *Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники.*)

23) *А до пришествия веры.* Здесь мы видим более полное раскрытие предложенного вопроса. Ибо апостол ясно говорит не только о том, каково употребление закона, но и о том, почему надлежало ему править в качестве временной меры. Поелику иначе показалось бы странным, почему иудеям был передан закон, а язычники остались от него свободны. Ведь ежели из иудеев и язычников составляется одна Церковь, почему у них столь разный способ правления? Откуда и по какому праву возникла эта новая свобода, в то время как отцы пребывали в покорности зако-

ну? Итак, апостол учит: различие это таково, что не мешает единству и согласию Церкви. Читатели снова должны понять: Павел говорит не только об обрядах, и не только о нравственном законе, но охватывает все устройство, с помощью которого Господь управлял Своим народом во времена Ветхого Завета. Ведь вопрос заключался в следующем: способна ли установленная Моисеем форма правления ниспослать праведность. И этот закон Павел сравнивает вначале с темницей или стражей, а затем с детоводителем. Причем оба этих сравнения ясно показывают: природа закона такова, что действие его должно продолжаться лишь строго ограниченное время.

Вера. Апостол означает этим полное откровение того, что некогда скрывалось под тенью закона. Однако он не лишает веры живших под законом отцов. Вначале внимание обращается на веру Авраама. Остальные примеры упоминает автор Послания к Евреям. Наконец, учение веры засвидетельствовано Моисеем и всеми пророками; но поскольку тогда вера не представляла еще во всей ясности, временем веры названо время нового завета, причем в сравнительном, а не в абсолютном смысле. И то, что он имел в виду именно это, апостол показывает, говоря, что мы находились под стражей веры, которой надлежало открыться. Этими словами Павел свидетельствует: люди, жившие под стражею закона, также были участниками веры. Ибо закон удерживал их не от веры, но от того, чтобы выходить за установленные верою рамки.

Здесь имеется изящный намек на сказанное ранее: Писание всех заключило под грехом. Итак, поскольку людям отовсюду угрожало проклятие, у них была и защита, ограждавшая их от этого проклятия. Поэтому апостол говорит, что стража закона по духу была весьма либеральной. Ведь вера тогда еще не была открыта. И не потому, что у отцов вовсе не было никакого света, а потому, что имели они меньше света, нежели мы. Тогда обряды оттеняли Христа, как еще не пришедшего, а теперь представляют Его нам, как уже пришедшего. Таким образом, вместо зеркала, имевшегося у них, у нас сегодня имеется сама суть. Итак, как бы ни был темен закон, отцы все равно знали, по какому пути следует идти. Ведь хотя заря и не дает такого света, какой дает полдень, путники не будут ожидать полного восхода солнца, поскольку, чтобы видеть путь, утреннего света вполне достаточно. Таким образом, для отцов часть выпавшего им света была подобна заре, способной устеречь их от всякого заблуждения и привести к вечному блаженству.

24) *Итак закон был детоводителем.* Второе сравнение, яснее изъясняющее мысль Павла. Ибо детоводитель не поставляется над человеком на всю жизнь. Он, как явствует из самого определения, предназначен лишь для отроков. Кроме того, воспитуя отрока, детоводитель готовит его к возмужалости, используя при этом то, что относится к отрочеству. И то, и другое вполне подходит закону. Ибо он руководил людьми лишь ограниченное время. Затем ученики его должны были возвыситься настолько, чтобы, усвоив азы, преуспевать достойно возраста своей возмужалости. Поэтому апостол и говорит «во Христе». Ведь подобно тому, как грамматик передает воспитанного им мальчика в руки того, кто научит его более высоким дисциплинам, так и закон уподобился такому грамматiku, передавшему своих учеников для усовершенствия богословию веры.

Таким образом, Павел сравнивает иудеев с отроками, а нам приписывает возмужалость. Однако встает вопрос: каким было воспитание или учение подобного детоводителя. Во-первых, закон, являя справедливость Божию, обличал их в собственной несправедности. Ибо в заповедях Божиих словно в зеркале иудеи видели, сколь далеки они от истинной праведности. Так их научали тому, что праведность надо искать в другом месте. Ту же самую роль играли и обетования закона. Иудеи должны были рассуждать так: если жизнь нельзя обрести делами без исполнения закона, значит надобно искать иной способ ее обретения. Ибо твоя немощь никогда не позволит тебе забраться так высоко. Более того, как бы сильно ты ни желал и ни стремился, ты все равно будешь далеко от намеченной цели. Наоборот, угрозы закона побуждали их искать убежища от гнева и проклятия Божия. Они не позволяли им успокоиться до тех пор, пока те не стали молить о Христовой благодати. На это же были направлены все обряды. Ибо зачем еще жертвоприношения и омовения, если не для того, чтобы постоянно упражнять людей в размышлениях о собственной порочности и собственном осуждении? Тот, кто воочию видит свою нечистоту, кому в жертве невинного животного преподносится образ собственной смерти, как сумеет потом спокойно спать? Неужели он не подвигнется желанием исцелиться?

Действительно, обряды могли не только устрашать и смирать совесть, но и пробуждать в людях веру в грядущего Искупителя. Все предстоящее людским очам в пышности и помпезности обрядов несло в себе некий отпечаток Христа. В конце концов, закон был не чем иным, как неким родом упражнения, коим его почитателей за руку вели ко Христу.

Дабы нам оправдаться верою. Апостол уже отказал закону в совершенстве, назвав его подобным детоводителю. Он усовершенствовал бы людей, если бы приносил им праведность. Что же еще остается вере, как не заступить на его место? Она и приходит на помощь, облекая нас, лишенных собственной праведности, в праведность Христову. Так исполняется написанное: алчущие насыщайтесь благ.

25) *По пришествии же веры.* Что именно означает приход веры, уже было сказано ранее. Под ним разумеется более ясное откровение благодати, как бы разодравшее завесу храма. А мы знаем, что это произошло при явлении Христа. Посему апостол отрицает, что во времена Христа еще продолжается отрочество, находящееся под властью детоводителя. Так что закон уже закончил свое служение, о чем также говорит сравнение апостола. Ведь Павел хочет доказать две вещи: закон являлся приготовлением ко Христу, и закон был дан лишь на время. Однако снова можно спросить: отменен ли закон таким образом, что нам уже нет до него никакого дела? Отвечаю: закон, поскольку он есть правило доброй жизни, узда, удерживающая нас в страхе Господнем и стрекало для исправления лености нашей плоти; поскольку он полезен для научения, исправления и обличения, дабы готовить верных ко всякому доброму делу, – сегодня действителен не меньше, чем был тогда, пребывая в этом отношении неизменным.

Итак, каким же образом он упразднен? Мы уже сказали, что Павел рассматривает закон в его особых качествах. Эти качества следующие: закон устанавливает награду и наказание за те или иные поступки, то есть обещает своим блюстителям жизнь, проклиная при этом всех нарушителей. Кроме того, закон требует от человека наивысшего совершенства и выказывания полного послушания. Он не прощает ничего, не отпускает никакой грех, но призывает на суд даже за малейшие проступки. Он не открывает Христа и Его благодать достаточно ясно, но являет ее лишь косвенно, сокрытую словно покрывалом тенью обрядов. Так вот, Павел учит, что упразднены именно эти качества закона. Они упразднены по окончании служения Моисея, отличавшегося по внешнему виду от завета благодати.

26) *Ибо все вы сыны Божии.* Апостол и другим способом доказывает утверждение, что закону не подобает удерживать верных в своем рабстве. Ведь все верные – чада Божии. Иначе сказанное им об оставлении младенческого возраста не было бы достаточным. Надо было непременно добавить, что по положению мы также являемся свободными. Ведь в рабах перемена возраста не производит никакой другой перемены. Свободу же нашу апостол доказывает, исходя из того, что мы сыны Божии. Каким же образом? **Через веру во Христа**, ибо всем верующим в Него дается право быть чадами Божиими. Одновременно он доказывает, что освобождаемся мы по вере, переходя через нее в состояние усыновления.

27) *Во Христа крестившиеся.* Чем более возвышенна мысль о том, что мы дети Божии, тем дальше она от нашего разумения, и тем труднее в ней убедить. Посему апостол вкратце говорит о том, какую связь или, скорее, единство имеем мы с Сыном Божиим. Дабы мы не сомневались: То, что Ему принадлежит, Он сообщает и нам. Говоря, что галаты **облеклись во Христа**, Павел пользуется образом внешнего одеяния, но разумеет под этим, что они так привиты ко Христу, что представляют в глазах Божиих самого Спасителя, нося Его имя и личные регалии. Так что они считаются пребывающими в Нем так же, как в самих себе. Метафора же сия, почерпнутая из сравнения с одеждой, весьма привычна для Писания, о чем было сказано в другом месте.

Впрочем, довод апостола кажется неубедительным: галаты облеклись во Христа, потому что в Него крестились. Ведь далеко не во всех крещеных крещение обладает какой-либо действительностью. Так что абсурдно привязывать благодать Святого Духа к внешнему символу. Итак, текущее учение Писания и сам опыт кажется опровергают аргумент апостола. Отвечаю: у Павла есть обыкновение говорить о таинствах двойственным образом. Имея дело с лицемерами, надмевающимися внешними знаками, апостол убеждает, сколь пуст и бесполезен внешний символ, яростно набрасываясь на их тщетное упование. Почему он так поступает? Потому что имеет в виду не установление Божие, а искажение его нечестивыми людьми. Обращаясь же к верным, законно пользующимся символами, апостол соединяет знаки с означаемой ими истиной. Почему? Потому что [Бог] не являет в таинствах обманчивую помпу, а одновременно с ними подает и саму вещь. Поэтому истина установления Божия оказывается соединенной с внешними символами.

Но кто-нибудь скажет: значит, человеческий порок может помешать таинству подать изображаемую им вещь? Ответ готов: нечестивые не могут нанести ущерб таинствам, сохраняющим за собой свою природу и силу, хотя эти люди и не ощущают никакого их воздействия. Ибо таинства предлагают благодать Божию и добрым и злым, не ложно обещая им милость Святого Духа.

Верные принимают предложенное, а нечестивые отвергают, и сами делают таинство бесполезным для себя. Но они не могут сделать Бога неверным, а Его таинство – ложным знаком. Поэтому Павел, обращаясь к верным, вполне уместно говорит, что в крещении они облеклись во Христа. Так же и в Послании к Римлянам (6:5) апостол говорит, что мы привились к смерти Христовой, дабы участвовать и в Его воскресении. Утверждая это, Павел не переносит на символ то, что принадлежит одному Богу. Однако при этом он сохраняет за таинствами их силу, дабы они не казались пустыми и холодными подобиями. Отсюда мы научаемся тому, сколь преступна неблагодарность тех, кто спасительные божественные установления не только делает бесполезными, но обращает к собственной гибели.

28) *Нет уже Иудея.* Смысл таков: здесь нет никакого лицепрития. Поэтому нет разницы, кто к какому народу или сословию принадлежит. И обрезание значит здесь не больше, чем пол и гражданское положение. Почему? Потому что Христос из многих сделал одно. Посему, каким бы ни были прочие различия, для соединения всех достаточно одного Христа. Поэтому апостол говорит: «все вы одно», означая, тем самым, что нет больше различия. Цель его речи – показать, что благодать, усыновление и надежда на спасение не зависят от закона, но находятся в одном лишь Христе. Итак, один Христос является всем. Слово же «Еллины» по обычаю обозначает здесь язычников, и вид ставится здесь вместо рода (*speciem pro genere*).

29) *Семя Авраамово.* Апостол добавляет это не потому, что сыном Авраама быть лучше, чем членом Христова тела, но говорит таким образом, дабы усмирить гордыню иудеев, хвалившихся своим преимуществом, словно они одни были народом Божиим. Ведь у иудеев не было ничего более выдающегося, чем принадлежность к роду Авраама. Поэтому апостол делает это качество общим для всех верующих во Христа. Довод его опирается на следующее: Христос есть то благословенное семя, в коем, как было сказано, соединяются все сыны Авраама. Это доказывается из того, что им всем предлагается общее наследие. Отсюда следует, что люди причисляются к сынам по обетованию. Заметь, что веру апостол всегда соединяет с обетованием.

Глава 4

1. Еще скажу: наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего: 2. он подчинен попечителям и домоправителям до срока, отцом назначенного. 3. Так и мы, доколе были в детстве, были порабощены вещественным началам мира; 4. но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, 5. чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление.

(1. Говорю же: наследник, доколе он отрок, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего: 2. он подчинен попечителям и домоправителям до срока, отцом назначенного. 3. Так и мы, доколе были детьми, были порабощены началам мира; 4. но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), произошедшего от жены, подчинившегося закону, 5. чтобы искупить тех, кто был под законом, дабы нам получить усыновление.)

1) *Еще скажу.* Кто бы ни разделил текст апостола по главам, он поступил дурно, оторвав данное предложение от предыдущего, хотя оно не что иное, как *επεξεργασία*, коей Павел иллюстрирует различие между нами и древним народом. Он делает это, приведя сравнение с сиротой и попечителем. Сирота, будучи свободным и даже господином в доме своего отца, однако же подобен рабу. Поелику находится под управлением попечителей. Причем его подчинение попечителям продолжается до установленного отцом времени. После этого он может пользоваться своей свободой. Подобным же образом, отцы, жившие во времена ветхого завета, будучи сынами, конечно же являлись свободными. Однако они не могли пользоваться этой свободой, поелику закон был для них как бы попечителем, державшим их под своей властью. Сие подчинение закону продолжалось столько, сколько считал нужным Бог, положивший ему конец с приходом Христа. То же, что Павел заканчивает попечительство только установленным Отцом временем, хотя юристы перечисляют множество случаев окончания попечительства, вызвано тем, что лишь такой случай соответствовал цели сравнения.

Теперь подробнее поговорим о деталях. Некоторые понимают сравнение по-другому. Они относят его к любому человеку, поскольку Павел говорил здесь об обоих народах. Признаю, что их мнение правильно, однако оно никак не относится к настоящему случаю. Избранные, говорят они, хотя и являются сынами Божиими от материнского чрева, однако, покуда не войдут верою в обладание наследством, пребывают под властью закона подобно рабам. Познав же Христа, они больше не нуждаются в подобного рода опеке. Соглашаясь со всем этим, я отрицаю, что Павел говорит здесь об отдельных людях. Я отрицаю, что здесь он проводит различие между

временем неверия и временем призвания к вере. Напротив, он рассуждает о следующем: если Церковь Божия всего одна, то почему у нас с иудеями такое разное положение? Если мы сыны по вере, то почему они, имея общую с нами веру, не были участниками общей с нами свободы? Если мы так же, как и они, являемся сынами Божиими, то почему мы свободны от того бремени, которое вынуждены были нести они? Об этих вопросах и шел тогда спор. А не о том, как закон властвует над каждым из нас, прежде чем мы верою освободимся от его рабства.

Итак, давайте прежде всего согласимся с тем, что Павел сравнивает здесь Церковь Израиля, бывшую во времена ветхого завета, с Церковью христианской. Отсюда он показывает, что было между нами общего, и чем мы друг от друга отличаемся. Данное сравнение содержит в себе обильное и весьма полезное учение. Во-первых, отсюда мы выводим, что у отцов ветхого завета была такая же надежда на наследие, которую имеем и мы. Поелику они были участниками того же самого усыновления. Павел не учит (как бредят некоторые фанатики, и среди прочих – Сервет), что Бог избрал их только для того, чтобы предызобразить в их лице некий будущий народ Божий. Напротив, Он избрал их, чтобы они, как и мы, были сынами Божиими. Павел конкретно говорит о том, что духовное благословение, обещанное Аврааму, относится к ним не меньше, чем к нам. Во-вторых, мы делаем вывод, что в условиях внешнего рабства их совесть, тем не менее, была свободна. Ибо обязанность соблюдать закон не мешала Моисею, Даниилу, всем благочестивым царям, священникам и пророкам, и всему сонму верных быть свободными по Духу. Посему они так несли на плечах ярмо закона, что одновременно поклонялись Богу в духе свободы. Будучи наученными незаслуженному отпущению грехов, они избавляли свою совесть от тирании греха и смерти. Откуда следует вывод: учение веры было всегда одним и тем же. Так что иудеи соединены с нами единством истинной веры, уповали вместе с нами на одного Посредника, призывали Бога, как Отца, и управлялись одним с нами Духом.

Из всего этого следует, что различие между нами и древними отцами состояло не в сущности, а в приводящих обстоятельствах. Ибо то главное, что было в завете, обще как для них, так и для нас. Обряды же и способ управления, в которых мы различаемся с ними – это нечто приводящее. Кроме того, следует отметить, что время ветхого завета было как младенчеством церкви. Теперь же с приходом Христа Церковь возмужала, достигнув как бы зрелого возраста. Ибо слова Павла совершенно ясны.

Но здесь возникает следующая трудность: кажется, что апостол противоречит самому себе. Ведь в Послании к Ефесянам 4:13 Павел увещевает нас к постоянному преуспеванию в вере, покуда мы не придем к зрелости и не достигнем некоторой полноты. И в Первом Послании к Коринфянам (3:1) апостол говорит о том, что давал им в качестве пищи духовное молоко, поелику к твердой пище они еще не были готовы. Также и в этом послании немного ниже он сравнивает галатов с младенцами. Отвечаю: там идет речь об отдельных людях и о личной вере каждого, а здесь апостол говорит вообще о двух видах тела Христова, не рассматривая состояние каждого в отдельности. Такой ответ способен разрешить еще одну, даже большую, трудность. Ибо мы знаем, какой несравненной верой обладал Авраам, каким светом познания отличались святые пророки. Как же мы решаемся превозноситься перед этими мужами? Не скорее ли они герои, а мы все еще дети? Или же, оставляя в стороне нас самих, кто среди галатов смог бы сравниться с кем-нибудь из древних отцов? Однако здесь, как я уже говорил, идет речь не об отдельных людях, но описывается общее состояние того и другого народа.

Действительно, тогда некоторые люди были наделены большими, чем мы, дарами, но они оставались малочисленными, не составляя всего тела. Но даже если их было много, надо смотреть не на то, каково было их внутреннее состояние, а на то, какое домостроительство применял Бог для управления этим народом. Очевидно, что тогда имело место детовождение, то есть юношеское воспитание. А что сегодня? Сегодня Бог, разорвав оковы, более милостиво управляет своей Церковью и не держит ее под столь суровым надзором. Хотя попутно следует отметить, что, каким бы великим разумением ни были наделены отцы, в подаваемом им откровении оставалось нечто туманное и сокрытое. Поэтому Христос говорит (Лк.19:23): Блаженны очи, видящие то, что вы видите. Многие цари и пророки желали это видеть, но не увидели, и т.д.

Теперь мы знаем, в чем заключается наше преимущество перед отцами, которые в остальных отношениях далеко нас превзошли. Преимущество это относится не к отдельным людям, а зависит от домостроительства Божия. Вот несокрушимый таран для ниспровержения всякой обрядовой помпы, коей одной отличаются паписты. Ибо что еще поражает зрение простецов, заставляя их дивиться владычеству папы или, по крайней мере, испытывать к нему некоторое уважение? Что еще, кроме величественного нагромождения обрядов, ритуалов, богослужебных жестов, и всякого рода форм поклонения, созданного лишь с целью отупления неопытных. Но из данного

отрывка явствует, что все это – блудодейская показуха, давно испортившая христианскую Церковь. Я уже не говорю о достойных проклятия пороках правителей Церкви. В этом и состоит придуманный ими божественный культ. Он, как они думают, способен заслужить спасение, так что соблюдение все этой чепухи требуется с большей суровостью, чем исполнение божественного закона.

Скажу только об одном оправдании, которым, словно изысканной краской, эти новые умельцы замалевывают свои гнусности. Они говорят, что сегодня во многих имеется больше грубости и невежества, чем некогда было в израильском народе. Поэтому люди сегодня нуждаются в еще больших средствах вспоможения. Однако они никогда не докажут из этого, что народ должен управляться сегодня тем же самым домостроительством, каким управлялись израильтяне. Ибо я всегда буду говорить им в ответ: Бог распорядился по-иному. Если же они скажут, что все это приносит пользу, я не соглашусь, что они знают о полезном лучше Самого Бога. Давайте скорее, уверимся в следующем: учрежденный Богом способ правления является не только самым правильным, но и самым полезным. Поэтому для необученных надо искать не те средства вспоможения, которые измыслила человеческая похоть, а те, которые установил Сам Бог, без сомнения не опустивший ничего способного помочь немощи Его людей. Одного этого положения достаточно для ответа на все возражения: Господь усмотрел иначе, а Его воля заменяет нам все прочие доводы. Разве только люди способны выдумать нечто лучшее, чем то, что установил Бог, отвергший подобные средства как бесполезные.

И обрати внимание на следующее: Павел учит здесь не только тому, что ярмо, возложенное на иудеев, теперь с нас снято, так что использование обрядов зависит теперь от нашей воли. Он также конкретно указывает на то различие в правлении, которое мы по воле Божией должны соблюдать. Признаю, что сегодня использование внешних символов зависит от нашего желания, но при этом Церковь ни в коем случае не должна отягощаться множеством обрядов. Если только не хотим мы смешать христианство с иудаизмом. О причине этого мы скажем в своем месте.

3) *Вещественным началам мира.* Началами апостол называет либо собственно внешние и телесные вещи, либо иносказательно говорит о том, что относилось к младенчеству. Я предпочитаю второй смысл. Но почему он упоминает о мире, когда начала эти имеют духовное значение? Апостол как бы говорит: у нас не было открытой истины, но была истина, сокрытая под земными знаками. Итак, он учит, что все внешнее исходит от мира, хотя и содержит в себе небесную тайну.

4) *Когда пришла полнота.* Апостол продолжает развивать свое сравнение. Теперь он упоминает о времени, установленном Отцом. Одновременно он показывает, что это время, установленное божественным провидением, было и подходящим, и уместным. Итак, то, что управляется провидением Божиим, является и своевременным, и правильно устроенным. Поэтому время, когда стало полезным открыть Сына миру, должен был определить и назначить только Бог. Этим обуздывается всякое любопытство, дабы кто не дерзнул, не довольствуясь тайным советом Божиим, затеять спор, почему Христос не явился раньше. Больше читатели смогут узнать, прочтя конец Послания к Римлянам.

Бог послал Сына Своего. Здесь Павел в немногих словах излагает весьма многое. Ибо посланный Сын должен был существовать раньше Своего послания. Откуда доказывается Его вечное божество. Итак, Христос есть Сын Божий, посланный нам с неба. Его же апостол называет рожденным от жены, поелику от нее Он принял нашу природу. Так Павел хочет сказать, что Христос состоит из двух природ. В других кодексах вместо «произошедшего» читается «рожденного», однако первое чтение более привычно и, по моему мнению, больше подходит. Ведь апостол хотел особо выделить Христа среди прочих людей, поскольку создан Он был только из материнской плоти, а не рожден по соитию мужа и жены. Иначе фраза стала бы выхоленной и неуместной. Слово же «жена» здесь означает женский пол вообще.

Подчинился закону. Дословно будет «стал подзаконным». Однако я предпочел бы сделать смысл еще понятнее. Христос, Сын Божий, будучи по праву свободным от всякой покорности, подчинился закону. Для чего? Он сделал это от нашего лица, дабы обрести для нас свободу. Подобно тому, как кто-то, будучи свободным, избавляет пленника, предлагая вместо него себя, и, возлагая на себя оковы, освобождает от них другого. Так и Христос восхотел стать обязанным исполнять закон, дабы обрести для нас свободу от закона. Иначе Он напрасно бы покорился этому ярму. Ибо, конечно, Он поступил так не ради Самого Себя. Далее, благоденствие Христово избавляет нас от закона, но не в том смысле, что мы уже никак не обязаны слушаться его поучений, и делать все, что нам вздумается. Ибо правило святой и благочестивой жизни неизменно. Но Па-

вел говорит здесь о законе со всеми его дополнениями. И от такого подчинения закону мы действительно избавлены, поелику теперь нет того, что было раньше. Ведь после разрыва завесы явилась свобода. И как раз об этом апостол говорит в следующем предложении.

5) *Дабы нам получить усыновление.* Отцы, жившие во времена ветхого завета, были уверены в своем усыновлении, но еще не могли в полной мере наслаждаться им. Посему, усыновление означает здесь обладание его плодами, как и слово «искупление» в 8-й главе Послания к Римлянам. Ибо как в последний день мы обретем плод нашего искупления, так и ныне получаем плод нашего усыновления, чего были лишены жившие до пришествия Христа святые отцы. Поэтому те, кто ныне отягощает Церковь чрезмерными обрядами, несправедливо лишают ее права пользоваться плодом усыновления.

6. *А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего «Авва, Отче!»* 7. *Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа.* 8. *Но тогда, не зная Бога, вы служили богам, которые в существе не боги.* 9. *Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя им? Наблюдаете дни, месяцы, времена и годы.* 11. *Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас.*

(6. *А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего «Авва, Отче!»* 7. *Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа.* 8. *Но тогда, не зная Бога, вы служили богам, которые по природе не боги.* 9. *Ныне же, познав Бога, или, скорее, будучи познанными Богом, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным началам и хотите снова полностью им поработиться? Наблюдаете дни, месяцы, времена и годы.* 11. *Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас.*)

б) *А как вы сыны.* Павел показывает, что упомянутое им усыновление, относится и к галатам. Делает он это, отталкиваясь от его последствий. Ибо усыновление Богом предшествует свидетельству Духа усыновления. Но следствие – это знак предшествующей причины. Дух Христов, говорит апостол, ободряет вас и делает так, что вы дерзаете называть Бога Отцом. Следовательно, вы несомненно являетесь сынами Божиими. Апостол хочет сказать то же, о чем учил ранее: Дух – это залог и знак нашего усыновления, полностью убеждающий нас в отеческом благоволении Бога. Но кто-нибудь возразит: нечестивые также необдуманно и дерзко претендуют на отцовство Бога. Более того, они даже с большей дерзостью хвалятся этим отцовством. Отвечаю: Павел не говорит здесь о пустой похвальбе, не говорит о том, что каждый приписывает себе по собственному желанию. Он ведет речь о свидетельстве благочестивой совести, непосредственно следующем за возрождением. Поэтому его довод может иметь силу только среди верующих. Ведь отверженные не ведают вкуса этой внутренней уверенности. Об этом свидетельствует и Сам Господь (Ин. 14:17), говоря о Духе истины, Которого не может принять мир, потому что Его не знает. Именно так и звучат слова Павла.

Послал Бог в сердца ваши. Апостол говорит не о том, что они сами воображают по глупому разумению плоти, но о том, о чем Бог засвидетельствовал изнутри через Свой Дух. И, называя Дух «Духом Сына» Божия, апостол лучше приравнивается к контексту, чем если бы использовал какой-нибудь другой эпитет. Ибо мы потому сыны, что наделены одним и тем же Духом с Единородным Сыном. Заметь, что Павел приписывает сие всем христианам вообще. Ибо воистину нет никакой веры там, где отсутствует залог божественной к нам любви. Отсюда ясно, сколько подлинного христианства имеется в папстве, где осуждают как нечестивое самомнение, если кто-нибудь назовет себя имеющим Духа Божия. Ибо паписты воображают веру без Духа Божия и без какой-либо уверенности. Одна эта догма может быть ярким свидетельством того, что сатана, отец лжи, правит во всех папистских школах. Признаю, что схоласты, повелевая совести мучиться постоянными сомнениями, учат только тому, что диктует нам природное чувство. Тем более следует нам утвердиться в этом Павловом догмате: никто не является христианином, если не называет Бога Отцом, научившись этому от Духа Святого.

Вопиющего. Думаю, что апостол воспользовался этим причастием для более яркого выражения нашего упования. Ибо сомнение не позволяет нам обращаться к Богу без трепета. Оно словно сжимает нам горло, и мы едва ворочаем языком, издавая тихие возгласы. Напротив, вопль является свидетельством полной уверенности и неколебимого упования. Ибо (как апостол говорит в Послании к Римлянам) мы приняли не духа рабства для страха, но духа свободы для полного упования.

Авва, Отче. Я не сомневаюсь, что апостол имеет в виду следующее: призывание Бога присуще всем языкам. Ибо настоящему ходу рассуждений вполне соответствует то, что и евреи, и языч-

ники вместе называют Бога Отцом. Как и было предсказано Исаией (45:23): Всякий язык исповедуется имени Моему. Итак, из того, что язычники числятся среди сынов Божиих, вытекает следующее: усыновление пришло к ним не по заслугам закона, а по благодати веры.

7) *Посему ты уже не раб.* То есть, в христианской Церкви больше нет рабства. Там царит свободное сыновство. В каком именно смысле были рабами жившие под законом отцы, уже сказано ранее. В таком, что их свобода не открылась еще полностью, будучи сокрытой тенью и образами закона. Итак, апостол еще раз говорит о разнице между новым и ветхим заветами. Древние также были через Христа сынами Божиими и наследниками. Однако мы являемся таковыми в более высоком смысле. Ведь Христос уже пришел, и мы наслаждаемся Его благами. В Послании к Римлянам апостол подробнее излагает эти вещи, поэтому я пропускаю то, о чем уже говорил там.

8) *Но тогда, не зная Бога.* Здесь апостол не столько учит, сколько обличает. Действительно, он уже достаточно доказал то, что хотел. Так что галаты не могли избежать упреков, сославшись на сомнительность дела. Далее, сравнивая их прошлое с настоящим, Павел хочет сделать падение галатов еще более неизвинительным. Я, говорит он, не удивляюсь тому, что некогда вы почитали богами тех, кто ими вовсе не являлся. Ведь тогда вы еще не знали Бога, тогда среди вас царил ужасная слепота. Поэтому вы и блуждали в потемках. Но разве не постыдно столь гнусно заблуждаться теперь при ясном свете? Отсюда следует, что, извращая Евангелие, галаты были менее извинительны, чем пребывая в идолопоклонстве. Таков итог. Среди прочего следует также отметить: прежде чем мы просвещаемся к истинному познанию Божию, мы непременно служим идолам, каким бы образом ни пытались приукрасить ложную религию. Посему необходимо, чтобы законному почитанию Бога предшествовало твердое Его познание. Под словом «природа» апостол понимает здесь саму вещь или ее сущность. Ибо все, что люди воображают о Боге, есть как бы слепок из глины, полное ничто. Итак, все идолы, будучи богами по мнению людей, на самом деле ничем не являются.

9) *Ныне же, познав Бога.* Нельзя достаточно выразить словами, сколь отвратительна наша неблагодарность, если мы, однажды познав Бога, пытаемся от Него отойти. Ибо что значит добровольно оставлять свет, жизнь, источник всех благ? Господь Сам жалуется об этом через пророка Иеремию (2:13). Но апостол еще больше отягощает вину галатов, делая поправку: **или, скорее, будучи познанными** Богом. Ибо чем большую благодать являет к нам Бог, тем тяжелее наша вина, если мы ей пренебрегаем. Итак, Павел напоминает галатам, откуда пришло к ним познание Бога. Он отрицает, что они достигли его собственными усилиями, остротой своего ума или предприимчивостью. Нет, они получили познание только потому, что Бог предварил их Своим милосердием, когда они меньше всего о Нем думали. Впрочем, что сказано здесь о галатах относится ко всем. Ибо во всех исполняется пророчество Исаии (65:1): Я найден был не искавшими Меня. Открылся тем, кто обо Мне не спрашивал. Посему, начало нашего призвания – это незаслуженное избрание Божие, коим Он предуготовил нас к жизни прежде нашего рождения. Отсюда проистекает призвание, отсюда – вера, отсюда – завершение спасения.

Для чего возвращаетесь опять. Галаты не могли снова вернуться к тем обрядам, которых никогда прежде не исполняли. Поэтому апостол говорит об этом в переносном смысле, и хочет показать лишь абсурдность того, что галаты, будто так и не познав истину Божию, снова возвращаются к превратным суевериям. Называя же обряды немощными началами, поступает так потому, что рассматривает их вне Христа, а значит вопреки Христу. Ибо для отцов эти обряды были не только спасительными упражнениями и вспомоществованием в благочестии, но и действительными орудиями благодати. Однако вся сила обрядов заключалась во Христе и их божественном установлении. А лжеапостолы, пренебрегши обетованиями, захотели противопоставить их Христу, словно одного Христа им было не достаточно. Итак, не удивительно, что Павел считает здесь обряды за никчемные и пустые вещи. О чем уже говорилось выше. Словом же «поработиться» апостол выражает необходимость соблюдения и исполнения.

10) *Наблюдаете дни.* Павел упоминает здесь об одном виде этих вещественных начал, а именно, о соблюдении дней. Следует отметить, что здесь никак не осуждается общественное наблюдение времен, связанных с порядком природы. Далее, порядок природы постоянен и неизменен. Откуда еще происходит исчисление месяцев и лет, если не от обращения луны и солнца? Что отличает зиму от лета, весну от осени, кроме божественного установления? И Бог обещал, что сей порядок сохранится до скончания века, Быт.9:13. Общественное наблюдение времен помогает и сельскому хозяйству, и политике, и экономике. Оно имеет место и в управлении Церковью. Какое же наблюдение осуждает здесь Павел? То, которое в религиозном смысле связывает совесть, как будто для почитания Бога необходимо отличать день ото дня. О чем говорится и в

Послании к Римлянам, гл.14. Итак, когда дням самим по себе приписывается некая святость, когда день отличают ото дня по религиозной причине, когда праздники считаются частью богопочитания, тогда и происходит это порочное наблюдение времен. Лжеапостолы настаивали на соблюдение суббот, новолуний и остальных праздничных дней, поелику это соблюдение предписывалось законом. Мы же, различая сегодня между днями, не налагаем на совесть петлю, не говорим, что один день якобы священнее другого, не видим в этом наблюдении способ поклонения Богу, но только лишь способствуем порядку и согласию. Так что у нас имеется свободное и лишенное всякого суеверия наблюдение дней.

11) *Боюсь, не напрасно ли я трудился.* Жесткие слова, которые должны были весьма огорчить галатов. Ибо на что еще было им надеяться, если труд Павла среди них оказался напрасным? Но некоторые удивляются: неужели Павел настолько был оскорблен соблюдением дней, что назвал его ниспровержением всего благовестия? Мы же, по порядку взвесив все обстоятельства, найдем, что у апостола была на то весьма веская причина. Ведь лжеапостолы пытались не только вернуть в Церковь иудейское рабство, но и внушали душам нечестивые суеверия. Плохо было уже то, что христиане принуждались к иудаизму, но еще хуже была зараза, противопоставлявшая благодати Христовой, как некую заслугу, соблюдение праздничных дней, и воображавшая, что Бога можно умиловать таким способом. В этом отношении поклонение Богу извратилось, благодать Христова принизилась, а свобода совести оказалась подавленной. Так будем ли мы удивляться тому, что Павел испугался, не станет ли напрасным его труд? Ибо что может быть важнее Евангелия?

Но если даже сегодня в папстве процветает подобное нечестие, то какой там может быть Христос, и какое Евангелие? В отношении соблюдения праздничных дней, соблюдения, связывающего совесть, паписты не менее требовательны, чем Моисей. Они не меньше лжеапостолов ограничивают богопочтение соблюдением праздников. Они также измышляют дьявольское понятие о заслугах. Итак, их случай абсолютно такой же, или даже хуже, поскольку лжеапостолы хотели соблюдать дни, установленные в законе Божиим, а эти повелевают считать священным то, что придумали по собственному разумению.

12. Прошу вас, братия, будьте, как я, потому что и я, как вы. Вы ничем не обидели меня: 13. знаете, что хотя я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, 14. но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались им, а приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса. 15. Как вы были блаженны! Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне. 16. Итак, неужели я сделался врагом вашим, говоря вам истину? 17. Ревнуют по вас нечисто, а хотят вас отлучить, чтобы вы ревновали по ним. 18. Хорошо ревновать в добром всегда, а не в моем только присутствии у вас. 19. Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос! 20. Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что я в недоумении о вас.

(12. Будьте, как я, потому что и я, как вы.. Братия, прошу вас. Вы ничем не обидели меня: 13. знаете, что хотя я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, 14. но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались им, а приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса. 15. Где же теперь ваше блаженство! Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы, исторгнув очи свои, отдали бы их мне. 16. Итак, неужели я сделался врагом вашим, говоря вам истину? 17. Ревнуют по вас нечисто, а хотят вас отлучить, чтобы вы ревновали по ним. 18. Хорошо ревновать в добром всегда, а не в моем только присутствии у вас. 19. Дети мои, которых я снова рождаю, доколе не изобразится в вас Христос! 20. Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что я в недоумении о вас.)

12) *Будьте, как я.* Ныне, обращаясь к ним ласковой, апостол смягчает свою прежнюю суровость. Хотя он и прежде обращался с ними мягче, чем они того заслуживали, но, желая принести пользу, и ради обретения их душ, он смягчает даже такой стиль речи. Это говорит о его пасторском благоразумии. Ведь он думает не о том, чего заслужили заблуждающиеся, но о том, что поможет им вернуться на истинный путь. Посему обличать надобно и во время и не во время, но всегда с мягкостью и терпением. Как и сам Павел заповедует в другом месте (2Тим.4:2). Поэтому апостол переходит здесь от упреков к упрашиванию. Прошу вас, говорит Павел, и называет их братьями, дабы те знали, что упреки его не были вызваны презрением к ним.

Но что означает фраза: *Будьте, как я?* Она относится к сфере чувств. Ибо апостол, приспособив себя к галатам, хочет, чтобы те делали то же самое по отношению к нему. Потому что и я, как вы. То есть, поелику я прошу только о том, чтобы иметь возможность принести вам пользу, вам также подобает стать сговорчивее по отношению ко мне, более обучаемыми и послушными.

И здесь опять же содержится поучение, адресованное пасторам: дабы они, сколько могут, приспособившись к народу и сообразовывая свою речь с восприятием тех, к кому обращаются. Так должны они поступать, если хотят сговорчивости от своих слушателей. Ибо всегда верна пословица: хочешь быть любимым, стань достойным любви.

Вы ничем не обидели меня. Апостол устраняет подозрение, способное вызвать отторжение к предыдущим его упрекам. Ибо если мы думаем о ком-то, что он бранится из-за собственной обиды или мстит за свою боль, мы совершенно отвращаемся от него душою, и все сказанное таким человеком будет понято превратно. Итак, Павел упреждает в этом отношении подозрение галатов: Что касается меня лично, говорит он, у меня нет повода на вас жаловаться. Поэтому я вспылал не из-за себя и не потому, что лично оскорблен вами. И если я чрезмерно суров, это вызвано нуждою, а не гневом или плохим отношением.

13) *Знаете, что, хотя я в немощи плоти.* Апостол напоминает галатам, сколь дружелюбно и почетно они приняли его в первый раз. И делает это по двум причинам. Во-первых, чтобы галаты поняли: он любит их, и посему они должны беспристрастно слушать его поучения. Во-вторых, чтобы они продолжали идти по начатому ими пути. Данное напоминание, во-первых, свидетельствует о благоволении, а во-вторых, играет роль увещевания: последующие действия должны отвечать предыдущим. Под немощью плоти апостол понимает все, что делает его невзрачным и презренным. Ибо плоть означает внешний вид, а немощь – внешнее смирение. Таков был первый приход Павла. Без напыщенности, без показухи, без внешней славы и мирского достоинства. Наоборот, он выглядел презренным и ничего не стоящим в людских глазах. Однако это не помешало галатам принять апостола с великим почетом. Данное обстоятельство говорит о многом. Ибо за что еще они приняли Павла и так почтили его, если не за силу Святого Духа? Но тогда почему они теперь начали презирать эту силу? Затем, галаты обличаются в непоследовательности, ведь с Павлом не произошло ничего такого, что могло бы принизить его в их глазах. Однако все это апостол оставляет галатам для собственного размышления. Сам же дает им для такого размышления лишь косвенный повод.

14) *Искушения моего.* То есть, хотя вы видели перед собой человека, презренного в глазах мира, вы не отвергли его. Искушением апостол называет открытый опыт: поелику все было на виду, и сам он ничуть не притворялся. Подобно тому, как обычно притворяются амбициозные люди, смущающиеся от своей невзрачности. Ибо похвала часто воздается недостойным прежде, чем будет открыто их достоинство. А после открытия оно их отвергает и изгоняет с утроенным отвращением. Но в случае в Павлом было не так. Он не пытался обмануть галатов, но явил себя таким, каков он есть.

Как Ангела Божия. Этим отрывком должен проверяться любой истинный служитель Христов. Ибо как Бог через служение ангелов раздает нам Свои благодатные дары, так же Сам Он и поставляет благочестивых учителей, преподающих нам превосходнейшее благо, учение о вечном спасении. Итак, служители вполне заслуженно сравниваются здесь с ангелами; служители, руками которых Бог вручает нам столь великое сокровище. Затем, они воистину вестники Божии, устами которых с нами говорит Сам Бог. Об этом сказано и у Малахии, 2:7. Но апостол поднимается еще выше, добавляя: **как Христа Иисуса.** Ибо Сам Господь заповедует обращаться со Своими служителями, как с Самим Собой. Кто слушает вас, слушает Меня. Кто презирает вас, презирает Меня. И не удивительно, ведь служители посылаются от Его имени. Посему они действуют от лица Того, место Кого по праву занимают. Такими вот возвышенными фразами восхваляется величие благовестия и превозносится его служение. И ежели в силу заповеди Христовой служители достойны таких почестей, презрение к ним, несомненно, происходит от наущения сатаны. Ведь их не могут презирать, куда будут уважать их слово. Впрочем, паписты напрасно из-за этого надмеваются. Ибо, будучи открытыми врагами Христа, они весьма забавно рядятся в шкуру служителей Христовых, за которых себя выдают. Итак, те, кто хочет пользоваться ангельскими почестями, пусть совершают ангельский труд. Кто хочет, чтобы их слушали как Христа, пусть добросовестно несут нам Его чистое слово.

15) *Как вы были блаженны!* Апостол намекает, как были блаженны люди, с таким благочестивым чувствованием принявшие орудие своего блаженства. И как ныне несчастны позволившие лишиться себя служения того, кому обязаны всем, что имеют от Христа. Апостол хочет уколоть их этими словами. Что? Неужели все было потеряно? Неужели то, что некогда вы познали Христа через мою проповедь, не принесло вам никакой пользы? Неужели я напрасно утверждал вас в вере? Неужели теперешнее отпадение уничтожит похвалу вашего послушания Богу? Итог таков: галаты, призрев принятое раньше чистое учение, отвергли усвоенное ими блаженство и навлекли на себя горькую погибель.

Свидетельствую о вас. Пасторов не достаточно просто уважать, их надо любить. Эти две вещи совершенно необходимы. Иначе вкушение их учения не будет приятным. Апостол свидетельствует, что галаты поступили правильно в обоих отношениях. Об уважении он сказал ранее, теперь же говорит о любви. Ибо вырвать свои очи, если другой в них нуждается, – есть признак редкой любви. Это даже больше, чем отдать свою жизнь.

16) *Итак, неужели я сделался врагом.* Теперь Павел начинает говорить о себе и отрицает, что повинен в изменении отношения к себе галатов. Хотя довольно часто истина порождает к себе ненависть, ненависть эта вызвана лишь злобой и извращенностью тех, кто не желает ее слушать. Итак, апостол отрицает свою вину в отпадении галатов, дабы косвенно упрекнуть их в неблагодарности. Однако здесь присутствует и дружеское увещание: не отвергать своего апостола необдуманно и без причины, того апостола, которого прежде, признав достойным любви, они столь единодушно возлюбили. Что может быть более постыдного, чем из-за ненависти к истине из друга превратиться во врага? Посему апостол говорит все это не столько ради упрека, сколько ради увещания, надеясь на вразумление слушателей.

17) *Ревнуют по вас.* Наконец он переходит к самим лжеапостолам, которых молчанием своим сделал более ненавистными, чем если бы назвал их поименно. Ведь о тех, упоминать о ком стыдно и мерзко, мы обычно говорим, не называя их по имени. Апостол убеждает галатов в порочном самомнении этих людей. Ведь можно было обмануться видимостью их ревности. Павел сравнивает их с юношами, ревнующими молодых девиц не чисто, не из-за честной любви, но чтобы воспользоваться ими для удовлетворения своей похоти. Пусть не смущает вас то, что они помогают вас и ходят вокруг вас. Они делают это не по правой ревности, но по превратной страсти к собственной славе. Эту страсть он противопоставляет святой ревности, о которой упоминает во 2Кор.11:2.

Отлучить вас. Этим добавлением апостол еще больше изобличает уловки лжеапостолов. Они, говорит он, не только уловляют вас в сети, но, будучи не в силах обмануть вас иначе, сеют между вами раздоры, дабы вы, оставшись в одиночестве, целиком им отдались. Они видят, что, куда среди нас царит благочестивое согласие, им нет никакого доступа. Данная уловка присуща всем служителям сатаны. Они пытаются оторвать стадо от пастыря, дабы с большей легкостью заманить его в свои силки и, устранив надсмотрщика, как бы присвоить себе оставленное другим. Если кто внимательно исследует их поведение, то обнаружит, что они всегда идут этим путем.

18) *Хорошо ревновать о добром.* Не вполне понятно, говорит ли здесь апостол о себе или о галатах. Ибо добросовестных служителей должна жечь священная ревность, чтобы те удерживали Церковь в чистом союзе с ее Женихом. Итак, если относить эти слова к Павлу, смысл таков: я сам признаюсь, что ревную по вас, но с иной целью и с иным чувством. Я делаю это и отсутствуя, и присутствуя среди вас. Поелику не ищу собственной выгоды. Но мне кажется более уместным относить эту фразу к галатам. Но и в этом случае смысл может быть двойственным. Первое толкование такое: они пытаются отлучить вас от меня, дабы вы, покинутые мной, перешли к ним. Вы же, возлюбив меня в моем присутствии, продолжайте и отсутствующего меня любить такой же любовью. Скорее всего, Павел воспользовался здесь двойным значением слова «ревновать» (*aemulari*). Ранее он разумел под ним самомнение, а теперь понимает стремление к добродетели другого. Ибо, осуждая превратное ревнование, апостол увещевает галатов упражняться в ревности иного рода. Причем, даже тогда, когда сам он отсутствует.

19) *Дети мои.* Здесь он прибегает к еще более мягкому обращению. Ибо сын означает больше, чем брат. Уменьшительную же форму апостол употребил не из-за презрения, а ради ласки. Хотя попутно он намекает на инфантильность галатов, которые к этому времени уже должны были повзрослеть. Фраза апостола как бы прервана, как обычно прерываются патетические обращения. Ибо сила чувств обрывает здесь поток слов, если эти чувства выражены уже достаточно полно. И душа, как бы вскипая, перехватывает горло говорящему.

Для которых я снова в муках. Это также сказано для выражения силы апостольской любви. Павел говорит, что ради галатов как бы подвергается мукам и страданиям роженицы. Одновременно он сообщает им о своем беспокойстве. Ибо женщина радуется, уже родив ребенка, во время же самого рождения испытывает жесточайшие страдания. Однажды галаты уже были и зачаты и рождены, теперь их предстояло заново родить после отпадения. Однако апостол смягчает горечь своих слов, добавляя «доколе не изобразится». Ведь он не отменяет прежнего рождения галатов, но говорит, что их заново следует вскармливать и образовывать в материнском чреве, как рожденных преждевременно и до срока.

Далее, одно и то же значат слова «Христос изобразится в нас», и «мы изобразимся во Христе». Ибо мы рождаемся, дабы стать в Нем новой тварью. А Он в свою очередь рождается в нас, чтобы мы жили Его жизнью. Итак, поскольку подлинный образ Христа был искажен суевериями, введенными через лжеапостолов, Павел и старается снова очистить его, дабы он заблистал без каких-либо изъянов. То же самое делают служители Евангелия, внушая радость и окормляя народ твердой пищей, чем и должны они заниматься в течение всей своей проповеди. Однако Павел сравнивает здесь себя с роженицей, поскольку галаты не родились еще полностью и окончательно.

Данное место замечательно говорит нам о действенности служения. Ведь рожать людей духовно принадлежит одному Богу; но поскольку Он пользуется, как орудиями, служителем и его проповедью, принадлежащее Ему приписывается им. Приписывается потому, что с действиями людей соединяет Он силу Своего Духа. Будем же всегда помнить об этой особенности: служитель по сравнению с Богом – ничто, и ничего не может, являясь бесполезным орудием. Но поскольку Дух Святой действительно через него трудится, слава и почет за достигнутый успех переносятся и на него. Но тогда не идет речь о том, чем он является сам по себе, и что может сделать без Бога. Тогда говорится о том, что делает через него Бог. Итак, если служители хотят что-то из себя представлять, пусть не пытаются сами себя образовывать. Здесь апостол, словно устав, обрывает фразу на половине.

20) *Хотел бы я теперь.* Довольно значимое признание. Отец настолько обеспокоен провинностью детей, что у него не остается более советов и поучений, и он не знает, что должен в этом случае предпринять. Он только желает получить возможность обратиться к ним напрямую, поскольку, присутствуя лично, мы лучше понимаем, что следует делать. Ибо в зависимости от того, как реагирует слушатель, выказывает ли понимание, или, наоборот, упорно сопротивляется, мы соответственно изменяем стиль своих поучений. Хотя апостол под «изменением голоса» имел в виду нечто большее, а именно: что он готов облечься в любую личину и даже изобрести новый язык, лишь была бы польза делу. Пасторам следует особо это подметить, дабы они не привязывались к себе и своим умственным способностям, но всегда приспособлялись к восприятию слушателей в зависимости от ситуации. Но до какой-то определенной черты, дабы не совратиться с пути и не стать угождать людям.

21. *Скажите мне вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона? 22. Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. 23. Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию. 24. В этом есть иносказание. Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, 25. ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; 26. а вышний Иерусалим свободен: он – мать всем нам.*

(21. *Скажите мне вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона? 22. Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. 23. Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию. 24. Сие есть иносказание. Ибо имеются два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, 25. ибо Агарь – Синай, гора в Аравии. Ей соответствует нынешний Иерусалим, потому что он с детьми своими в рабстве. 26. Вышний же Иерусалим свободен: он – мать всем нам.)*

21) *Скажите мне.* После всех увещаний, направленных на пробуждение в галатах соответствующих чувств, апостол украшает предыдущее учение великолепным примером. Доказательство его само по себе недостаточно правомочно. Но, учитывая все ранее приведенные доводы, это дополнительное подтверждение представляется вовсе не излишним. Быть под законом означает здесь покориться игу закона. Причем так, чтобы Бог обращался с тобою в соответствии с требованиями закона, а ты, со своей стороны, был вынужден соблюдать весь закон. Ибо в другом смысле можно сказать, что все верные находятся под законом. Однако здесь апостол говорит о законе со всеми его дополнениями, о чем уже было сказано.

22) *Ибо написано.* Никто не глуп настолько, чтобы предпочесть рабство, имея возможность выбрать свободу. Здесь же апостол учит, что все, находящиеся под законом, суть рабы. Посему несчастны те, кто даже сейчас хочет оставаться под законом, несмотря на то, что Бог желает их освободить. Образ всего этого апостол видит в двух сынах Авраама. Из которых один рожден от рабы и сохранил положение матери, а другой рожден свободным от свободной и получил наследство. Всю эту историю апостол приспособливает к цели своей речи и приводит ее в качестве

изящной иллюстрации. Во-первых, поскольку его противники ссылались на авторитет закона, апостол противопоставил им сам закон. Ибо вполне привычно означать пять книг Моисея словом закон. Затем, поскольку приведенная им история, по всей видимости, никак не относилась к делу, он переходит к аллегорическому ее толкованию.

Впрочем, написав, что это *αλληγοροῦμενα*, Павел дал повод Оригену и многим другим тут и там отклоняться от подлинного смысла Писания. Ибо они заключили, что буквальный смысл чересчур низок и груб, поэтому под шелухой буквы всегда сокрыта какая-то возвышенная тайна, которую нельзя извлечь, кроме как толкуя иносказательно. И подобное толкование довольно легко состряпать, поскольку здравому учению мир всегда предпочитал изощренные домыслы. Из-за этого произвол в толковании все нарастал, так что открытое издевательство над Писанием стало не только безнаказанным, но и достойным похвалы. Многие века мудрым считался только тот, кто смел и умел тонко извращать священное слово Божие. Это без сомнения – сатанинская ложь, направленная на разрушение авторитета Писания и устранение проистекающей от его чтения пользы. Бог же справедливо покарал людей за подобную профанацию, позволив ложным толкованиям затемнить для них подлинный смысл. Писание, говорят они, весьма плодovито, поэтому оно несет в себе множество различных смыслов. Я признаю, что Писание есть изобильный и неисчерпаемый источник всякой премудрости, но отрицаю, что плодovитость его состоит в различных смыслах, которые всякий выдумывает по своей прихоти. Итак, будем знать, что подлинным является самый близкий и простой смысл, и будем твердо его придерживаться. Вымышленные же толкования, уводящие от буквального смысла, не только будем презирать, но и усиленно отвергать как губительные искажения.

Но что тогда ответить нам на слова Павла? Безусловно, он не имеет в виду, что Моисей написал все это с целью создания аллегии, но говорит лишь о том, что данная история подходит к разбираемому им вопросу. Подходит, если мы обратим внимание на то, что здесь содержится иносказательный образ Церкви. И подобное иносказание не чуждо подлинному буквальному смыслу, поелику уподобление переносится здесь с семьи Авраама на Церковь. Поскольку же семья Авраама тогда и представляла собой истинную Церковь, не подлежит сомнению, что главные и достопамятные события, произошедшие с этой семьей, должны являться для нас образами. Поэтому, как в обрезании, в жертвоприношениях, во всем левитском священстве содержалась аллегория – подобно тому, как она сегодня содержится в наших таинствах, – так аллегория эта присутствовала и в самой семье Авраама. Однако это не означает отход от буквального смысла. Павел как бы говорит: в двух женах Авраама, в двух его сыновьях, и в двух произошедших от него народах нам дается, как на картине, изображение двух заветов. Посему Златоуст признается, что слово «аллегория» здесь не совсем уместно. И в этом он, безусловно, прав.

23) *Который от рабы*. Оба они родились от Авраама по плоти. Но с Исааком был особый случай: он получил обетование благодати. Итак, в Измаиле кроме природы не было ничего, в Исааке же присутствовало еще и избрание Божие. Это было предзнаменовано в самом его рождении, ибо родился он чудесным, а не обычным образом. Косвенно апостол понимает здесь призвание язычников и отвержение иудеев, поелику последние хвалятся природным родством, а первые верою, сверх человеческих сил, становятся духовным Авраамовым потомством.

24) *Это два завета*. Я предпочел перевести таким образом с целью сохранить подобие. Ибо Павел сравнивает два *διαθήκαι* с двумя матерями. Но неблагозвучно завет (*testamentum*) – слово среднего рода – называть матерью. Поэтому я предпочел слово *ratio*⁴. И стремился я не столько к изяществу, сколько к ясности смысла. Апостол проводит здесь следующее сравнение: как тогда в семье Авраама было две матери, так и сегодня в Церкви Божией. Ибо учение – это как бы мать, от которой нас рождает Бог. Но имеется два учения: законническое и евангельское. Законническое рождает для рабства и, следовательно, подобно Агари. Сарра же представляет собой вторую мать, рождающую для свободы. Хотя Павел поднимается выше, делая первой матерью Синай, а второй – Иерусалим. Поэтому, если кто захочет глубже разобрать отдельные моменты, для него я скажу так: закон производит семя, от которого рождаются сыны Синая, Евангелие же – семя, от которого рождаются сыны Иерусалима. Однако это не изменяет общего смысла. Достаточно будет, если мы поймем: два завета – это образы двух матерей, от которых рождаются неодинаковые дети. Ведь завет закона производит рабов, а завет благовестия – свободных.

Но все это на первый взгляд может показаться абсурдным. Ибо у Бога рождаются только свободные дети. Посему сравнение, кажется, не проходит. Отвечаю: слова Павла истинны в двух

4

Также означает «завет», но является существительным женского рода.

смыслах. Ибо закон некогда породил своих учеников – святых пророков и остальных ветхозаветных верующих – для рабства. Но не для того, чтобы они навеки остались рабами, а для того, чтобы Бог содержал их до времени под его детоводительством. Ибо их свобода была сокрыта под покровом обрядов и всего имевшегося тогда домостроительства. Извне же все казалось одним только рабством. Поэтому Павел о том же самом говорит в Послании к Римлянам (8:15): Вы не приняли снова духа рабства, чтобы жить в страхе. Так что эти святые отцы, как бы ни были свободны внутренне перед Богом, по внешнему виду ничем не отличались от рабов. И таким образом сохраняли положение своей матери. Евангельское же учение не только дает своим детям свободу в момент самого рождения, но и воспитывает их в духе свободы.

Но я признаю, что Павел, как явствует из контекста, не имел здесь в виду именно этих сынов. Ибо под сынами Синая он обозначает лицемеров, которые в конце концов истребятся из Церкви и лишатся наследства. Каково же то рождение для рабства, о котором здесь идет речь? Это порождение тех, кто злоупотребляет законом, воспринимая от него только относящееся к рабству. Не так поступали благочестивые отцы, жившие во времена ветхого завета. Ведь рабское рождение от закона не мешало им иметь духовной матерью Иерусалим. Однако те, кто придерживается голого закона, не признает его детоводителем, приводящим ко Христу, но скорее делает из него препятствие для прихода к Спасителю, – такие подлинно являются измаильтянами, рожденными в рабство.

Но кто-то может возразить: почему же апостол называет таких рожденными от Божия завета и причисляет их Церкви? Отвечаю: они – испорченное семя, семя блудницы, они не рождены от Бога в собственном смысле, но являются как бы незаконнорожденными. Они называют Бога Отцом, а сами от Него отрекаются. Причисляются же они к Церкви не потому, что суть истинные ее члены, но потому, что временно занимают место членов и обманывают других внешней личиной. Ибо Церковь апостол рассматривает здесь такой, какой она явлена миру. О чем вскоре будет сказано еще.

25) *Агарь означает гору Синай.* Я не буду тратить время на опровержение других толкований. Ибо очевидна глупость предположения Иеронима. Он думал, что гора Синай имела двойное имя. Не менее по-детски звучит и толкование Златоуста, философствующего о соответствии имен. Ведь Агарь называется Синаем потому, что является ее прообразом или знаком, подобно тому как Христос называется пасхой. О местоположении же этой горы апостол упоминает с пренебрежением. Она, по его словам, расположена в Аравии, то есть вне пределов святой земли, являющейся символом вечного наследия. Удивительно, как можно было ошибиться в толковании столь простого места.

И соответствует. Я перевел таким образом то, что древний переводчик переложил как «со-единена», а Эразм как «близка», и сделал это ради устранения неясности. Ибо несомненно, что речь здесь идет не о близости, и не о положении мест, а о подобии, о том образе, который рассматривает апостол. Вещи, расположенные таким образом, что взаимно отвечают одна другой, называются *συστοιχα*; а *συστοιχα* в отношении как деревьев, так и других предметов – это ряд, составленный по закону строгого соответствия. Итак, апостол говорит, что гора Синай *οὗτὸς τοῦτερον* нынешнему Иерусалиму в том же самом смысле, в каком Аристотель пишет, что риторика есть *αἰσθησιολογία* к диалектике. Это метафора, заимствованная у лириков, имевших обыкновение противопоставлять две вещи, из которых одна соответствовала другой. В итоге, *συστοιχεῖν* означает не что иное, как соответствовать.

Однако почему апостол сопоставляет Иерусалим именно с горой Синай? Хотя раньше я придерживался другого мнения, я все же вынужден согласиться со Златоустом и Иеронимом, которые относят это к земному Иерусалиму, ниспавшему тогда до рабского вероучения и поклонения. Поэтому апостол и говорит «нынешнему». Ибо он должен был быть образом небесного Иерусалима и выражать собой его подлинный характер. Однако в своем настоящем качестве Иерусалим, по словам апостола, соответствует горе Синай. Хотя они и далеки по местоположению, по характеру они весьма похожи, обладая между собой полным соответствием. Это тяжкий упрек, адресованный иудеям, которые, отпав от благодати, матерью имеют уже не Сарру, а прелюбодейный Иерусалим, сестру-близняшку Агари. Посему они рабы, рожденные от рабы, как бы ни хвалились своим сыновством от Авраама.

26) *А вышний.* Апостол называет небесным не то, что заключено на небесах, и не то, что следует искать вне мира. Ибо Церковь рассеяна по всему миру и странствует по этой земле. Итак, почему Иерусалим зовется здесь небесным? Потому что происходит от небесной благодати. Ибо дети Божии рождаются не от плоти и крови, но силою Святого Духа. Иерусалим является не-

бесным потому, что берет с неба свое начало, и верою живет в небесах, – той самой верою, которая есть мать всех верных. В нем находится нетленное семя жизни, которым он образует нас, лелеет в своем чреве и производит на свет. А рожденных детей он всегда кормит одной и той же пищей, всегда – одним и тем же молоком. Вот почему Церковь зовется матерью верных. Действительно, кто отказывается быть сыном Церкви, напрасно будет добиваться отцовства от Бога. Ибо Бог рождает Себе сыновей только через служение Церкви и воспитывает их в ней, доколе они не подрастут и не достигнут зрелого возраста. Так что привилегии Церкви славны и весьма почетны. Однако паписты нелепо и по-детски пытаются поставить это нам в вину. Ибо, имея прелюбодейную мать, рождающую сынов своих на смерть дьяволу, они абсурдно требуют, чтобы сыны Божии предали себя им на истребление? Насколько больше поводов для гордости было тогда у Иерусалимской синагоги, чем теперь имеется у синагоги Римской? Посмотрим же, как Павел лишает ее всяческих прикрас и приравнивает к Агари.

27. Ибо написано: возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и възгласи, не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа. 28. Мы, братия, дети обетования по Исааку. 29. Но, как тогда рожденный по плоти гнал рожденного по духу, так и ныне. 30. Что же говорит Писание? Изгони рабу и сына ее, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной. 31. Итак, братия, мы дети не рабы, но свободной.

(27. Ибо написано: возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и възгласи, не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа. 28. Мы, братия, дети обетования по Исааку. 29. Но, как тогда рожденный по плоти гнал рожденного по духу, так и ныне. 30. Что же говорит Писание? Изгони рабу и сына ее, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной. 31. Итак, братия, мы дети не рабы, но свободной.)

27) *Ибо написано.* Свидетельством Исаии апостол доказывает, что от Церкви рождаются законные сыны, сыны обетования. Место взято из 54:3, где пророк говорит о царстве Христовом и о призвании язычников. Неплодной и вдовствующей он обещает многочисленное потомство. Ибо в этом и состоит причина той радости и того веселья, к которому он призывает Церковь. Следует отметить цель, к которой здесь стремится апостол. Он хочет отобрать у иудеев небесный Иерусалим, о котором ведет речь пророк Исаия. Ибо он возвещает Иерусалиму, что в нем соберутся сыны отовсюду, из всех народов, причем не собственными своими усилиями, а по благословению Божию. Посему апостол тут же заключает, что мы, подобно Исааку, становимся сынами Божиими по обетованию, и принимаем эту честь не по какой-либо иной причине. Этот вывод для неопытных и несведущих в толковании Писания может показаться сомнительным. Потому что не знают они основного принципа, – принципа, которого следует самым твердым образом держаться: все обетования, основанные на личности Мессии, даются даром. Поскольку апостол считает это за данное, он и противопоставляет столь уверенно обетование закону.

29) *Но, как тогда рожденный по плоти.* Здесь апостол дает отпор ярости лжеапостолов, ополчившихся против благочестивых. Ведь последние всю свою надежду возлагали на Христа. Их приводела в смятение эта ярость, и поэтому они так же нуждались в утешении, как и лжеапостолы в суровом упреке. Итак, Павел увещевает их: вовсе не удивительно, что сегодня сыны закона делают то же, что с самого начала делал их отец Измаил, из-за гордости от своего первородства гнавший истинного наследника Исаака. С той же самой надменностью из-за внешних обрядов, обрезания и законнического устройства его потомки превозносятся ныне над законными сынами Божиими, причиняя им скорбь. Дух апостол вновь противопоставляет плоти, то есть призванию Божие – человеческой (как говорят) видимости. Посему последователям закона и дел он приписывает внешнюю личину, а самой вещью наделяет тех, кто опирается на одно лишь призвание Божие и полагается на Его благодать.

Гнал. О гонении в Писании нигде не упоминается. Моисей только говорит, что Измаил был רַחֵם – причастие, означающее, что он издевался над своим братом Исааком. Ибо мнение некоторых иудеев, толкующих это как простую насмешку, никак не согласуется с контекстом. Было бы чрезвычайно жестоко столь яростно мстить за безобидный смех. Итак, несомненно, что Измаил мучил отрока Исаака издевательствами. Но как далеко всему этому до открытого гонения! Однако апостол не напрасно впадает здесь в преувеличение. Ибо самое тягостное гонение для нас – видеть, как нечестивые насмеваются над нашим призванием. Ни пощечины, ни бичевание, ни гвозди, ни шипы не причинили Христу такого мучения, какое принесли богохульные слова: Он уповал на Бога, и какая от этого польза? Ведь ныне ему некому помочь! В этих словах больше яда, чем во всех гонениях. Ибо делать недействительной благодать божественного усынов-

ление много хуже, чем просто похищать у нас бrenную жизнь. И так, Измаил не преследовал своего брата с помощью меча. Он сделал нечто худшее: надменно превозносился над братом, попирая ногами обетования Божии. Именно в том, что нечестивые презирают и ненавидят благодать Божию в избранных, и кроется источник всех гонений. Яркое подтверждение этому мы видим в истории Каина и Авеля.

Апостол также учит нас бояться не столько внешних преследований, когда враги благочестия истребляют нас огнем и железом, угрожая темницей, мучениями и побоями, сколько того, что они своим богохульством пытаются сделать напрасным наше упование, опирающееся на обетования Божии. Они делают это, когда насмеваются над нашим спасением, с надменностью хуля святое Евангелие. Ибо значимы не столько их попытки тяжело ранить наши души, сколько стремление посмеяться над Богом и Его благодатью. И самое погубительное гонение происходит тогда, когда нападкам подвергается спасение душ. Ныне до нас, освободившихся от папской тирании, уже не доходят мечи нечестивых. Однако сколь глупы мы будем, если не оскорбимся преследованием духовным. Когда пытаются всеми силами уничтожить учение, из которого мы черпаем жизнь. Ведь, подвергая нашу веру богохульным нападкам, они расшатывают веру многих неискушенных и неопытных. Сегодня ярость эпикурейцев причиняет мне больше страданий, чем негодование папистов. Ведь эти люди не угрожают нам оружием и насилем. Но поскольку имя Божие для меня ценнее собственной жизни, когда я вижу, как по дьявольскому наущению угашается всякий страх и почтение к Богу, как мерзким поведением нечестивых уничтожается или оскверняется памятование о Христе, я страдаю больше, чем если бы какая-то страна полностью сгорела от одного большого пожара.

30) *Но что говорит Писание.* Немалым утешением является уже то, что апостол представил нам пример отца нашего Исаака. Однако еще большим становится утешение, когда апостол добавляет: лицемеры со всем своим превозношением достигают лишь того, что изгоняются прочь из духовной семьи Авраама. Наше же наследие не подвергается никаким угрозам, как бы разнужданно они не мучили нас в свое время. Пусть верные подкрепляют себя этим утешением, зная, что тирания измаильян не будет продолжаться вечно. Со стороны кажется, что они держат первенство: поэтому и презирают нас, как выкидышей, надмеваясь своим первородством. Однако впоследствии они будут объявлены агарянами, рожденными от рабы и недостойными наследия.

Этот прекрасный отрывок помещен для того, чтобы мы не смущались гордынею лицемеров и не завидовали их судьбе, поелику их почетное пребывание в Церкви продлится лишь временно. Скорее мы должны терпеливо ожидать предназначенной им гибели. Ибо многие из незаконнорожденных и чужих занимают ныне место в Церкви, однако у них нет постоянной и непоколебимой веры. Подобно сему, как чужеземец был изгнан со своими потомками Измаил, вначале царствовавший и надмевавшийся от своего первородства. Здесь некоторые чванливые люди смеются над простотою Павла, сравнившего с судом Божиим вызванный пустыми раздорами женский гнев. Но они не обращают внимания на то, что этому предшествовало установление Божие. Посему становится ясно: все эти события управлялись небесным провидением. Безусловно необычным было то, что Аврааму было приказано полностью слушаться свою жену. Откуда мы делаем вывод: Бог воспользовался служением Сарры для утверждения Своего обетования. И, наконец, изгнание Измаила было не чем иным, как исполнением и осуществлением пророчества: в Исааке, а не в Измаиле, наречется семя тебе. И так, несмотря на то, что здесь несомненно имело место женское мщение, это не мешает Богу в данном прообразе возвестить Церкви о Своем Суде.

31) *Итак, братия.* Теперь апостол ободряет галатов, и убеждает их сыновству от Агари предпочесть сыновство от Сарры. Более того, он напоминает, что они уже рождены для свободы по благодати Христовой, так что им подобает сохранять свое положение. Сегодня паписты смеются над тем, что мы зовем их измаильянами и агарянами, а сами себя объявляем законными сынами. Однако, ежели обстоятельно и прилежно все сопоставить, рассудить об этом сможет всякий, даже неученый человек.

Глава 5

1. И так стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства. 2. Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа. 3. Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон. 4. Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати, 5. а мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры. 6. Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью.

1. Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства. 2. Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа. 3. Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон. 4. Все вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати, 5. а мы духом, от веры, лелеем надежду на праведность. 6. Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью.)

1) *Итак стойте в свободе.* Сказав прежде, что сыны рождены от свободной, апостол увещевает их теперь, сколь сильно надобно ценить эту свободу, дабы галаты не презрели ее как нечто ничтожное. Конечно, свобода эта – бесценное сокровище, сражаясь за которое мы не должны жалеть собственной жизни. Ибо здесь идет речь не только о внешней видимости, но о самой сути дела. Сегодня многие, не принимая это во внимание, осуждают нас в склочности, видя, что мы столь подчеркнуто и с таким упорством даже во внешних вещах утверждаем свободу веры вопреки папской тирании. Под этим предлогом противники внушают неопытным ненависть к нашему делу, словно мы стремимся к одной только вседозволенности и к ниспровержению всякой дисциплины. Но разумные и опытные люди знают: этот отрывок занимает одно из главных мест в спасительном учении. Ибо здесь говорится не о поедании той или иной пищи, не о праздновании или непраздновании того или иного дня (как считают многие глупцы, а некоторые даже сознательно клеветают), но о том, что позволено тебе перед лицом Божиим, о том, что необходимо для спасения, и чего нельзя опускать. Поэтому рассуждение ведется здесь о состоянии совести, когда та приходит на судилище Божие.

Далее, под свободой Павел здесь понимает свободу от обрядов закона, соблюдение которых лжеапостолы требовали как чего-то необходимого. Однако пусть читатели помнят: подобная свобода является лишь частью той свободы, которую приобрел для нас Христос. Ведь какая была бы нам польза, если бы Христос освободил нас только от обрядов? Итак, мысль апостола проистекает из более возвышенного источника. Христос подпал под проклятие, чтобы искупить нас от проклятия закона. Ведь Он упразднил силу закона, державшего нас в состоянии вины и угрожавшего божественным судом. Кроме того, Он избавил нас от тирании греха, дьявола и смерти. Поэтому здесь один вид заключает в себе целый род, о чем мы еще скажем в толковании на Послание к Колоссянам. Далее, Христос, распявшись на кресте, приобрел для нас свободу, а плод и обладание сей свободой Он дает нам через Евангелие. Поэтому Павел хорошо поступил, увещевая галатов не подвергаться вновь игу рабства. То есть, не позволять вновь набрасывать петлю на свою совесть. Ибо ежели неправедные люди возлагают бремя на наши плечи, это еще можно стерпеть, но ежели они хотят поработить совесть, следует сопротивляться яростно, не жалея собственной жизни. Ибо, позволяя людям связывать совесть, мы лишим себя бесценного блага. Одновременно будет нанесен вред Христу, автору нашей свободы. Но что означает здесь слово «опять»? Ведь галаты никогда не жили под законом. Проще всего понять так: галаты в таком случае как бы утратили искупление Христово. Хотя закон был дан иудеям, а не язычникам, вне Христа ни для тех, ни для других не остается свободы, но одно только рабство.

2) *Вот, я, Павел.* Самое тяжкое, что мог им возвестить апостол, это то, что они исключены из благодати Христовой. Однако что он хочет сказать фразой: Христос не приносит пользы никому из обрезанных? Разве Аврааму Христос не принес пользы? Наоборот, ведь Авраам обрезался как раз для того, чтобы получить эту пользу. Если мы скажем, что так было только до пришествия Христа во плоти, то что ответить по поводу Тимофея? Следует отметить: Павел говорит здесь не только о внешнем обрезании или каких-нибудь обрядах, скорее он выступает против нечестивого учения лжеапостолов, вообразивших, что обрезание необходимо для почитания Бога, и одновременно уповавших на него как на достойное вознаграждения дело. Именно эти дьявольские измышления и делали ненужным Христа. Они не отрицали Христа и не хотели полностью Его устранить, но так распределяли роль между делами закона и Его благодатью, что отводили Ему лишь половину нашего спасения. Апостол возражает и говорит, что спасение нельзя разделять таким образом. И Христос поможет нам только в том случае, если мы примем Его целиком.

Разве не то же делают сегодня паписты? Только на место обрезания они ставят выдуманные ими самими безделушки. Все их учение, безусловно, стремится к тому, чтобы смешать благодать Христову с заслугами дел, что совершенно невозможно. Ибо всякий, кто хочет иметь половинчатого Христа, теряет Его целиком. Однако паписты кажутся себе весьма остроумными, утверждая, что приписывают делам лишь то, что опосредуется Христовой благодатью. Но ведь именно в этом и состояло заблуждение галатов. Они не думали, что отпадают от Христа или отрекаются от Его благодати. Но когда евангельское учение извратилось в этом главном пункте, весь

Христос оказался для них утерянным. Слова: «вот, я, Павел» несут в себе ударение. Ибо апостол называет себя по имени, дабы не показалось, что он сомневается в своем деле. Хотя его авторитет и поколебался среди галатов, его было вполне достаточно для опровержения всех противников.

3) *Еще свидетельствую.* Доказательство предыдущего положения, но с противоположной стороны. Тот, кто должен исполнить весь закон, никогда не избежит смерти, всегда оставаясь в ее власти. Ведь нельзя найти никого, кто удовлетворил бы всему закону. Значит обязательство перед законом означает неминуемое осуждение человека. В этом случае Христос никак ему не поможет. Итак, мы видим, сколь противны друг другу эти два утверждения: мы являемся причастниками Христовой благодати, и мы снова обязаны соблюдать весь закон. Однако отсюда как будто следует, что никто из отцов не спасся. Более того, отсюда следует, что Павел погубил Тимофея, повергнув его обрезанию. Горе нам, покуда мы не избавлены от закона. Но где обрезание, там и подчинение закону.

Следует отметить, что Павел говорит об обрезании в двух смыслах. Это легко заметить каждому даже посредственно знакомому с посланиями Павла. Ибо в Послании к Римлянам 4:11 Павел называет обрезание печатью праведности по вере. Таким образом, в знаке обрезания он видит Христа и обетование незаслуженного спасения. Ныне же он противопоставляет его Христу, вере, Евангелию и благодати, разумея под ним законническое соглашение, основанное на заслугах дел. Отсюда явствует то, что я уже сказал: Павел говорит об обрезании не всегда в одном и том же смысле. Здесь следует принять во внимание причину такой двусмысленности. Скажу так: Павел, рассматривая обрезание в его собственной природе, заслуженно делает его символом благодати, поелику именно таким оно и было установлено Богом.

Однако, ведя спор с лжеапостолами, злоупотреблявшими обрезанием для уничтожения Евангелия, Павел говорит не о том, для чего установил обрезание Господь, но нападает на извращенное понимание обрезания некоторыми людьми. Пример этого мы и видим в настоящем отрывке. Когда Аврааму было дано обетование о Христе, о незаслуженной праведности, о вечном спасении, для подтверждения всего этого была добавлена заповедь об обрезании. Итак, по установлению Божию обрезание было таинством, призванным помогать вере. Но пришли лжеапостолы, вообразившие, что обрезание несет с собой заслугу. Они восхваляли соблюдение закона и делали обрезание началом своей религиозной практики. И апостол критикует здесь не установление Божие, но именно это измышление лжеапостолов.

Кто-нибудь возразит: каким бы ни было злоупотребление нечестивых, оно никак не умаляет священные божественные установления. Отвечаю: обрезание было заповедано Богом лишь на определенное время. После пришествия Христова оно перестало быть божественно установленным таинством, поелику на его место заступило крещение. Итак, зачем же был обрезан Тимофей? Конечно же, не ради самого себя, но ради братьев, чьей немощи тогда была сделана уступка. И чтобы лучше стало ясно, насколько учение папистов совпадает с тем, которое критикует в этом месте Павел, отметим, что таинства, принятые искренно, являются делом Бога, а не людей. Ибо в крещении, в святой вечери, мы сами ничего не делаем, мы лишь приносим себя Богу для восприятия его благодати. Значит крещение в отношении нас является чисто пассивным делом. Ибо мы не приносим ничего, кроме веры, ищущей все в Иисусе Христе. Что же делают паписты? Они измышляют «совершенное дело», коим люди заслуживают благодать Божию. Что еще они делают, как не угашают истину божественного таинства? Мы продолжаем удерживать и крещение и вечерю Господню, поелику Христос восхотел, чтобы оба эти таинства употреблялись постоянно. Но все подобные нечестивые выдумки мы, как и подобает, решительно отвергаем.

4) *Остались без Христа.* Смысл таков: если вы ищете часть праведности в делах закона, Христос для вас – ничто, и вы отчуждены от Его благодати. Ведь галаты не настолько оглупели, чтобы думать, будто оправдываются они одним только соблюдением закона. Они лишь смешивали Христа с законом. Иначе напрасно бы Павел пугал их своими угрозами. Что вы делаете? Вы сделали Христа полностью бесполезным, вы в ничто ставите Его благодать. Итак, мы видим, что даже малую часть праведности нельзя искать в законе без того, чтобы одновременно не отречься от Христа и Его благодати.

5) *А мы духом ожидаем.* Здесь апостол предвзряет возможное возражение. Ведь кому-то могла прийти к голове мысль: выходит, что от обрезания нет никакой пользы. Апостол отвечает: во Христе оно действительно ничего не значит. Поэтому праведность кроется в вере и достигается духом без каких-либо обрядов. Лелеять надежду на спасение означает основывать упование на

той или иной вещи; иначе говоря, определить для себя, откуда следует ожидать праведности. Хотя возможно, что этими словами означает также и стойкость. Апостол как бы говорит: мы постоянно пребываем в уповании на праведность, которую обретаем верою. То, что по его словам праведность приходит к нам по вере, относится и к нам, и к ветхозаветным отцам. Ибо все они угодили Богу своей верою, как о том свидетельствует Писание. Однако их вера была завернута в покрывало обрядов. Поэтому апостол отличает нас от них, говоря о духе, и противопоставляя его внешним теням. Он хочет сказать, что теперь для достижения праведности достаточно простой веры, той, которая не украшается обрядовой помпой, а довольствуется духовным поклонением Богу.

6) *Ибо во Христе Иисусе.* Вот причина, почему на праведность уповают теперь в духе. Во Христе, то есть в царстве Христовом, или в Христианской Церкви упразднено обрезание со всем, что ему сопутствовало. Ибо под обрезанием апостол имел в виду все обряды вообще. Он говорит, что теперь для них уже нет места, но не соглашается с тем, что они всегда были бесполезными. Ведь по его словам, они были упразднены только после Христова пришествия. Таким образом, разрешается вопрос: почему апостол говорит здесь об обрезании столь пренебрежительно, как будто от него нет никакой пользы. Причина в том, что здесь он ведет речь об обрезании не как о таинстве, не исследует, что именно значило оно в то время, когда еще имело силу. Он лишь утверждает, что в царствии Христовом необрезание равно обрезанию, причем именно потому, что приход Христа положил конец законническим обрядам.

Но вера, действующая любовью. Обрядам апостол противопоставляет иной вид религиозной деятельности, а именно – служение любви. Делает он это, чтобы иудеи не думали о себе слишком высоко, словно имели какое-то преимущество. Ибо в конце послания апостол вместо любви упоминает о новой твари. Значит, он как бы говорит: Бог не желает, чтобы ныне мы занимались обрядами, достаточно, если мы будем упражняться в любви. Между тем Павел вовсе не исключает таинства, являющиеся помощниками веры, он лишь кратко формулирует то, что относится к духовному богопоклонению. В этом месте не было бы никакой трудности, если бы паписты злостно не исказили его для утверждения праведности по делам. Ибо, желая опровергнуть наше положение, что оправдываемся мы только верой, они прибегают к следующему приему: Если оправдывает лишь та вера, которая действует через любовь, значит, оправдывает не она одна. Отвечая: они сами не понимают то, о чем болтают, тем более не смыслят того, о чем говорим мы. Ибо мы не учим, что оправдывающая вера пребывает одна, наоборот, мы утверждаем, что она постоянно соединяется с добрыми делами. Однако мы говорим о том, что ее одной достаточно для оправдания. Паписты же, подобно мясникам, плачевно расчленяют веру, делая ее то неоформленной и лишенной любви, то оформленной. Мы же отрицаем, что истинную веру можно отрывать от Духа возрождения. Но когда идет речь о причине оправдания, мы исключаем все дела вообще.

Что касается настоящего места, то Павел вовсе не рассуждает о том, содействует ли любовь вере в деле оправдания, но хочет лишь сказать, в чем состоят истинные духовные упражнения верных. Чтобы не показалось, будто он делает христиан праздными и уподобляет их пням. Итак, ведя речь об оправдании, остерегайся даже упоминать о любви и добрых делах, но яростно настаивай на исключаящей частице «только». Здесь же Павел говорит не об оправдании, и не приписывает часть хвалы за него любви, ведь иначе отсюда следовало бы, что обрезание и обряды некогда имели силу оправдывать. Ибо как во Христе Иисусе апостол заповедует нам веру и любовь, так и до пришествия Христова требовались обряды. Однако даже сами паписты допускают, что они никак не служили обретению праведности. Значит, не следует так думать и о любви.

7. Вы шли хорошо: кто остановил вас, чтобы вы не покорялись истине? 8. Такое убеждение не от Призывающего вас. 9. Малая закваска заквашивает все тесто. 10. Я уверен о вас в Господе, что вы не будете мыслить иначе; а смущающий вас, кто бы он ни был, понесет на себе осуждение. 11. За что же гонят меня, братия, если я и теперь проповедую обрезание? Тогда соблазн креста прекратился бы. 12. О, если бы удалены были все возмущающие вас!

(7. Вы подвизались хорошо: кто остановил вас, чтобы вы не покорялись истине? 8. Такое убеждение не от Призвавшего вас. 9. Малая закваска заквашивает все тесто. 10. Я уверен о вас в Господе, что вы не будете мыслить иначе; а смущающий вас, кто бы он ни был, понесет осуждение. 11. Я же, братия, если и теперь проповедую обрезание, то за что еще терплю гонения? Устранился соблазн креста. 12. О, если бы удалены были все возмущающие вас!)

7) *Вы шли хорошо.* С упреком за нынешнее отпадение апостол умышленно соединил похвалу за прошлое подвизание, дабы галаты, устыдившись, тем быстрее вернулись на истинный путь. Удивительно, что он спрашивает, кто именно увел их с правильного пути, что делает, по видимому, для еще большего их устыжения⁵. Слово *πειθεσθαι* я снова предпочел перевести как «покоряться», а не как «верить», поелику галаты, приняв сначала Евангелие в чистоте, затем были уведены от должного послушания.

8) *Такое убеждение.* До сей поры апостол сражался с помощью аргументов. Теперь же, провозглашая, что убеждение сие пришло не от Бога, а откуда-то еще, он прямо упирает на свой авторитет. Ибо данное увещание не имело бы силы, если бы не было основано на авторитете говорящего. Однако Павел по праву мог столь уверенно обращаться к галатам, будучи для них глашатаем божественного призвания. Поэтому он говорит о Боге не прямо, а с помощью перифразы. Как бы так: Бог не воюет с Самим Собой. Он есть Тот, Кто призвал вас ко спасению через мою проповедь. Значит это новое учение пришло откуда-то еще. Поэтому, если хотите, чтобы призвание Божие оставалось действительным, остерегайтесь и не слушайте тех, кто внушает вам новые домыслы. Я признаю, что греческое причастие «Призывающий» стоит в настоящем времени, однако, поскольку оно употребляется здесь обобщенно, я предпочел перевести его, как «Призывавший», для устранения двусмысленности.

9) *Малая закваска.* Я отношу это к учению, а не к людям. Ибо апостол увещивает, сколь опасно исказить божественное учение, дабы галаты не сочли эту опасность слишком малозначащей. Ведь сатана, проникнув в Церковь, не отвергает учения открыто, но искажает его чистоту ложными и чуждыми мнениями. Многие же, не замечая тяжесть подобного зла, сопротивляются ему не столь упорно. Поэтому здесь апостол открыто заявляет: после повреждения божественной истины у нас ничего не остается. Он пользуется при этом сравнением с закваской, которая, будучи небольшой по размеру, сообщает свои свойства всей заквашенной массе. Итак, следует остерегаться примышлять что-либо к чистоте Евангелия.

10) *Я уверен о вас.* Павел снова обращает всю свою суровость на лжеапостолов, называя их причиной зла, и угрожая наказанием. О галатах же, по его словам, он питает лучшую надежду, думая, что они скоро и без помех возвратятся к истинному согласию. Ведь нас воодушевляет, когда мы слышим, что о нас надеются на лучшее. Мы считаем постыдным обмануть надежду тех, кто думает о нас по-дружески и с теплотою. Поелику же вернуть галатов к чистоте оставленного ими вероучения было делом Божиим, апостол говорит, что надеется на Господа. Этим он хочет сказать, что покаяние есть небесный дар, дабы галаты и сами испросили его у Бога.

Смущающий вас. Подтверждение предыдущего предложения, поелику апостол косвенно переносит большую часть вины на тех мошенников, которые обманули галатов. Ибо, возвещая им кару, он избавляет от нее самих галатов. И пусть это услышат все, кто дает Церкви повод для смуты, кто нарушает единство веры, уничтожает согласие; и ежели остался у них какой-то здравый смысл, пусть вострепещут от этих слов. Ибо Бог возвещает устами Павла, что не оставит безнаказанными зачинщиков подобных соблазнов. Фраза «кто бы ни был» несет в себе ударение. Ведь, поскольку лжеапостолы устрашали простой народ своей велеречивостью, Павлу, со своей стороны, надлежало премного вознести свое учение и заявить, что никто из дерзающих выступить против него, какие бы звания он ни носил, не избежит наказания.

11) *За что же гонят меня.* Доказательство от целевой причины. Я избежал бы, говорит апостол, ненависть человеков, опасности и гонения, если бы захотел смешивать Христа с внешними рядами. Настаивая же так упорно на противоположном, я делаю это не ради себя, и не ради собственной выгоды. Но следует ли из этого, что его учение истинно? Отвечаю: правое намерение и чистая совесть учителя немало способствуют укреплению веры в его слова. Потом, нет такого безумного человека, который добровольно навлек бы на себя зло. Наконец, Павел бросает подозрение на своих противников, намекая, что, проповедуя обрезание, они больше заботятся о собственном спокойствии, нежели о добросовестном служении Христу. Итог таков: осуждая поиск людского благоволения и похвалы, Павел отстраняется от всякого превозношения и всякой алчности. Он скорее подвергнет себя гонениям и ярости других, нежели хоть на волос уклонится от чистоты Евангелия.

Тогда соблазн креста. Павел охотно называет Евангелие крестом или проповедью о кресте, желая противопоставить его простоте человеческим представлениям о мудрости и праведности. Ибо и иудеи, и эллины призирали невзрачность Евангелия: одни – из-за ложной уверенности в

5

Стыда

собственной праведности, а другие – из-за глупого превозношения своей мудростью. Итак, говоря, что после проповеди обрезания уже нет никакого соблазна креста, Павел понимает, что иудеи больше не стали бы его тревожить, но утихомирились бы и признали его учительство, поелику их не оскорбило бы искаженное Евангелие, составленное из Христа и Моисея. Наоборот, подобная смесь весьма приемлема для них, поелику сохраняет за ними их достоинство.

12) *О, если бы удалены.* Апостол продолжает выражать свое негодование. Он уже молил о гибели мошенников, обманувших галатов. Кажется, говоря «удалены», он намекает на обрезание, на котором настаивали лжеучителя. К этому мнению склоняется Златоуст. Павел как бы говорит: из-за обрезания они разрывают Церковь на части. Я хотел бы, чтобы сами они были полностью оторваны от Церкви. Однако подобная молитва кажется не соответствующей кротости апостола. Ибо следует желать спасения всем людям, а не того, чтобы кто-нибудь из них погиб. Отвечаю: это верно, если мы думаем о самих людях. Ведь Бог заповедует нам желать спасения всех без исключения людей, подобно тому, как Христос пострадал за грехи всего мира. Однако мысль благочестивых иногда отвлекается от рассмотрения людей и начинает взирать на славу Божию и царство Христово. Ведь насколько возвышеннее слава Божия спасения людей, настолько же сильнее должна она побуждать нас любить ее и к ней стремиться. Поэтому верные, желая продвижения славы Божией, иногда забывают о мире и живущих в нем людях. Они больше возжелают гибели всего мира, нежели хоть какого-то умаления божественной славы.

Однако будем помнить: подобное их желание проистекает из того, что, отвлекшись от людей, созерцают они Божию славу. Поэтому апостола нельзя обвинить здесь в жестокости, словно он выступает против любви. Затем, если сравнить Церковь с одним или несколькими людьми, насколько она всех их перевесит? Жестоко то милосердие, которое одного человека предпочло бы всей Церкви. С одной стороны я вижу, как подвергается опасности стадо Господне, а с другой – вижу волка, нападающего на нее по наущению сатаны. Неужели забота о Церкви не должна занять все мое помышление, и я не восхочу купить ее спасение погибелью волка? В этом случае я не хочу на самом деле кого-то погубить, просто любовь к Церкви приводит меня в такой восторг, что ничего больше меня уже не заботит. Итак, тот, кто не пылает подобным рвением, не может быть пастырем Церкви. Слова, переведенные мною как «возмущающие», на греческом означают – сдвигать кого-то с присущего ему положения. Фразу эту апостол вставил ради усиления смысла, желая не только удалить лжеучителей, но и вообще отсечь и оторвать их от Церкви.

13. К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу. 14. Ибо весь закон в одном слове заключается: любви ближнего твоего, как самого себя. 15. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом. 16. Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти, 17. ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы. 18. Если же вы духом водитесь, то вы не под законом.

(13. К свободе призваны вы, братия, только бы не обратили вы свободу в повод для угождения плоти, но любовью служите друг другу. 14. Ибо весь закон в одном слове заключается: любви ближнего твоего, как самого себя. 15. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом. 16. Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти, 17. ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы. 18. Если же вы духом водитесь, то вы не под законом.)

13) *К свободе.* Теперь апостол учит галатов, как надобно пользоваться свободой. В Послании к Коринфянам мы узнали, что свобода – это одно, а ее использование – совсем другое. Ибо свобода находится в совести и взирает на Бога, а использование свободы относится ко внешним вещам и имеет дело не с Богом, а с людьми. Итак, прежде призвав галатов не терпеть какого-либо умаления их свободы, апостол повелевает им теперь быть умеренными в использовании этой свободы. Далее, он предписывает правило законного употребления свободы, дабы не обращать ее в повод для вседозволенности. Ибо свобода дается вовсе не плоти, которая, напротив, должна скорее оставаться под ярмом и в оковах, свобода – это духовное благо, воспринять которое могут лишь благочестивые души.

Но любовью. Апостол объясняет, как надобно обуздывать свободу, дабы она не перешла в повсеместное и похотливое злоупотребление. Свобода, по его словам, обуздывается тогда, когда управляется любовью. Будем же всегда помнить, что сейчас апостол обсуждает не то, каким

образом мы свободны перед Богом, но то, каким образом нам позволено пользоваться этой свободой перед людьми. Ибо правая совесть не допускает никакого внутреннего рабства, однако же практика внешнего рабства и воздержания не несет с собой никакой опасности. Итог таков: если мы служим друг другу любовью, то всегда имеем основу для назидания. Поэтому мы не устаем в этом деле, но пользуемся благодатью Божией ради Его славы и спасения ближних.

14) *Ибо весь закон.* Здесь кроется скрытое противопоставление между увещанием Павла и учением лжеапостолов. В то время как первые настаивали на одних обрядах, Павел попутно объявляет здесь, каковы истинные обязанности христиан. Итак, похвала любви направлена здесь на то, чтобы галаты уразумели: в ней кроется главный принцип христианского совершенства. Однако надо понять, почему все заповеди закона содержатся в повелении о любви. Ведь закон состоит из двух скрижалей, из коих первая учит почитанию Бога и долгу благочестия, а вторая – самой любви. Поэтому, абсурдным кажется делать из части целое. Одни объясняют это так, что даже в первой скрижали не заповедуется ничего, кроме любви к Богу от всего сердца. Однако Павел ясно говорит здесь о любви к ближнему. Итак, надобно поискать более надежное решение. Я признаю, что любовь к Богу выше любви к братьям, поэтому соблюдение первой скрижали больше значит для Бога, чем соблюдение второй. Однако благочестие – это нечто скрытое от человеческих чувств, как невидим для людей и Сам Бог. И хотя обряды были установлены ради свидетельствования об этой любви, они не являются ее надежными доказательствами. Ибо часто бывает так, что больше всего настойчивы и упорны в соблюдении обрядов как раз лицемеры.

Итак, Бог желает видеть свидетельство нашей к Нему любви в любви к братьям, которую Он нам и заповедует. Вот почему любовь зовется совершенством закона, и не только здесь, но и в Послании к Римлянам 13:8. Не потому, что она выше поклонения Богу, а потому что является его подтверждением. Я уже говорил о том, что Бог невидим. Однако Он представляет Себя нам в лице братьев, и в их лице требует от нас того, что положено лично Ему. Итак, любовь к людям рождается только из страха и любви к Богу. Поэтому не удивительно, если следствие обозначает также и причину, признаком которой является. Значит дурно поступает тот, кто любовь к Богу отделяет от любви к людям.

Люби ближнего. Ибо любящий каждому воздает должное, никому не причинит несправедливости и не принесет вреда, но всем будет благодетельствовать по мере своих сил. Ведь именно об этом и идет речь во второй скрижали. И этот же довод Павел приводит в Послании к Римлянам. Далее, под ближним здесь понимаются все смертные. Ибо всех нас объединяет общая природа, как учит об этом Исаия (58:7): *Плоть свою не презирай. Священными узами единства в особенности должен служить вложенный в нас образ Божий.* Посему здесь нет различия между другом и врагом. И не может порочность людей уничтожить природное право. Слова «как самого себя» означают следующее: подобно тому, как любой человек склонен любить себя по зову плоти, так и Бог заповедует нам любить своих ближних. Ибо извращают, а не истолковывают слова Господни те, кто (подобно всем сорбонцам) заключает отсюда, что любовь к себе по порядку предшествует любви к ближнему. Ведь, говорят они, любое правило выше того, что этим правилом управляется. Они – откровенные ослы, не имеющие даже искорки любви. Ведь ежели любовь к себе была бы для нас правилом, отсюда следовало бы, что она правильна, свята и одобряется Богом. Но мы никогда не будем любить ближних искренно и по заповеди Господней, покуда не исправим должным образом любовь к себе. Эти два чувства противоположны и воюют друг с другом. Ведь любовь к себе порождает презрение и пренебрежение другими, рождает жестокость, является источником алчности, хищений, обмана и всех прочих общественных болезней. Она толкает нас к нетерпению, возбуждает в нас желание мстить. Итак, Господь требует от нас обратиться к подлинной любви.

15) *Если же друг друга угрызают.* Из внешних обстоятельств, а также из слов самого Павла можно сделать вывод, что среди галатов, разногласящих в учении, процветали распри и споры. Апостол показывает, сколь губительно это зло для Церкви; показывает, указывая на следствие этого зла. Вполне вероятно, что Господь через лжеучение отомстил за самомнение, надменность и другие пороки галатов. Ведь Он имеет привычку так поступать и свидетельствует об этом у Моисея, Втор. 13:2. Под «угрызением» и «съеданием» апостол, на мой взгляд, имеет в виду враждебные наветы, злые замыслы, заговоры и прочие словесные пререкаательства, а также вред, причиняемый обманом и насилием. И каков же конец всего этого? Истребление, говорит апостол. Но любви свойственны взаимная забота и поддержка. О, если бы мы вспоминали об этом всякий раз, когда дьявол побуждает нас к распрям, о том, что из разногласия между членами

одного тела происходит только полная погибель и истребление всего тела! Сколь позорно и безумно, если мы, будучи членами одного и того же тела, стремимся к взаимной погибели!

16) *Я говорю: поступайте по духу.* Затем апостол говорит о врачевстве против этого зла. Ведь погибель Церкви – немалое зло. Итак, его следует упорно избегать всякий раз, когда возникает подобная угроза. Но как именно избегать? С помощью того, что плоть не будет в нас господствовать, и мы будем являть свидетельства своего водительства Святым Духом. Апостол намекает на то, что галаты, ведущие жизнь недостойную христиан, являются плотскими и лишены Духа Божия. Откуда еще происходят их распри, если не от того, что они водятся плотской похотью? Итак, апостол считает это знаком того, что они не ходят по Духу. Следует обратить внимание на слово «исполнять». Апостол хочет сказать, что сыны Божии, как бы ни были еще подвержены порокам, и как бы ни тяготились бременем плоти, не привержены полностью этим плотским порокам, но упорно им сопротивляются. Духовный человек вовсе не чужд плотских вожделений, больше того, – они довольно часто в нем возникают. Однако он не покоряется им и не дает царствовать, что и означает словом «исполнять». Смотри восьмую главу Послания к Римлянам.

17) *Плоть желает противного духу.* Павел предупреждает их о предстоящих трудностях, дабы они знали: духовная победа не обретается без борьбы. Трудность происходит от того, что наша природа противится духу. В толковании на Послание к Римлянам мы уже говорили, что словом «плоть» означает человеческая природа. Ибо мнение софистов, ограничивающих «плоть» низшими чувствованиями, опровергается многими местами из Писания. А приведенное апостолом противопоставление устраняет все сомнения. Ибо Дух означает здесь преображенную природу или благодать возрождения. Итак, что же еще означает плоть, кроме ветхого человека? Поелику вся человеческая природа враждебна и непокорна Духу Божию, следует прилагать усилия и серьезно бороться против плоти. Кроме того, нам должна быть дана сила повиноваться Духу. Поэтому начинать следует с отречения от самого себя. Здесь мы видим, как «хвалит» Бог нашу природу, говоря, что она не больше подходит праведности, чем огонь подходит воде. Какую же теперь каплю блага можно найти в свободной воле? Если только не назвать благом то, что противно божественному Духу. Это же апостол говорит в Послании к Римлянам, 8:7: плотские помышления суть вражда против Бога.

Что хотели бы. Это без сомнения относится к возрожденным. Ибо у плотских не происходит никакой борьбы с превратными вожделениями. В них нет никакого правого желания, воздыхающего по праведности Божией. Так что Павел обращается к верующим, где слово «хотеть» следует относить не к склонности природы, а к святым пожеланиям, которые Бог внушает нам по Своей благодати. Итак, Павел объявляет, что верные, как бы ни старались, не могут добиться того, чтобы в этой жизни служить Богу в совершенстве. Они желают и стремятся к этому, но не полностью обретают желаемое. Об этом подробнее говорится в Послании к Римлянам, 7:15.

18) *Если же вы духом водитесь.* Поелику верные хромают, ходя путем Господним, то, дабы не пали они духом, зная, что не могут удовлетворить закону, Павел и дает нужное им утешение. Он говорит, что они уже **не под законом**. О чем идет речь также в Послании к Римлянам, 6:14. Откуда следует: им не ставится в вину то, чего они еще лишены. Бог принимает их служение так, как если бы оно было совершенным и безупречным. Впрочем, здесь также продолжается рассуждение о свободе. Ибо Дух, Которого Павел прежде назвал Духом усыновления, освобождая людей, одновременно избавляет их от ярма закона. Апостол как бы говорит: Хотите раз и навсегда прекратить мучающие вас споры? Тогда ходите по духу. Ибо тогда вы будете избавлены от власти закона. Закон будет для вас лишь добрым наставляющим учением, и не будет больше держать в цепях вашу совесть. Далее, за снятием налагаемой законом вины следует свобода от соблюдения обрядов, служивших символами рабского положения.

19. Дела плоти известны; они суть: прелюбодействие, блуд, нечистота, непотребство, 20. идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, 21. ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют.

(19. Дела плоти известны; они суть: прелюбодействие, блуд, нечистота, непотребство, 20. идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, ревность, гнев, распри, бунты, ереси, 21. зависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Возвещаю вам, как и прежде возвещал, что поступающие так Царствия Божия не наследуют.)

19) *Дела плоти известны.* Поелику ранее апостол вкратце показал христианам, к чему они должны стремиться, чтобы покоряться Духу и противиться плоти, теперь он рисует нам картину

как плоти, так и духа. Если люди познали бы самих себя, они не нуждались бы в подобных объяснениях, поелику сами они не что иное, как плоть. Однако по причине врожденного лицемерия мы не замечаем свою порочность, покуда дерево это не проявится в своих плодах. Итак, апостол теперь учит нас, с какими пороками предстоит нам сражаться, чтобы не жить по плоти. Он не перечисляет все пороки, о чем и сам в конце говорит. Однако из перечисленного им легко можно вывести и все остальное. «Прелюбодеяние» и «блуд» апостол помещает на первом месте, затем упоминает «нечистоту», охватывающую собой все постыдное. Ибо тех, кто ведет себя распутно и вызывающе, греки называют *ασελγεια*. Эти четыре порока обозначаются одним именем – бесстыдство. К этому апостол присовокупляет «идолослужение», понимаемое здесь как грубое суеверие, видимое для людей.

Следующие затем семь видов греха сродни друг другу. К этим семи видам добавляются затем еще два. «Гнев» и «вражда» различаются главным образом в том, что гнев скоротечен, а вражда долговечна. «Ревность» и «зависть» являются причинами ненависти. Далее, между ревностью и завистью Аристотель во второй книге *Риторики* проводит следующее различие: ревнует тот, кто страдает от превосходства другого человека. И не потому, что ему неприятны его доблесть и величие, а потому, что сам желает быть выше. Завидует же не тот, кто сам желает превозвестись, а тот, кто разжигается от чужого превосходства. Поэтому Аристотель учит, что зависть принадлежит низким и отверженным людям, а возвышенным и героическим он приписывает ревность. Павел же и то, и другое объявляет болезнью плоти. Из гнева и ненависти рождаются распри, войны, восстания.

Наконец, апостол доходит до человекоубийства и волшебства. Под «бесчинствами» Павел означает беспорядочную жизнь, а также неумеренность в обжорстве. Следует отметить, что ереси апостол помещает среди других дел плоти. Отсюда мы заключаем, что слово «плоть» понимается здесь широко, а не только, как думают софисты, в качестве телесной чувственности. Ибо что еще рождает ересь, кроме самомнения, относящегося прежде всего к уму, а не к грубой чувственности? Апостол называет такие дела явными, дабы кто, скрывая их, не подумал, что в чем-то преуспевает. Ибо чем поможет отрицание господства в нас плоти, если это дерево будет продолжать приносить плоды?

21) *Предваряю вас.* Этим суровым предупреждением апостол хочет не только утратить галатов, но и косвенно обуздать лжеапостолов, отложивших в сторону полезное учение и споривших об обрядах. Одновременно он учит нас своим примером быть настойчивыми в увещаниях и угрозах подобного рода, согласно отрывку из Исаии (58:1): возопи, не умолкай, возвести народу моему преступления его. Когда все, живущие по плоти, исключаются из Царствия Божия, что можно сказать более страшного? Кто посмеет считать легкими те пороки, которыми гнушается Сам Бог? Однако, кажется, что таким образом апостол лишает спасения всех людей. Ибо найдется ли человек, не страдающий в той или иной степени от этих пороков? Отвечаю: Павел угрожает исключением из Царствия Божия не всем грешникам, а лишь тем, кто остается таковым и не кается. Ведь и святые иногда тяжело согрешают, однако же они возвращаются на правильный путь. Итак, они не входят в этот перечень, поелику не потакают самим себе. Наконец, все угрозы божественного суда призывают нас к покаянию, для которого у Бога всегда найдется прощение. Однако эти же угрозы будут свидетельствовать против нас, если мы продолжим упорствовать. Вместо слова «наследовать» у Павла стоит *κληρονομεειν*, означающее обретать что-то по праву наследства. Ибо получаем мы вечную жизнь не иначе, как по праву своего усыновления, о чем будет сказано в другом месте.

22. *Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, 23. кротость, воздержание. На таковых нет закона. 24. Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. 25. Если мы живем духом, то по духу и поступать должны. 26. Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать.*

(22. *Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, дружелюбие, милосердие, вера, 23. кротость, воздержание. На таковых нет закона. 24. Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. 25. Если мы живем духом, то по духу и будем ходить. 26. Не будем жаждать пустой славы, друг друга раздражать, друг другу завидовать.*)

22) *Плод же.* Прежде осудив всю человеческую природу, поскольку та производит на свет лишь порочные и негодные плоды, апостол учит теперь, что все добродетели, честные и благонравные чувствования, происходят от духа. То есть, они происходят по благодати Божией и в силу обновления, получаемого от Христа. Итак, Павел как бы говорит: от человека не рождается ничего, кроме зла, и нет такого добра, которое не породилось бы Святым Духом. Хотя и в невоз-

рожденных людях часто наблюдаются выдающиеся примеры терпения, щедрости, кротости и веры, не подлежит сомнению, что все они – лишь обманчивая личина. В Курии была доблесть, в Фабриции и Катоне – терпение, в Сципионе – великодушие, в Фабии – терпимость, но только в людском мнении, при светской оценке их поступков. Перед Богом же нет ничего чистого, кроме того, что происходит из источника всякой чистоты.

«Радость» я понимаю здесь не в том смысле, в каком о ней говорится в Послании к Римлянам, 14:17, но как радушие по отношению к ближним, противопоставляемое ворчливости. Так и вера означает здесь истинность слов, которой противоположны хитрость, лукавство и обман. Мир я противопоставляю ссорам и распрям. Терпение же – это кротость души, из-за которой мы надемся на все лучшее и не становимся раздражительными. Все остальное ясно и так. Ибо апостол описывает плоды, из которых видно, какое у кого расположение души. Итак, какое же суждение – скажет кто-нибудь – можно вынести о нечестивых и идолопоклонниках, блистающих иногда видимостью добродетели? Отвечаю: подобно тому, как не все дела плоти в плотском человеке являются видимыми, но выдают себя то в том, то в другом пороке, так и не следует считать человека духовным лишь в силу какой-то одной его добродетели. Ибо порой из наличия других пороков становится видно, что в нем господствует плоть. Что можно усмотреть и в отношении тех, о ком я уже говорил.

23) *На таковых.* Некоторые понимают это так, что против добрых дел закона не установлено. Поелику благие законы рождаются от злых нравов. Однако Павел говорит сие в более возвышенном и глубоком смысле. Там, где царит Дух, закон больше не имеет власти. Ибо Господь, сообразуя наши сердца с собственной праведностью, избавляет нас от суровости закона, дабы тот не выдвигал нам свои требования и не удерживал нашу совесть в сознании вины. Закон и сейчас не перестает играть свою роль в увещании и научении, но Дух усыновления избавляет нас от подчинения закону. Таким образом, Павел изобличает лжеапостолов, настаивавших на подчинении закону и не стремившихся к избавлению от его ярма. Но это и происходит, по словам Павла, когда Дух Божий обретает власть над душою. Откуда следует, что их нисколько не заботила духовная праведность.

24) *Но те, которые Христовы.* Эту фразу апостол добавляет, чтобы показать: избавление относится ко всем христианам, поелику все они отреклись от плоти. Одновременно он учит галатов, каковой должна быть жизнь истинного христианина, дабы те не лживо исповедовали себя христианами. Словом «распяли» апостол хочет сказать, что умерщвление плоти есть следствие креста Христова. Ибо это дело не человека – по благодати Божией прививаемся мы ко смерти Христовой, дабы больше не жить для самих себя. Рим.6:5. Итак, мы тогда пользуемся правами сынов Божиих, когда погребены со Христом в отречении от самих себя и умерщвлении ветхого человека. И не потому, что плоть наша уже умерла, но потому, что она перестала царствовать и должна уступать Духу. **Плоть и похоть** означают здесь корень и происходящий из него плод. Ибо плоть есть порочность извращенной природы, откуда рождается всякое зло. Отсюда явствует, сколь сильно повредит членам тела Христова, ежели они до сих пор будут оставаться под законом. Ведь все возроденные Духом Христовым от него освобождены.

25) *Если мы живем духом.* По своему обыкновению Павел выводит это увещание из предшествующего учения. Смерть плоти есть жизнь духа. Если Дух Божий живет в нас, Он и руководит нашими поступками. Ибо всегда было много тех, кто бесстыдно претендовал на то, что живет по Духу. Однако Павел призывает их от слов перейти к делу. Подобно тому, как душа не остается в теле праздною, но приводит в движение отдельные члены, так и Дух Божий не может пребывать в нас, не выказывая Себя через внешние действия. Итак, под жизнью понимается здесь внутренняя сила, а под хождением – внешние поступки. Ибо Павел делает здесь дела свидетельством духовной жизни. Метафора же, содержащаяся в слове «ходить», весьма для него привычна.

26) *Не будем тщеславиться.* Особое увещание, не только необходимое для галатов, но и весьма подходящее для нашего времени. Матерью многих зол – как в человеческом обществе, так и в Церкви – является самомнение. Поэтому апостол учит нас его остерегаться. Ибо *кеυδοξια* для Павла значит то же, что и *φιλοτιμια*, то есть желание славы, когда всякий хочет выделяться среди других. Хотя светские философы осуждали не всякое желание славы, среди христиан любой, алчущий почестей, отходит от истинной славы и заслуженно осуждается в пустом и порочном самомнении. Нам не подобает хвалиться ничем, кроме Бога. Вне Бога только одна суета. Из самомнения детей проистекают обиды и взаимная зависть. Ибо тот, кто надеется на высшее положение, с необходимостью будет завидовать другим. Отсюда распри, оскорбления и взаимные уколы.

1. Братия! если впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такого в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным. 2. Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов. 3. Ибо кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает сам себя. 4. Каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом, 5. ибо каждый понесет свое бремя.

(1. Братия! Если даже человек застигнут будет каким согрешением, вы, духовные, исправляйте такого в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным. 2. Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов. 3. Ибо кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает сам себя. 4. Каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом, 5. ибо каждый понесет свое бремя.)

1) Если и впадет. Подобно тому, как самомнение представляет собой первейшую язву, так и часто вредит несвоевременная и чрезмерная жесткость, прикрывающаяся видом праведного рвения, но часто рождающаяся из надменного презрения и небрежения к братьям. Ибо многие, получив от прегрешений братьев повод для нападков, начинают их жестоко и высокомерно терзать. И все потому, что больше заботятся о попреках, нежели об исправлении. Конечно же, согрешающие должны обличаться, и часто это следует делать с суровостью и остротой. Итак, обличениям надлежит предаваться во всякое время, однако же желчь необходимо умягчать елеем. Следовательно, апостол учит здесь тому, что в деле исправления прегрешений братьев надобно проявлять мягкость. Так что благочестивыми и христианскими можно считать лишь те обличения, которые сопряжены с кротостью. И чтобы скорее это внушить, апостол показывает, какова цель благочестивых обличений. Она состоит в обращении падшего, то есть в полном его восстановлении. А этого никогда нельзя достичь насилием и попреками, жестким взглядом или словами. Значит, нам остается проявлять дух смирения и кротости, если то полезно для исцеления брата. И дабы кто не являл смирение лишь внешним образом, апостол требует присутствия духа. Этим он хочет сказать, что лишь те пригодны для обличения братьев, кто обладает духом кротости.

Для похвалы подобного духа в обличении братьев, апостол использует и другой аргумент, говоря: «если будет застигнут». Ибо бесчеловечно жестоко преследовать тех, кто пал по неразумию или вследствие обмана. Мы знаем, что дьявол всегда готовит на нас засады и обманывает нас тысячами способов. Итак, видя, как кто-то из братьев пал, будем считать, что он попал в силки сатаны. Будем испытывать к нему сочувствие и проявлять склонность к прощению. Впрочем, апостол несомненно отличает здесь прегрешения и падения от вопиющих преступлений, соединенных с осознанным и упорным презрением к Богу. Таковое злостное и злодейское восстание против Бога следует наказывать жестче. Ибо какая здесь будет польза от кротости? Вставленное апостолом слово «даже» означает, что прощать надо не только искушаемых, согрешивших по немощи, но и тех, кто этому искушению охотно поддался.

Вы, духовные. Апостол говорит это не в ироническом смысле, а имеет в виду то, что как бы ни были духовны эти люди, они все же не полностью напоены этим духом. В обязанность таковых и входит исправление падших. Ибо с какой еще целью они предполагаются другим, если не ради спасения братьев? Несомненно, что чем большей кто обладает благодатью, тем больше несет он обязательств перед немощными в отношении их назидания. Однако, поскольку мы настолько порочны, что ошибаемся в исполнении даже лучшего долга, апостол предостерегает нас не примешивать к этому что-либо плотское.

Наблюдая каждый за собою. Павел весьма обдуманно заменил здесь множественное число единственным. Ибо увещевание бывает действеннее, когда каждому в отдельности повелевают вникнуть в самого себя. Кем бы ни был ты, наблюдающий за другими, говорит апостол, наблюдай и за самим собой. Ибо нет ничего труднее, чем заставить нас самих признать собственную немощь. Будучи более, чем прозорливы в подмечании чужих пороков, мы, когда речь идет о наших собственных, не видим даже сумки за плечами. Посему для придания своим словам большей остроты, апостол пользуется здесь единственным числом. И смысл может быть двояким. Ибо, признавая, что мы также подвержены грехам, мы охотнее будем оказывать другим то снисхождение, которое желаем и для себя самих. Поэтому некоторые понимают слова Павла так: не будь неумолимым и жестоким к другим людям, ведь и сам ты грешник, нуждающийся в милосердии братьев. Однако мне не меньше нравится и второе толкование: Павел заповедует нам остерегаться того, чтобы, обличая других, согрешить самим. Есть опасность, которую следует избегать изо всех сил, но избежать весьма трудно. Ибо нет ничего проще, чем перейти

должную меру. Хотя ничего не мешает здесь отнести слово «искушение» к рассматриваемому случаю или даже ко всей жизни. Итак, как только заходит речь о пороках, будем всегда начинать с самих себя, чтобы, памятуя о собственной немощи, быть сдержанными по отношению к другим.

2) *Носите бремена друг друга.* Сии слова весьма уместны для похвалы человеколюбия, поскольку апостол немощи и пороки, коими мы страдаем, называет здесь бременами. Природа повелевает нам облегчать участь людей, несущих бремя. Апостол же приказывает носить бремена не для того, чтобы потакать обременяющему братьев злу, а скорее для того, чтобы снять с них это зло. И сие происходит через дружеские и кроткие увещания. Ибо много было прелюбодеев, охотно прибегавших к заступничеству Христа, много воров, охотно делавших из Него ходатая, много других преступников всякого рода, охотно соглашавшихся на Его покровительство, и все они хотели, чтобы верные возложили на плечи их бремена. Но поскольку апостол соединяет терпимость с исправлением и обращением, всякий увидит, какую именно терпимость требует он здесь от христиан.

Исполните закон Христов. Апостол говорит о «законе» Христовом с целью придать своим доводам силу. Ибо здесь подразумевается противопоставление между законом Христа и законом Моисея. Павел как бы говорит: Если вам угодно соблюдать закон, то, вот, Христос предписывает вам закон, заслуживающий предпочтения перед всеми другими. Закон в том, чтобы мы относились друг к другу человечно. Ибо кто этого лишен, тот лишен и всего остального. Напротив, апостол говорит, что закон Христов исполняется там, где человек оказывает ближнему милосердие. Этим он хочет сказать: все чуждое любви – излишне в исполнении закона. Ибо употребляемое им греческое слово означает полное исполнение. Поскольку же никто не выказывает полностью того, что требует Павел, мы все оказываемся далекими от совершенства. Ведь то, что незначительно по отношению к людям, весьма важно в глазах Божиих.

3) *Ибо кто почитает.* Сочетание слов здесь несколько двусмысленно, но мысль Павла вполне ясна. Ибо фраза «будучи ничто» на первый взгляд означает следующее: ежели кто, в иных отношениях будучи ничем (каковы многие люди, надмевающиеся своей самоуверенностью), приписывает себе нечто. Однако утверждение Павла является более общим, поэтому его следует перевести так: поелику все смертные суть ничто, тот, кто хочет чем-нибудь казаться и убедить себя в том, что чем-то является, обманывает самого себя. Итак, во-первых, Павел объявляет нам, что мы – ничто, подразумеваемая под этим, что у нас нет ничего своего, чем мы могли бы хвалиться, но что, напротив, мы лишены всякого добра. Во-вторых, он выводит отсюда, что обманывают себя люди, приписывающие себе нечто. Но весьма глупо, если мы, считая недостойным обманываться другими, вводим в заблуждение сами себя. Далее, это размышление делает нас много справедливее по отношению к другим. Ибо откуда происходит жестокость попреков, откуда надменная суровость? Оттого что всякий, превознося себя над другими, начинает этих других презирать. Пусть исчезнет превозношение, и все мы будем кроткими друг к другу.

4) *Каждый да испытывает свое дело.* Павел наносит последний, решительный удар по людской гордыне. Но поскольку часто, сравнивая себя с другими, мы заключаем о собственной ценности исходя из их ничемности, апостол отрицает уместность подобного сравнения. Никто, говорит он, не должен мерить себя чужой меркой, никто не должен нравиться себе потому, что другие ему не нравятся. Но, перестав смотреть на других, каждый должен исследовать собственную совесть, и посмотреть, какие дела творит он сам. Похвала бывает истинной не тогда, когда мы присваиваем ее, сравнивая себя с другими, а тогда, когда она полагается нам без всякого сравнения. Некоторые думают, что здесь содержится ирония. Словно Павел говорит: ты льстишь себе из-за пороков других. Но если ты согласишься, каков ты сам, тогда будешь иметь положенную тебе славу, то есть – не будешь иметь никакой. Поскольку нет никого, кто заслужил бы хоть каплю славы.

Следующее за этим «каждый понесет свое бремя», они понимают, как «должен понести». Однако здесь имеется более подходящий смысл, без всякого иносказания. Ибо слова звучат так: ты будешь иметь славу по отношению к самому себе, а не по сравнению с другими. Я понимаю, почему многие здесь видят иронию. Ведь в предыдущем предложении апостол обратил в ничто всю людскую славу. Однако здесь Павел ведет речь о похвале доброй совести, которую Господь дарует своим людям, и которую сам Павел в другом месте превозносит. Похвала эта состоит не в чем ином, как в признании благодати Божией, никак не превозносящей самого человека, но побуждающей его прославлять Бога. Таковую похвалу открывают в себе благочестивые, воздавая ее не своим заслугам, а благодати Божией. Вот похвала наша, говорит апостол в другом месте (2Кор. 1:12): свидетельство совести нашей о том, что мы вели себя достойно. И Христос глаголет

(Мф.6:7): Войди в почивальню твою, и благотвори перед Отцом твоим втайне. И Отец твой, который втайне, воздаст тебе явно⁶.

5) *Ибо каждый понесет свое бремя.* Дабы избавить нас от лености и тщеславия, апостол предлагает подумать о божественном суде: там каждый даст отчет за свою жизнь без какого-либо сравнения с другими людьми. Ведь именно это и вводит нас в заблуждение: одноглазый среди слепых кажется себе вполне зрячим, а смуглый среди черных считает себя за белого. Павел говорит, что подобным рассуждениям не будет места на судилище Божиим. Ведь там каждый будет нести свое бремя, и никто не отпустит грехи другого. В этом и состоит подлинная мысль Павла.

6. Наставляемый словом, делись всяким добром с наставляющим. 7. Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: 8. сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную. 9. Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если только не ослабеем. 10. Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере.

(6. Наставляемый словом, делись всяким добром с наставляющим. 7. Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: 8. сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную. 9. Делая добро, да не унываем, ибо, если не ослабеем, пожнем в свое время. 10. Итак, доколе есть время, будем благодворить всем, а наипаче своим по вере.)

6) *Делись.* Похоже, что уже тогда пренебрегали учителями и служителями слова. Но это – позорнейшая неблагодарность. Сколь недостойно отказывать в телесном пропитании тем, кто питает наши души; не устаивать земного воздаяния тех, от кого мы получили небесные блага! Но мир уже давно вел и сегодня ведет себя таким образом: щедро одаривает служителей сатаны, а благочестивых пасторов едва совсем не лишает средств к существованию. Хотя нам не подобает быть привередливыми или держаться за свои права, Павел счел необходимым призвать галатов к исполнению их долга. Это он сделал тем охотнее, что вел речь не о своем личном деле, а об общей пользе Церкви, отложив в сторону собственную выгоду. Если слово находится в чести, служители непременно должны получать искреннюю и щедрую помощь. Ведь хитрость сатаны состоит как раз в том, чтобы, лишив пропитания благочестивых служителей, лишить этих служителей саму Церковь. Павел же, заботясь о сохранности служения, ратует за попечение о добрых и верных пастырях. «Слово» разумеи здесь как *εξοχη* как учение благочестия. Апостол увещевает кормить тех, кто назидает нас словом. Итак, по какому праву в папстве кормят множество праздных утроб и ненасытных животных, у которых нет ничего общего с учением Христовым?

Всяким добром. Апостол не хочет безмерно умножать роскошь, но заботится о том, чтобы имелась всякое необходимое для жизни вспомоществование. Ибо служители иногда должны довольствоваться и растительной пищей. Кроме того, всегда следует избегать опасности чрезмерного изобилия и роскоши. Итак, насколько того требует необходимость, пусть верные делятся всем своим с благочестивыми и святыми учителями. Ибо какую плату воздадут они за бесценное сокровище вечной жизни, обретаемое через их проповедь?

7) *Бог поругаем не бывает.* Апостол добавляет это для устранения оправданий, к которым обычно прибегают люди. Один говорит, что ему надо кормить семью. Другой говорит, что у него нет того, чем он мог бы поделиться. Так что лишь немногие исполняют свой долг, а это явно не восполняет нерадение других. Павел же объявляет, что подобные уловки пусты, поскольку торг здесь ведется с Самим Богом – мысль, редко приходящая на ум миру. Ибо речь идет не только о пропитании людей, но и о том, насколько мы ценим Христа и Его Евангелие. Здесь мы видим свидетельство того, что не сегодня родился обычай презирать верных пастырей. Но это небрежение не проходит безнаказанно для нечестивых.

Что посеет. От щедрости нас удерживает мысль о том, что все перешедшее в чужие руки, по нашему мнению, пропадает для нас навечно. Кроме того, мы всегда боимся в этой жизни за самих себя. Напротив, Павел сравнивает эту жизнь с сеянием, и говорит, что мы, благодворя, сеем некое семя. О чем также сказано во втором Послании к Коринфянам, где апостол пользуется тем

⁶ На полях Кальвин добавляет: Хотя в собственном смысле он ничего не утверждает, но учит, что, если кто оценивает себя по собственному достоинству, а не по никчемности других, такая похвала будет законной и твердой. Посему его утверждение условно. Павел как бы говорит: годными считаются лишь те, кто является таковым сам по себе.

же сравнением. О, если бы мысль эта твердо укоренилась в наших умах! Сколь охотно уделяли бы тогда мы ближним и самих себя, и свое имущество, надеясь пожать от этого обильный урожай. Подобно тому, как земледельцы ничего не делают с такой радостью, как засеивают поле. Однако в то время, как они спокойно ждут девять месяцев тленного урожая, мы ослабеваем в ожидании блаженного бессмертия.

8) *Сеющий в плоть*. После общего утверждения идет толкование каждой его части. Сеять в плоть означает заботиться о нуждах настоящей жизни, без какого-либо попечения о жизни вечной. Те, кто так поступает, собирают плод достойный своего сева. Они пожнут то, что дурно посеяли. Другие толкуют фразу «сеять в плоть» как потакание похотям плоти, а под «тлением» понимают погибель. Однако первое толкование больше подходит к контексту. И я вполне обдуманно перевел здесь иначе, чем это делали древние переводчики, а также Эразм. По-гречески слова Павла звучат так: сеять в плоть. Что же это еще, как не такая приверженность плоти, что все старания направляются к ее пользе и выгоде?

А сеющий в дух. Дух я понимаю здесь как духовную жизнь, в которую сеют те, кто больше думает о небе, чем о земле. Они таким образом устраивают земную жизнь, что одновременно стремятся и к царству Божию. Итак, такие пожинают на небе нетленный плод своих духовных усилий. Далее, старания называются духовными в отношении своей цели, даже если внешне они кажутся относящимися к телу. К таковому принадлежит и то усердие, о котором ныне идет речь: содержание пастырей. Ежели паписты по своему обыкновению захотят увидеть здесь праведность по делам, то мы уже сказали в другом месте, как легко опровергаются их измышления. Ибо отсюда не следует, что вечная жизнь есть плата, или что мы оправдываемся делами, или что дела наши заслуживают спасение. Ведь по благодати происходит даже то, что Бог удостоивает наши дела внимания и обещает за них незаслуженную награду. Ежели кто захочет получить более полное объяснение, то для него скажу так: я отрицаю, что у нас имеются какие-либо вознаграждаемые Богом добрые дела, кроме тех, которые мы получаем по Его же благодати.

Во-вторых, я утверждаю, что добрые дела, совершаемые нами под водительством Святого Духа, являются плодом благодатного усыновления. В-третьих, я утверждаю, что сами по себе они не только недостойны даже малейшей награды, но, наоборот, достойны осуждения, поелику всегда запятнаны и осквернены многими пороками. Что же полагается скверне в глазах Божиих? В-четвертых, я говорю, что, даже если бы делам тысяча раз была обещана награда, она полагалась бы только за исполнение всего закона. Но как далеко находимся мы все от подобного совершенства? Пусть паписты попытаются взойти на небо по заслугам своих дел. Мы же охотно исповедуем вместе с Павлом и всем Писанием, что наградой называется здесь то, что нельзя получить иначе, как по божественному дару, и что именно такая награда воздается нашим делам.

9) *Делая добро, да не унываем*. Добро означает здесь не праведность, а благотворительность, и относится к людям. Итак, апостол призывает нас не унывать, помогая ближним, благотворя и выказывая им щедрость. Чрезвычайно нужное повеление. Ведь, поскольку по природе мы весьма ленивы в исполнении обязанностей любви, отовсюду возникают помехи, приводящие благорасположенных в уныние. Мы встречаем множество недостойных, множество неблагодарных, многочисленные нужды обрушиваются на нас непосильным бременем. Тут и там, благотворя другим, мы опустошаемся сами. Холодность других гасит нашу пылкость. Наконец, весь мир полон препятствий, отклоняющих нас от правильного курса. Итак, Павел поступает хорошо, подкрепляя нас и не давая обессилеть в пути.

Если не ослабнем. То есть, мы непременно пожнем обещанный Богом плод, ежели устоим до конца. Ибо те, кто не устоит, уподобятся ленивым земледельцам, которые, вспахав и засеяв поле, оставляют дело неоконченным, хотя надо было позаботиться, чтобы семя не склевали птицы, не иссушило солнце и не убил мороз. Таким образом, мы напрасно начнем благотворить, если не будем это делать до конца. Апостол говорит «пожнем в свое время», дабы кто не лишился духовной жатвы, восхотев уже в этой жизни получить плод. Посему, пусть верные в надежде и терпении обуздывают и сдерживают свои пожелания.

10) *Доколе есть время*. Апостол продолжает развивать сравнение. Ведь, поскольку не всякое время пригодно для сева и возделывания, умелые и работающие земледельцы должны использовать любой подходящий случай и не позволять себе по лености его упускать. И поелику Бог назначил для пахоты и сеяния все время настоящей жизни, воспользуемся благоприятным временем. Не упустим свой шанс, оказавшись нерадивыми. Впрочем Павел, начав с щедрости по отношению к служителям, теперь распространяет свое учение шире. Он повелевает благотворить всем, но особенно своим по вере. То есть верным, поелику те принадлежат к той же, что и

мы, семье. Апостол использовал эту метафору, чтобы указать нам на общение в имуществе, с необходимостью имеющее место среди членов одной семьи, и тем самым еще больше нас вдохновить. Итак, общая всем нам человеческая природа всех нас делает должниками друг перед другом, но узы между верными еще теснее из-за духовного союза, освященного Господом.

11. Видите, как много написал я вам своею рукою. 12. Желаящие хвалиться по плоти принуждают вас обрезываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов, 13. ибо и сами обрезывающиеся не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в вашей плоти.

(11. Видите, как много написал я вам своею рукою. 12. Желаящие нравиться видимым образом, по плоти, принуждают вас обрезываться только для того, чтобы не быть им гонимыми за крест Христов, 13. ибо и сами имеющие обрезание не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в вашей плоти.)

11) *Видите.* Греческое слово имеет двусмысленную форму, подходящую как повелительному, так и изъявительному наклонению. Однако это никак не относится к смыслу сказанного. Павел, желая еще больше внушить галатам свое беспокойство, упоминает о том, что написал столь длинное послание собственной рукою. Одновременно он делает их более внимательными в чтении. Ибо чем больше он затратил ради них усилий, тем большее усердие должны они проявить в ответ. И читать не бегло, а с прилежным вниманием.

12) *Желаящие хвалиться по плоти.* Во-первых, желать нравиться по плоти означает мнительно претендовать на благоволение людей, причем не ради их назидания. Апостол использует здесь составное слово, означающее быть приятным из-за лстивого выражения лица и угодливой речи. Он обвиняет лжеапостолов в самомнении и как бы говорит: Хотите знать, каковы те, кто внушает вам необходимость обрезания? К чему они стремятся, продавая вам свой товар? Вы заблуждаетесь, если думаете, что их подвигает на это благочестивое рвение. Напротив, такой платой они хотят обрести благоволение людей. Будучи иудеями, они хотят вызвать таким образом благоволение к своему народу или, по крайней мере, избежать неприязни. Так обычно поступают мнительные люди, рабски лстя тем, благоволением кого надеются себя возвысить. Они проникают в чужие души, где желают царствовать сами, изгнав оттуда всех лучших. Апостол раскрывает перед галатами сущность этого превратного замысла, дабы те остереглись ему поддаваться.

Только для того, чтобы не быть гонимыми. Крестом Христовым апостол снова называет чистую проповедь Евангелия. Однако он также намекает на безумие тех, кто хочет учить о Христе, умалчивая при этом о кресте. Именно по этой причине иудеи столь яростно преследовали Павла. Они не могли вынести отступления от своих обрядов. Итак, лжеапостолы, дабы избежать этих гонений, лстили иудеям. Если бы они сами соблюдали закон, это было бы еще терпимо, однако они возмущали всю Церковь, лишая ее должного спокойствия. Они, не колеблясь, возлагали тираническое бремя на человеческую совесть, дабы самим избавиться от телесных неудобств. Итак, опасаясь нести свой крест, они искажали истинную проповедь о кресте.

13) *Ибо и сами обрезывающиеся.* Древний переводчик и Эразм переложили иначе: «те, кто обрезывается». Но поскольку я думаю, что Павел говорит здесь только об учителях, а не обо всех вообще, я предпочел ради устранения двусмысленности перевести по-другому. Смысл таков: обременяя вас обрядами, они поступают так не из ревности к закону. Ибо они сами, имея обрезание, не соблюдают закон. Закон они используют как предлог для вашего обрезания, но, будучи обрезанными сами, не делают того, что требуют от других. Впрочем, непонятно, имеет ли Павел в виду весь закон или одни обряды, когда отрицает, что сами лжеучители соблюдают закон. Некоторые толкуют его слова так: даже они не исполняют всего закона, ибо это непосильное бремя. Однако апостол скорее обвиняет их в двоедушии, поскольку они спокойно нарушают закон, когда другие на них не смотрят. Эта болезнь и сегодня распространена повсюду. Ведь даже сейчас можно найти многих, кто защищает папскую тиранию по мнительности, а не по совести. Я говорю о придворных «апостолах», обо всех, кого больше заботит собственное чрево. Подобно оракулам они возвещают нам, что надобно соблюдать законы святой римской церкви. И что же? Все определения римского престола они ценят не больше рева осла. Но при этом не хотят подвергать себя опасности. Так что Павел вел такой же бой с этими мошенниками, какой ныне мы ведем с лжеисповедниками Евангелия, смешивающими Христа с папой и предлагающими нам свою химеру. Павел срывает с таковых маску и учит, что они ничего не делают искренно, но заповедуют обрезание для угождения иудеям, демонстрируя им, как обращают неопитов. Это и называется хвалиться в их плоти. Они, говорит апостол, хотят торжествовать за

ваш счет и злоупотребляют телом вашим для сникания себе благоволения: в обрезанной плоти вашей они являют ложным ревнителям закона видимость мира и согласия.

14. А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира. 15. Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь. 16. Тем, которые поступают по сему правилу, мир им и милость, и Израилю Божию. 17. Впрочем никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем. 18. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братия. Аминь.

(14. Я же, да не будет, чтобы чем хвалился, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира. 15. Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь. 16. Тем, которые будут поступать по сему правилу, мир им и милость, и Израилю Божию. 17. Впрочем никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем. 18. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братия. Аминь.)

14) А я. Теперь Павел противопоставляет ухищрениям лжеапостолов собственную искренность. Он как бы говорит: Они, чтобы не нести свой крест, отрицают крест Христов, покупают благоволение людей вашей плотью, и хотят торжествовать за ваш счет. Мое же торжество и слава в кресте Сына Божия. Если галаты не лишены полностью здравого смысла, неужели они не отвергнут тех, кто так наживается на их беде? «Хвалиться крестом Христовым» означает то же, что хвалиться распятым Христом, если только не содержится здесь более глубокой мысли. Ибо апостол имеет в виду, что Его смерть была исполнена бесчестия и позора, более того, проклята Богом. Итак, Павел заявляет, что хвалится тем, чего так страшатся и так стыдятся люди. Он говорит так, поелику обладает в этой смерти совершенным счастьем. Ведь где высшее благо, там и высшая слава. Но почему именно там, а не где-нибудь еще? В кресте Христовом нам явлено спасение, но что скажем о воскресении? Отвечаю: в кресте содержится все искупление целиком и его отдельные части. Однако воскресение Христово никак не уводит нас от Его креста. Также следует отметить, что апостол боится любой другой славы, как смертельной опасности. Да удалит от нас Бог эту язву. Ибо слова «да не будет» содержат у Павла именно эту мысль.

Которым для меня распят мир. Поелику *σταιρος* мужского рода, в греческом оригинале относительное местоимение подходит как к слову «Христос», так и к слову «крест». По моему мнению лучше относить его ко кресту. Ибо через него мы в собственном смысле умираем для мира. Что же означает здесь мир? Он без сомнения противопоставлен новой твари. Итак, то, что противится духовному Христову Царствию, и есть мир. Поелику относится он к ветхому человеку. Короче говоря, мир есть как бы цель и стремление ветхого человека. Павел же говорит, что **этот мир для него распят**. В этом же смысле в другом месте (Фил.3:8) он свидетельствует, что все почитает за сор. Распятие значит здесь презрение к миру и его отвержение. Кроме того, апостол добавляет, что и сам он **распят для мира**. Этим он хочет сказать, что его никак не затрагивают происходящие в мире события, мир словно обратился для него в ничто. Ибо мертвого уже ничто не волнует, и с умерщвлением ветхого человека он воистину отрекся от мира. То же, как толкуют сие место иные толкователи: если мир считает меня извергом и проклиная меня, я, в свою очередь, проклиная и осуждаю мир – кажется мне далеким от мысли апостола. Но путь об этом рассудят сами читатели.

15) *Ибо во Христе Иисусе ничего не значит.* Вот причина, почему он распят для мира, и мир распят для него. Потому что во Христе, к Которому он привит, что-либо значит только новая тварь. Все же прочее должно пройти или скорее погибнуть. Я имею в виду то, что мешает обновлению духа. То же самое апостол говорит и во Втором Послании к Коринфянам (5:17): Если кто во Христе, он новая тварь, то есть, если кто хочет числиться в царстве Христовом, он преображен Духом Божиим. Он больше не живет ни для себя, ни для мира, но воскрешен для новой жизни. Почему же апостол выводит отсюда, что ни обрезание, ни необрезание ничего не значат? Об этом было сказано ранее. Ведь истина Евангелия поглощает и уничтожает все прообразы закона.

16) *Тем, которые поступают.* Любой, придерживающийся сего правила, говорит апостол, будет счастлив и благополучен. Радостная молитва, произнесенная здесь апостолом, также подтверждает эту мысль. Павел хочет сказать, что исповедующих подобное учение будут везде любить и сопровождать всяческой благосклонностью. Напротив, те, кто отойдет от этого учения, не будут достойны того, чтобы их выслушивали. Слово «правило» означает здесь твердо и навечно установленный способ действий, которого должны придерживаться все евангельские служители. Подобно тому, как архитекторы, строящие здания, строят их по определенным ка-

нонам, дабы отдельные части должным образом друг другу соответствовали, так и служителям слова приличествует иметь определенное правило, дабы упорядоченно и надлежащим образом созидать Церковь. Место сие должно окрылить как самих верных и искренних учителей, так и тех, кто получает от них назидания. Ведь они слышат, как устами Павла их благословляет Сам Бог. И нам не следует бояться папских угроз, ежели Бог обещает с неба мир и милосердие. Слово «поступать» может относиться как к служителям, так и к народу, хотя прежде всего оно относится к служителям. Будущее время глагола, скорее всего, употребляется здесь для обозначения стойкости.

И Израилю Божию. Павел косвенно насмехается над тщетными притязаниями лжеапостолов, хвастающихся плотским происхождением от Авраама. Итак, апостол говорит о двух Израилях: видимом, явном для человеческих глаз, и Божием. Ведь обрезание было для людей как бы внешней маской, перед Богом же истинно только возрождение. Ныне апостол называет Израилем Божиим тех, кого прежде назвал сынами Авраама по вере. Так он охватывает всех верных, собранных в одну Церковь, как язычников, так и иудеев. Напротив, Израиль, о котором идет речь в Послании к Римлянам 9:6, хвалится лишь плотским именем и родством.

17) *Никто не отягощай.* Здесь апостол заявляет о своем праве обуздывать противников. Ибо он говорит, словно пользуясь правом старшего: пусть они прекратят мешать ходу моей проповеди. У всех имеется повод испытывать скорби, однако апостол не хочет, чтобы ему противоречили. Итак, **отягощать** означает здесь противиться и мешать продвижению дела. Говорит же «впрочем», имея в виду все, кроме новой твари. Смысл таков: для меня достаточно одного; поскольку же все остальное не относится к делу, оно меня никак не заботит. Итак, пусть никто не возбуждает споры по этому вопросу. Таким образом, Павел, не разрешая никому мешать своему служению, возвышает себя над всеми смертными. Дословно будет не «впрочем», а «в остальном», что Эразм, по моему мнению, необоснованно отнес ко времени.

Ибо я ношу язвы. Апостол показывает, сколь уверенно он может отстаивать свой авторитет. Ведь в теле своем он носит язвы Христовы. Что же это за язвы? Тюремное заточение, оковы, бичевания, пощечины, побивание камнями, оскорбления всякого рода, все, что он вынес ради евангельского свидетельства. Ибо как у земного воинства имеются свои отличия, коими император отмечает доблестных солдат, так и вождь наш Христос украшает тех Своих людей, делами которых Он соизволил воспользоваться. Он делает это, чтобы эти люди выделялись среди остальных. Однако эти люди сильно отличаются от вышеназванных воинов. Ведь они благоухают крестом. Поэтому и презренны в глазах мира, что и означает слово «язвы». Ведь буквально «язвы» – это уколы плоти. Однако таким образом некогда называли все отметины, выжигаемые на теле рабов из варваров, беглых и злодеев. Посему Павел уместно хвалится отметинами, коими Христос обычно награждает Своих отличившихся воинов. То есть отметинами, позорными и постыдными для мира, но в глазах Бога и Его ангелов превосходящими все мирские почести.

18) *Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим.* Апостол просит Бога не только о том, чтобы Он обильно излил на них благодать, но и о том, чтобы сами они приняли ее с подлинным душевным чувством. Ибо тогда мы воистину наслаждаемся благодатью, когда она проникает в самый наш дух. Итак, будем просить Бога, дабы Он уготовил в душе нашей престол Своей благодати. Аминь.